ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1(3)
2017

ISSN 2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические
и экономические науки

ISSN 2500-3372 (print) ISSN 2542-1190 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: Политические, социологические и экономические науки

2017 № 1(3)
Издается с 2016 года

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия: *Невзоров Б. П.*, д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Редакционная коллегия:

Морозова Е. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.

Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).

Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).

Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).

Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).

Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).

Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).

Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
Series: *Political, Sociological and Economic Sciences*

2017 no 1(3)
Founded in 2016

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board: *Boris P. Nevzorov*, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *Olga O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Editorial board:

E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.

K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).

G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).

V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

4 ***Омеличкин О. В.*** Структура и функции политической культуры

12 ***Омеличкин О. В.*** Типология политической культуры

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

20 ***Желтов В. В., Желтов М. В.*** Ч. Р. Миллс о социологии знания (из наследия американского политолога и социолога)

28 ***Морозова Е. А., Минаева Т. А.*** Социальная политика в регионе: некоторые тенденции и проблемы (на примере Кемеровской области)

34 ***Нятина Н. В.*** Социализационная и жизненная траектории: интерпретация и механизм движения

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

39 ***Козлова О. Н.*** Современное состояние регионального страхования на примере Кемеровской области

47 ***Мягких Н. Б., Калачева Е. А.*** Присутствие банков на российском рынке микрофинансирования: причины, тенденции, последствия

53 ***Резник С. Д.*** Опыт и проблемы повышения эффективности сотрудничества авторов с издательствами экономической учебной и научной литературы

58 ***Унщикова Р. Т., Кириенко Е. А.*** Сравнительная характеристика российского и зарубежного опыта ведения и нормативно-правового регулирования управленческого учета

63 ***Федулова Е. А., Кононова С. А., Матросов А. М.*** Роль инвестиционной деятельности центральных банков в национальной экономике

71 ***Шулекин А. Н.*** Показатели оценки устойчивого развития организаций-застройщиков в области жилищного строительства

РЕЦЕНЗИИ

77 ***Головацкий Е. В.*** Социология питания: «вечная» проблема между традицией и транзитивностью. Рецензия на книгу: Кравченко С. А., Зарубина Н. Н., Носкова А. В., Карпова Д. Н., Голоухова Д. В. Социология питания: традиции и трансформации. М.: МГИМО-Университет, 2017. 302 с.

POLITICAL SCIENCE

4 ***O. V. Omelichkin.*** Structure and Functions of Political Culture

12 ***O. V. Omelichkin.*** The Typology of Political Culture

SOCIOLOGICAL SCIENCE

20 ***V. V. Zheltov, M. V. Zheltov***. C. W. Mills on Knowledge Sociology (from the Heritage of the American Political and Social Scientist)

28 ***E. A. Morozova, T. A. Minaeva***. Regional Social Policy: Tendencies and Problems (Kemerovo Region Case Study)

34 ***N. V. Nyatina.*** Socializatsional and Vital Trajectories: Interpretations and Mechanism of the Movement

ECONOMICS SCIENCE

39 ***O. N. Kozlova.*** Current State of Regional Insurance by the Example of the Kemerovo Region

47 ***N. B. Miagkikh, E. A. Kalacheva.*** Banks' Presence on Russian Microfinance Market: Reasons, Trends, Consequences

53 ***S. D. Reznik.*** Experience and Problems of Increasing the Effectiveness of Cooperation with the Authors of Economic Publisher Educational and Scientific Literature

58 ***R. T. Unshchikova, E. A. Kirienko.*** Comparative Characteristics of the Russian and Foreign Experience in Conducting and Regulatory Management Accounting

63 ***E. A. Fedulova, S. A. Kononova, A. M. Matrosov.*** The Role of The Investment Activity of Central Banks in the National Economy

71 ***A. N. Shulekin.*** Indicators for Assessing Sustainable Development of Real Estate Developers in the Field of Housing Construction

BOOK REVIEWS

77 ***E. V. Golovatsky***. Sociology of Food: «Eternal» Problem between Tradition and Transitivity. Book Review: Kravchenko S. A., Zarubina N. N., Noskova A. V., Karpova D. N., Goloukhova D. V. Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations. Moscow: MGIMO-University, 2017. 302 p.

УДК 323.2

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Олег В. Омеличкин[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *comel@kemsu.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2017.
Принята к печати 14.03.2017.

Ключевые слова: политическая культура, содержание и форма, политические ценности, нормы, модели, функции, управление.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы состава и функций политической культуры. Она представляет собой целостную систему, имеющую различные уровни и компоненты, соединенные обратными связями и соподчинениями. В культуре выделяется определенное идеальное содержание (смыслообразующие элементы) и форма (структура, технологии). Они неотделимы друг от друга. Их соотношение можно представить также в виде взаимодействия идеальной и реальной модели политической культуры. В ее составе автор выделяет множество элементов, включая политический язык, нормативно-ценностную систему, модели политического участия и т. д. Все они взаимосвязаны и согласованы друг с другом, а их сочетания образуют особую конфигурацию культуры. Они представляют собой некий идеальный комплекс, в котором в общем виде содержится программа политического наследования и развития общества. Социальное назначение политической культуры выражается в ее функциях (идентификации, интеграции, социализации и т. д.). С их помощью осуществляется воспроизводство действующей системы власти и управления, и реализуются новые политические проекты и решения.

Для цитирования: Омеличкин О. В. Структура и функции политической культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 4 – 11.

Политическая культура выступает как целостное образование, представляющее собой систему смыслообразующих и социотехнических элементов, включающую политические знания, ценности, нормы, приемы, модели политического участия и т. п., в которых зафиксирован политический опыт данного общества и общепринятые регуляторы политической отношений. Она выступает важнейшей характеристикой политической системы, нормативно-ценностным основанием политической организации общества и способом политической самореализации человека. В ней раскрываются взаимная связь и общение политических субъектов, общность их ценностей и политических целей. Сотрудничество и соперничество различных общественных сил, отражающие их культурные различия, придают политике динамичность и конструктивность, внутреннюю организованность и субъективную рациональность.

Внутренние механизмы функционирования и развития политической культуры обусловлены ее строением и составом. В рамках общей исследовательской задачи ее можно представить как целостную систему, имеющую различные уровни и компоненты, соединенные обратными связями и соподчинениями. Речь здесь пойдет об анализе структуры политической культуры как ее устройства, представляющего собой совокупность связей между расположенными определенным образом ее частями или программными единицами разного типа. Данные вопросы принято считать уже решенными. Но на наш взгляд, имеющимся подходам недостает теоретической обоснованности и терминологической четкости.

Политическая культура, как и любое общественное явление, имеет определенное содержание и форму. И то, и другое отличается разнообразными способами выражения. Содержание есть внутренняя сторона культуры, ее смыслообразующие элементы, основные идеи, значения, символы. Оно выражает идеальную сторону существования культуры. В нем закрепляются фундаментальные политические знания и представления, базовые политические ценности и идеалы, политические традиции, нормы и т. п., которые обеспечивают политическую коммуникацию и самосознание общества. Формой политической культуры выступает ее состав, структура, строение, представляющее собой определенный способ организации и взаимосвязи данных элементов, а также технологии их практического воплощения. Областью проявления культуры выступают реальные процессы и явления политической жизни, в которых выражается духовное содержание политики.

Содержание и форма в культуре неотделимы друг от друга. Содержание не может быть неоформленным, иначе оно не будет воспринято, а форма – пустой и бессодержательной. Одновременно они обладают определенной самостоятельностью. Проявляется это, в частности, в том, что одно и то же духовное содержание может быть выражено различными способами и в разных внешних модификациях, а некая политическая форма способна отражать различное содержание. Однако в целом связь между ними носит устойчивый характер, поскольку в многообразных способах политической деятельности общественных субъектов всегда воспроизводятся особенности их политического мышления и предпочтений.

Соотношение данных сторон можно также представить в виде взаимодействия идеальной и реальной модели политической культуры. Подобное разграничение по-

зволяет рассмотреть особенности идейного содержания политики, политического мышления и сложившуюся практику, политическую деятельность социума и индивида. Оно достаточно условно, поскольку в политической жизни упомянутые модели культуры выступают как единое целое. Политическая культура есть не простое механическое соединение, а синтез духовного и практического начал в политическом процессе, придающий указанному феномену особое качество и функции.

В то же время само содержание политической культуры весьма разнородно. В него входят архетипические образования, которые имеют древнее происхождение и проявляются почти бессознательно. Это своеобразная социальная память народа, существующая и передающая необходимую для политической жизни информацию и нравственные ориентиры на уровне подсознания и в рамках политического программирования. Другим компонентом политической культуры выступают целенаправленно создаваемые и сознательно распространяемые политические идеи, ценности и нормы, образцы политического поведения, отражающие политические интересы и современные представления субъектов политики в публичной форме. К форме политической культуры относится ее структура, способы согласования ее элементов и технологии принятия и реализации проектов и решений.

Внешним выражением или объективацией политической культуры является политическая практика данного общества, в которой отражается весь набор культурных образцов и норм, а также общепринятые культурные модели политической деятельности и отношений. Она выражает степень политической компетентности и активности граждан, их включенность в политическую жизнь общества. Культура обеспечивает политическое общение, обмен деятельностью, поддержание единства и управление обществом. Она помогает структурировать политическую систему с точки зрения политической роли и самоидентификации различных политических субъектов. В практической деятельности и устойчивых отношениях выражается содержательное богатство политической культуры.

Существование различных уровней и элементов политической культуры обусловило наличие разнообразных подходов и определений к ее составу и функциям. При этом аксиологический, нормативный, психологический, деятельностный, управленческий и т. д. аспекты часто не соединяются в системное представление о строении данной культуры. Нередко они рассматриваются по отдельности и выступают лишь формальными свидетельствами включенности политической культуры в многообразные политические процессы и отношения. Причем это происходит в далеко не всегда совпадающих мировоззренческих (восприятие и осознание политической действительности) и гражданских (позиция и участие в политике) формах. Тем самым нарушается целостность и соразмерность самой политической культуры.

Пространство политической культуры включает в себя несколько предметных областей и уровней. В самом первом приближении в нем можно выделить субъектов политического действия, рассматриваемых с точки зрения их культурных свойств. В этой связи можно говорить о политической культуре личности, группы или общества в целом. Это носители и творцы культуры. Объектами культурного воздействия выступают различные политические процессы, институты, политическая система в целом. Это результаты и объективные условия политической жизни, отражающие особенности политической культуры. В ее состав они также не входят. Собственное внутреннее содержание культуры включает политическое сознание во всех его проявлениях, а форма – соподчинение ее элементов, а также модели и инструментарий (технологии) политической деятельности, обеспечивающие достижение поставленных целей. Само политическое поведение людей есть только показатель (индикатор) их культуры.

Поэтому мы не можем согласиться с Г. Л. Тульчинским, который наряду с политическим сознанием к числу основных компонентов политической культуры относит политические институты (политические партии и группы интересов, процедуры принятия политических решений и т. д.) и политическое поведение (его формы и практику правоприменения) [1, с. 20]. Близкой позиции придерживается А. С. Паначева, включающая в политическую культуру в качестве основных элементов, помимо политического и религиозного сознания, формы государственного устройства и формы политического участия [2, с. 27]. В таком виде политическая культура соединяет разнородные компоненты и становится тождественной политической системе в целом. Но подразумеваемые авторами формальные политические структуры (организации, учреждения) и массовое поведение (выборы, манифестации и т. п.) являются лишь объектами реализации или опредмечивания политической культуры. Культура отражает устойчивые черты политического самосознания и способы самоуправления общества, а названные институции представляют собой результаты ее практического осуществления. Наряду с культурным содержанием, в них реализуются и факторы иного порядка.

Авторы известного американского пособия по сравнительной политологии во главе с Г. Алмондом в соответствии с принятой ими схемой изложения материала считают, что «политическая культура нации включает в себя три уровня ориентаций граждан: их отношение а) к политической системе, б) к политическому процессу, в том числе к процессу определения политического курса, и в) к результатам и следствиям реализации политического курса». При этом на системном уровне отражаются представления граждан о ценностях и организациях, скрепляющих политическую систему. Это национальная идентичность и гордость, а также легитимность действующей власти и ее законов. На уровне процесса отражены представления о принципах построения системы управления, о роли граждан и их политических правах. Ориентации уровня политического курса касаются отношения граждан к правительству, к приоритетным направлениям его политики и используемым средствам [3, с. 94]. Сами политические объекты в политическую культуру не входят.

С позиции системно-синерго-деятельностного подхода, И. Н. Гомеров выделил определенный набор элементов, внутренне присущих политической культуре. В качестве таковых выступают различные модели политических систем, политической деятельности и политических отношений субъектов и контрсубъектов политики. По мнению автора, существуют три основных группы элементов-моделей политической культуры:

1) недифференцированные (синкретические); к ним относятся игровые, традиционально-нормативные, мифологические, теологические и художественные элементы-модели, в которых знания, оценки и нормы либо не дифференцированы (не отделены) вообще, либо дифференцированы (отделены) частично и недостаточно четко;

2) дифференцированные (аналитические); к ним относятся рационально-нормативные (мораль, право), оценочные и познавательные элементы-модели, в которых знания, оценки и нормы, сохраняя взаимосвязь друг с другом, достаточно четко и полно дифференцированы (отделены) друг от друга;

3) интегративные (синтетические), к которым относятся те или иные программы политической деятельности, так или иначе интегрирующие (синтезирующие) в себе хорошо дифференцированные знания, оценки и нормы [4, с. 13]. На первый план здесь выходит способ связи элементов (идеальных моделей) политической культуры.

Интересный взгляд на политическую культуру предложен Т. В. Карадже. По ее мнению, культура как система состоит из «ядра», «элементов», «защитного пояса» и совокупности психоэмоциональных установок, определяющих порог чувствительности системы. Динамика и ритм развития культуры обусловлены социокультурным временем [5, с. 10]. Определяющим фактором своеобразия культуры является «ядро», которое формируется на протяжении всего процесса этногенеза и приобретает устойчивость и сложную систему защиты, что позволяет ему не подвергаться ассимиляции и исчезновению. Аккумулируя в себе некую информацию и передавая ее из поколения в поколение, оно гарантирует историческую воспроизводимость и самоидентичность социума. Это то, что часто называют менталитетом народа или его политическим мировоззрением. Культура здесь рассматривается как совокупность устойчивых рациональных и иррациональных коллективных представлений о себе и окружающем мире, как определенный склад политического мышления и чувств, присущих данной национальной общности.

Важнейшими элементами политической культуры являются соответствующие ценности и идеалы. Следующей составляющей системы культуры, считает Т. В. Карадже, является психоэмоциональная установка «свои-чужие». Она обусловливает особенности освоения или отторжения чужой культуры и различных новаций внутри социума. В политической культуре имеется особый «защитный пояс», который состоит из идеологии, политических мифов, традиций, норм, ритуалов, стереотипов, передаваемых из поколения в поколение и придающих устойчивость культуре. В нем есть постоянные и переменные компоненты. «Защитный пояс» препятствует разрушительному воздействию внешней среды и обеспечивает адаптационные механизмы приспособления к изменяющимся условиям политической жизни. С точки зрения прочности автор выделяет три типа такой защиты: жесткий, эластичный и неустойчивый [5, с. 15 – 16]. Все элементы здесь также относятся к политическому сознанию.

В научной литературе высказываются и другие близкие точки зрения ученых, которые в политической культуре выделяют относительно постоянный «субстрат», обуславливающий ее социально-политическое содержание и придающий ей определенную идейно-политическую направленность (политическая идеология, аксиология, психологические установки и нормы), а также «переменные» компоненты, изменяющиеся в зависимости от сдвигов в политической жизни общества (политические взгляды и настроения людей). При этом политические идеологии как формы политического сознания, отражающие интересы и представления различных общественных групп и их притязания на политическую власть, составляют ядро политической культуры.

Обобщенное представление о входящих в структуру политической культуры элементах и ее функционировании достаточно полно отразил известный российский ученый Э. Я. Баталов. Под политической культурой им понимается «система исторически сложившихся, относительно устойчивых репрезентативных убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные формы и направления, тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности» [6, с. 10].

В структуре политической культуры на основе проведенного анализа мы считаем необходимым выделить:

– политический язык, символы;
– политические знания, информацию, общие представления о политике;
– политические убеждения, принципы, ценностные суждения, мифы, стереотипы;
– политические ориентации, установки, идеалы;
– политические нормы, традиции, ритуалы;
– политические чувства, эмоциональные оценки политических явлений, устойчивые мотивы участия;
– образцы и модели политического поведения, технологии, умения, политический опыт и т. д.

Они отражают особенности политического мышления и деятельности людей на рациональном, эмоциональном и технологическом уровнях. Упоминаемые здесь культурные технологии есть совокупность знаний, методов, инструментов, связанных с управлением сознанием и поведением людей и совершенствованием политических практик. Они включают способы и процедуры накопления, отбора и передачи информации, обеспечивающие достижение желаемых результатов. Заметим, что сами модели также являются абстрактным представлением какого-либо политического явления или процесса. Рассмотрим данные структурные элементы более детально.

Функциональной основой политической культуры является особый политический язык, т. е. система определенных знаков и символов, имеющих общепринятое значение и отражающих совокупный политический опыт данного общества. С его помощью формируются общие представления о политической действительности, знания, ценности и понятия, используемые в политической деятельности и коммуникации, осуществляется обмен политической информацией. Политический язык имеет вербальное (речь, тексты) и невербальное, поведенческое выражение (жесты, ритуалы и т. д.). Он обеспечивает единый способ восприятия и понимания политических явлений, смысловую наполненность общения между участниками процессов. С помощью политического языка в общественном сознании закрепляются наиболее важные

смысловые и ценностные установки, передаются политические идеи, сообщения и осуществляется воздействие на политическую аудиторию.

Важную функцию выполняют также политические символы (государственные – флаг, герб – и иные), играющие идентифицирующую роль и служащие кратким обозначением тех или иных политических явлений. Это знаки или условные образы политических событий и процессов, имеющие понятный и общий для всех членов сообщества смысл. Они идейно и эмоционально объединяют людей, передают определенную информацию (сигналы) и побуждают их к коллективным действиям.

Политические знания составляют познавательный блок политической культуры. В них фиксируются наиболее распространенные и укоренившиеся представления граждан о политической системе общества и ее институтах, о действиях и решениях властей, деятельности партий и общественно-политических организаций, о законах и нормах политического поведения, о важнейших политических событиях внутренней и международной жизни и т. п. Они могут иметь как теоретический, так и обыденный характер. Эти знания необходимы для понимания сущности политических процессов и отношений в стране и сознательного участия граждан в политической жизни. Они придают объективность и критическую направленность политическому мышлению.

Основу политической культуры составляют политические ценности. В них отражается социально-политический опыт общества и смысловые ориентиры отдельных групп. Ценностями являются разделяемые гражданами представления о высокой значимости тех или иных политических явлений для определенного сообщества. В них отражаются культивируемые в определенной социальной группе нормативные суждения о должном или желаемом в политической жизни, о позитивных целях политической деятельности. Связанные с особым отношением субъектов к политическим объектам они во многом имеют избирательный характер. Конкретная их совокупность устанавливается путем соглашений в ходе совместной политической деятельности. Ценности позволяют людям вести себя предсказуемо и этически правильно в той или иной политической ситуации. Процесс формирования ценностного сознания является длительным и регулируемым.

К числу наиболее распространенных политических ценностей относятся политический порядок и законность, безопасность и стабильность, мир, политическая справедливость, политическая свобода, равенство и многие другие. В силу социальной соотнесенности и групповой обусловленности данные ценности могут иметь относительный и конфликтный характер. Так, ценность свободы в общественном сознании может вступить в противоречие с ценностью порядка, а ценность индивидуального самоопределения – с коллективистскими установками. Это зависит от политической позиции и принятой системы координат. Поэтому данные ценности по-разному воспринимаются различными общественными группами. Исследователи фиксируют усиливающийся в настоящее время переход от ценностей традиционализма и «материального» выживания к «постматериальным» ценностям свободы и самовыражения [7]. На основе политических ценностей формируются политические убеждения и предпочтения граждан.

Исследователи отмечают заметную роль в культуре политических стереотипов. Они представляют собой ставшее привычным устойчивое и одновременно упрощенное, схематическое представление о политических явлениях и процессах, отражающее групповой опыт и интересы. Стереотипы являются ограниченным способом политического познания мира и идентификации людей. В них проявляется инерция поверхностного и эмоционально окрашенного мышления, сводящего новые явления к уже известным образам. Эти политические представления могут носить как теоретически обработанный, так и обыденный характер и выглядеть вполне правдоподобными. В стереотипах перемешивается объективная информация, невольные искажения и предположения. В условиях политической неопределенности они выполняют ориентационную роль и существенным образом влияют на мировоззренческие позиции, оценки и политическое поведение людей.

Столь же значительна роль политических мифов и верований. Они закрепляются в общественном сознании как произвольное и эмоционально окрашенное представление о сложном и непредсказуемом политическом мире. Мифы могут распространяться на любые объекты политической действительности – события, людей, идеи. Их отличительными чертами являются статичность, иррациональность, иллюзорность, коллективность создания и распространения, долговечность. Они упорядочивают восприятие и дают приемлемое объяснение различным значительным явлениям политической жизни в условиях отсутствия достоверной информации и заслуживающих доверия источников. В них проявляются и поддерживаются не отрефлексированные стремления и потребности людей в психологической защите и вера в возможность простых решений и прямого осуществления желаемых целей. Проверить или теоретически опровергнуть их чрезвычайно сложно. Они практичны и опираются на множество допущений и дополнительных свидетельств. Особенно часто мифы возникают в период кризисов и потрясений. В них проявляются вечные политические сюжеты и их интерпретации (о «золотом веке», герое, заговоре, друзьях и врагах и т. д.).

На основе представленных мировоззренческих позиций возникают определенные политические установки. В них проявляется предрасположенность участников политического процесса к определенным оценкам возникающих ситуаций и мотивированность конкретных действий. Подобная заданность отношения выражается в известной предопределенности восприятия и реакции на внешние раздражители, а также в общей целевой направленности политического поведения. Политические установки связаны с ценностями и имеют глубинный и устойчивый характер. Поэтому они в значительной степени влияют на политические представления и деятельность людей, ориентируя на конфликты или сотрудничество. Высшей формой проявления ценностной установки является общественно-политический идеал.

Установки выступают как устойчивые ориентации на политическую власть и другие политические явления. В них проявляются политические предпочтения и ожидания людей. Говоря о восприятии политической системы,

Д. Истон писал об отношении к политическому сообществу, к режиму и власть придержащим (1965 г.). Р. Даль выделял ориентации на политическую систему в целом, которые влияют на уровень лояльности в обществе, ориентации на сотрудничество и отношения с другими людьми, которые влияют на формирование политических групп и взаимодействие между ними, ориентации на решение идеологических и прагматических проблем, отражающихся на взаимоотношениях политических партий [8, p. 352]. Наконец, У. Розенбаум в свою классификацию «базовых компонентов» политической культуры включает:

1) ориентации на государственные структуры (отношение к политическому режиму, официальным лицам, политике и решениям правительства);

2) ориентации на других участников политической системы (политическая идентификация, отношения доверия и представление о правилах игры);

3) ориентации на собственную политическую деятельность (политическая компетентность, использование доступных политических средств, возможность оказывать политическое влияние) [9, p. 5 – 7].

Ориентации формируют тип и направленность политической деятельности человека и общества. Они выражают интересы и предпочтения субъектов и лежат в основе общего подхода к изменению политической реальности. Сам же характер политических ориентаций определили Г. Алмонд и С. Верба в своей известной работе о гражданской культуре, выделив познавательные, аффективные (эмоциональные) и оценочные ориентации людей на политические объекты. Они могут быть довольно противоречивыми, но в основном достаточно легко фиксируются и позволяют структурировать политическую культуру.

Политические нормы являются важнейшим компонентом политической культуры. Они выступают неким эталоном политических отношений и одновременно общепринятыми правилами политического поведения. В них зафиксированы общие требования к деятельности политических субъектов в соответствии с правовыми и моральными устоями общества и государства. Они выступают формами социального контроля над поведением всех граждан. В то же время своеобразные нормы вырабатываются и в рамках отдельных групп и политических объединений. В целом культурные политические нормы имеют обязывающий характер и как особый институт регламентируют деятельность политических организаций и самодеятельных субъектов. Свое высшее выражение они находят в Конституции и закрепляются в праве. Под влиянием различных обстоятельств нормы с течением времени могут пересматриваться.

Действующая система норм предполагает определенные формы контроля за их соблюдением. Они включают в себя различные санкции за нарушения, включая критику, осуждение, наказание и другие методы воздействия. В них содержатся рекомендации социально приемлемых средств достижения политических целей и ограничения для отклоняющегося поведения. Предусматриваются и меры воспитания, разъяснения, убеждения. Они предлагают определенные культурные образцы и одобряемые обществом модели поведения. Многие политические, правовые и моральные нормы культуры имеют и стимулирующий (поощряющий) характер.

Политические нормы существуют также в форме обычаев, традиций и ритуалов. В таком неформализованном виде они входят в привычку и автоматически регулируют поведение людей. Они не требуют особых размышлений и принуждения и опираются на устойчивое понимание сложившегося порядка вещей. В них отчетливо проявляются коллективные представления и культурное наследие народа. Следует подчеркнуть особую роль политических традиций. Это функционирующий в течение длительного времени доминирующий культурный элемент легитимизации власти и управления. Он выражает культурную связь поколений путем передачи политических идей и практического опыта всего сообщества. Традиции способствуют сохранению политической преемственности и единства в развитии народа. Это регулярно повторяющиеся формы политической практики. Ритуальность в виде определенных публичных церемоний, праздников, процедур, регламентов и демонстрируемых символических актов также присуща политической жизни общества. Подобные действия придают ей организованность, зрелищность и эмоциональность.

Вместе с тем мы не можем согласиться с Н. И. Бирюковым и В. М. Сергеевым, которые считают, что «традиция политической культуры оказывается важнее для судеб демократии, чем конкретная модель политической системы» [10, с. 266]. При всей значимости культурных традиций, они не могут заместить политические регуляторы и структурные основания общественной жизни в виде политических институтов, норм и механизмов. Они являются адаптивным и приспособительным способом политической деятельности, обеспечивающим стабильность и идентификацию политического бытия. Однако наряду с традициями (которые могут изменяться) действуют иные инновационные механизмы, значительно интенсифицирующие политические процессы.

Психологический аспект политической культуры связан с комплексом устойчивых чувств, переживаний, испытываемых участниками политических процессов и отношений. Эмоциональное состояние общественного сознания определяет его отношение к политической действительности, формирует общие установки и мотивацию для коллективного действия. Эмоции встраиваются в механизмы политической деятельности и общения, закрепляются в социальной памяти народа. В них отражаются особенности отношения субъектов к своей стране и государственным учреждениям, к общественно-политическим объединениям и конкретным фигурам, к политическим соратникам и оппонентам, к официальному курсу и отдельным событиям политической жизни. Это могут быть чувства любви и ненависти, гордости и стыда, миролюбия и враждебности, доверия и подозрительности, умеренности и радикализма и т. д. При этом активную роль играют массовые процессы внушения, заражения, подражания, способствующие распространению определенных оценок и стереотипов. Управление чувствами людей является действенным способом регулирования их политического поведения.

На эмоциональный компонент политической культуры большое влияние оказывают различные иррациональные факторы и представления. Они представляют собой общие наблюдения и суждения о сложных политических явлениях и процессах, не получивших рационального объясне-

ния. Таковы политические мифы. Они отражают эмоциональное отношение к различным политическим событиям и опираются преимущественно на веру людей в их предназначение. В них содержится побудительный импульс к прямому политическому действию и наряду с вполне достоверными источниками они дополняются слухами, ложными предположениями, надеждами и эмоциональными оценками. Содержащаяся в них вера в возможность политического успеха воодушевляет людей и наполняет высоким смыслом их политическую деятельность.

Рассмотренные феномены политического сознания существуют не только в идеальном виде, но переводятся в политические действия. Они закрепляются в образцах и моделях политического поведения, выражаются в значимых целях, правилах и приемах. Данный компонент культуры связан с участием граждан в политической жизни, в работе политических институтов, деятельности различных организаций, в политическом общении и распространении информации. В политическом поведении обнаруживается степень освоения человеком политической культуры и реализации своих политических целей в общепризнанных политических формах и границах. Тем самым в нем выражается особое отношение с политической средой, имеющее культурные основания. Важную роль здесь играют практические знания людей, навыки и умения политической деятельности, накопленный опыт и привычки. Без практической деятельности политическая культура и гражданская позиция человека лишаются продуктивности. Определенная культура политического поведения обеспечивает то, что люди, обладающие близкими взглядами и моральными принципами, ведут себя в конкретных политических ситуациях типологически схожим образом.

А. А. Борисенков полагает, что политическая культура как разновидность культуры общественной по своей сущности заключена в технологии осуществления совместной деятельности. Эта технология воплощается в определенных правилах деятельности, которые связаны с различными политическими учреждениями. Политическая культура проявляется в правилах использования политической власти и принятия руководящих решений. Причем в каждом политическом институте заключен особый вид политической власти и соответственно особая технология (правила) ее использования. Поэтому каждый институт является носителем особого вида политической культуры, который раскрывается в процессе его функционирования. При этом политическую культуру нельзя рассматривать как форму существования индивидуальной или поведенческой культуры. Индивидуальная культура может служить только формой освоения людьми особой функции в системе деятельности политического института. В ней проявляется мера их профессионализма [11, с. 15 – 16].

Подобное противопоставление индивидуальной (профессиональной) и общественной культуры вполне возможно в том случае, если они рассматриваются как части или разные уровни одного целого – политической культуры. Однако А. А. Борисенков сводит политическую культуру исключительно к общественной культуре, отказывая ей в возможности индивидуального выражения. По его мнению, политика обладает особым общественным качеством, связанным исключительно с деятельностью политического института. Поэтому индивидуальная позиция выходит за рамки политических отношений. Нам же представляется, что индивид является таким же носителем политической культуры (конечно, в ограниченном виде), как общественная группа или институты, хотя и выполняет при этом иные функции. Очевидно, что позиция А. А. Борисенкова продиктована еще и тем, что политическую культуру он рассматривает как разновидность материальной культуры общества. Духовное содержание в ней, по-видимому, минимизируется [12, с. 157 – 158].

Подчеркнем, что политическая культура является целостным явлением, в котором все компоненты взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, а их сочетания образуют особую конфигурацию культуры. Знания, ценности, нормы, установки, модели поведения представляют собой некий идеальный комплекс, в котором в общем виде содержится программа политического наследования и развития данного общества. В культуре представлены устойчивые типы и формы политического взаимодействия социальных субъектов, которые обеспечивают политический порядок и преемственность, общую направленность политических изменений. Она организует, регламентирует политическую жизнь, придает общественную значимость ее основополагающим нормам и образцам. Именно политическая культура укрепляет политические связи между людьми, выявляя и распространяя общие ценности и традиции. Она обеспечивает политическую идентичность и единство общества, выступая матрицей системообразующих принципов и ценностей. Поэтому политическую культуру можно представить в виде системы, имеющей особую структуру, интегрированные элементы и определенные функции.

Социальное назначение политической культуры, ее воздействие на политическую систему и общество в целом находит выражение в ее функциях. Проблема функций политической культуры достаточно подробно исследована в научной литературе. Безусловно, культура участвует в выполнении всех функций, присущих политике в целом, но делает это особым образом – через развитие человека и его гражданской позиции. Она формирует политическое самосознание общества и определенный тип политического мышления и поведения. К числу важнейших можно отнести следующие ее функции:

– легитимизации сложившегося политического порядка и формирования позитивного отношения и поддержки институтов власти (что не исключает критику режимов ее функционирования);

– идентификационную, определяющую сознательно установленную принадлежность человека к определенной группе или политическому сообществу, к существующим политическим ценностям и традициям;

– интегративную, реализующую потребность в политическом согласии и консолидации общественных сил путем укрепления идейно-политического единства народа и преемственности в развитии государства;

– ориентационную, обеспечивающую общую направленность политической деятельности людей на определенные цели и объекты в рамках различных общественных движений;

– нормативно-регулятивную, устанавливающую основные правила «политической игры» и нормы полити-

ческого поведения граждан в рамках существующих свобод и ограничений;

– коммуникативную, обеспечивающую постоянный политический диалог и гражданские связи в обществе, а также обмен необходимой информацией между различными общественными силами;

– адаптационную, способствующую приспособлению к изменяющейся политической обстановке и ее требованиям с помощью формирующихся новых политических представлений и стереотипов;

– социализации, связанной с формированием политического мировоззрения и моделей поведения человека на основе освоения политического опыта общества и осознания собственных интересов и возможностей.

Реализация данных тесно связанных между собой и взаимодополняющих функций обеспечивает решение основных культурных задач:

– оспроизводство действующей системы власти и политических отношений на основе преемственности основных государственных символов, ценностей и норм. Присущие культуре инерционность и устойчивость элементов способствуют сохранению основных схем управления обществом и форм политического общения граждан даже в условиях изменения политических режимов;

– выдвижение новых политических проектов, целей и идей, оказывающих заметное влияние на переустройство политической жизни. В них отражаются изменившиеся политические представления граждан, их оценки политических событий и общественных деятелей, а также обновленные ценностные приоритеты и границы политической свободы.

А. В. Дука отмечает, что исследователи делятся на тех, кто говорит о целях и задачах политической культуры, тем самым антропоморфизируя и телеологизируя ее или задавая ей функции системы более общего характера, и на тех, кто предполагает естественность, противоречивость и разнонаправленность развития политической культуры. Другим аспектом является использование политической культуры политическим субъектом: рассматривается ли она инструментально или нет [13, с. 9]. Мы полагаем, что политическая культура имеет свое предназначение в обществе. При этом она развивается по собственным законам, но может использоваться людьми (особенно власть придержащими) в их политических интересах.

Особо подчеркнем то обстоятельство, что политическая культура обеспечивает совместный, организованный характер политической деятельности общества, направленный на достижение значимых для него целей. Именно культура с помощью комплекса политических ценностей и норм программирует, стимулирует и направляет эту деятельность в рамках эволюции определенной политической системы. Тем самым она обеспечивает политический порядок, целостность и стабильность его институциональных основ, управляемость политических процессов. Культура как определенный социальный код организует «политическое поле» общества, формирует политические позиции граждан и групп, регулирует политические отношения и взаимодействия между ними. Тем временем в ходе политической практики происходит обогащение и закрепление культурных образцов и стандартов.

В конечном виде политическая культура проявляется в культурных свойствах личности и способах ее самовыражения. Культура реализует важнейшие задачи политического формирования и развития человека. Расширение творческого потенциала личности и диапазона ее политических возможностей составляет суть этого процесса. Основными показателями ее культуры являются реально используемые права и свободы. Именно личность является основным носителем и творцом политической культуры.

В этой связи можно говорить о своеобразной социальной программе наследования и развития, которая представляет собой культурный опыт народа, передаваемый через каналы политического воспитания, коммуникации и преемственности. Первый этап этого процесса связан с политической идентификацией индивидов, уподоблением человека окружающим его людям, обретением определенного статуса, усвоением общепринятых ценностей и правил поведения. Здесь формируются не только политические знания, установки и стереотипы, но общие схемы организации политического мышления и действия. Но политическая культура не ограничивается воспроизведением определенного типа сознания и поведения. Она способствует обретению человеком своей индивидуальности, свободы и самобытности, выработке собственной гражданской позиции и отношения к политической действительности. Наконец, политическая культура проявляется в политической деятельности, в выполняемых политических ролях и самореализации, в поступках и осознаваемой ответственности, которые только и позволяют судить о культуре личности и общества.

В целом политическая культура выступает как непрерывный исторический процесс формирования и кристаллизации политических ценностей, норм, моделей политической деятельности и закрепления их в политической практике. При этом культуре присуща одновременно устойчивость и изменчивость, новизна и традиционность, всеобщность и локальность. Однако определенная внутренняя противоречивость и неоднородность политической культуры не препятствуют ее функционированию и развитию как целостной духовной и регулирующей системы.

Литература

1. Тульчинский Г. Л., Инглхарт Р. Ф., Вельцель К., Акопов С. В., Малинова О. Ю., Понарин Э. Д., Сунгуров А. Ю., Щербак А. Н. Политическая культура: учеб. пособие / под ред. Г. Л. Тульчинского. М.: Юрайт, 2015. 324 с.

2. Паначева А. С. Политическая культура: курс лекций. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 304 с.

3. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 2002. 537 с.

4. Гомеров И. Н. Политическая культура: лекция / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. 37 с.

5. Карадже Т. В. Политическая культура как система: содержание, структура и принципы функционирования // Вопросы политологии. 2014. № 3(15). С. 9 – 20.

6. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 7 – 22.

7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
8. Dahl R. A. Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale Univ. Press, 1965. 484 p.
9. Rosenbaum W. A. Political Culture: Basic Concepts in Political Science. N. Y.: Praeger Publishers, 1975. 181 p.
10. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис, 2004. 544 с.
11. Борисенков А. А. Политическая культура: сущность, виды и закон // Вопросы политологии. 2014. № 4(16). С. 7 – 17.
12. Борисенков А. А. Политическая культура: сущность, виды и закон // PolitBook. 2015. № 1. С. 146 – 164.
13. Дука А. В. Политическая культура – поиски теоретических оснований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 1. С. 7 – 30.

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF POLITICAL CULTURE

***Oleg V. Omelichkin*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *comel@kemsu.ru*

Received 01.02.2017.
Accepted 14.03.2017.

Keywords: political culture, content and form, political values, standards, models, functions, management.

Abstract: The paper deals with the matters of structure and functions of political culture, which present a holistic system that consists of various levels and constituents linked by feedback and co-subordination relations. Culture is a composition of specific ideal content (the meaning-generating elements) and form (structure, practical implementation), which are inseparable from each other. Their correlation can be represented as the interaction of the ideal and the real models of political culture. The author identifies a variety of elements in its structure, including political language, standard value system, models of political participation, etc. All these constituents are interrelated and coordinated, and their combinations form a particular configuration of culture. They make a perfect complex which contains a general programme of political legacy and development of the society. The social mission of political culture is manifested in its functions (identification, integration, socialization, etc.) which help reproduce the current governance system and implement new political projects and decisions.

For citation: Omelichkin O. V. Struktura i funktsii politicheskoi kul'tury [Structure and Functions of Political Culture]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 4 – 11. (In Russ.)

References

1. Tul'chinskii G. L., Inglehart R. F., Welzel Ch., Akopov S. V., Malinova O. Iu., Ponarin E. D., Sungurov A. Iu., Shcherbak A. N. *Politicheskaia kul'tura* [Political culture]. Ed. Tul'chinskii G. L. Moscow: Iurait, 2015, 324.
2. Panacheva A. S. *Politicheskaia kul'tura* [Political culture]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2005, 304.
3. Almond G., Powell J., Strom K., Dalton R. *Sravnitel'naia politologiia segodnia: Mirovoi obzor* [Comparative politics today: a World survey]. Moscow: Aspekt Press, 2002, 537.
4. Gomerov I. N. *Politicheskaia kul'tura* [Political culture]. Novosibirsk, 2012, 37.
5. Karadzhe T. V. Politicheskaia kul'tura kak sistema: soderzhanie, struktura i printsipy funktsionirovaniia [Political culture as a system: the content, structure and principles of functioning]. *Voprosy politologii = Issues of political science*, no. 3(15) (2014): 9 – 20.
6. Batalov E. Politicheskaia kul'tura Rossii skvoz' prizmu civic culture [Political culture of Russia through the prism of civic culture]. *Pro et Contra*, no. 3 (2002): 7 – 22.
7. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia* [Modernization, cultural change and democracy: the human development Sequence]. Moscow: Novoe izd-vo, 2011, 464.
8. Dahl R. A. *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven: Yale Univ. Press, 1965, 484.
9. Rosenbaum W. A. *Political Culture: Basic Concepts in Political Science*. N. Y.: Praeger Publishers, 1975, 181.
10. Biriukov N. I., Sergeev V. M. *Stanovlenie institutov predstavitel'noi vlasti v sovremennoi Rossii* [The establishment of representative institutions in contemporary Russia]. Moscow: Izdatel'skii servis, 2004, 544.
11. Borisenkov A. A. Politicheskaia kul'tura: sushchnost', vidy i zakon [Political culture: nature, types and the law]. *Voprosy politologii = Issues of political science*, no. 4(16) (2014): 7 – 17.
12. Borisenkov A. A. Politicheskaia kul'tura: sushchnost', vidy i zakon [Political culture: nature, types and the law]. *PolitBook*, no. 1 (2015): 146 – 164.
13. Duka A. V. Politicheskaia kul'tura – poiski teoreticheskikh osnovanii [Political culture – the search for a theoretical basis]. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2, no. 1 (2006): 7 – 30.

УДК 323.2

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Олег В. Омеличкин[1,@]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *comel@kemsu.ru*

Поступила в редакцию 31.03.2017.
Принята к печати 26.06.2017.

Ключевые слова: политическая культура, тип культуры, типология культур, политическая субкультура, массовая культура, эстетическая политика.

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические вопросы типологизации политической культуры. Анализируются основные подходы и классификации. Отмечается их дробность, эклектичность и разнородность критериев. Подчеркивается, что дифференциация политических культур должна происходить на политической основе. Формулируется понятие типа культуры как специфической системы ценностей и моделей политического участия, получивших широкое распространение в обществе и структурирующих политический процесс. Они не имеют идеально гомогенный характер и часто выступают в различных сочетаниях с другими типами. Автор предлагает типологию политической культуры, основанную на содержательных и формообразующих характеристиках данного общественного явления. Выделяемые им типы представляют собой сложные теоретические конструкции, которые включают в себя разнообразные комбинации и неслучайные сочетания системообразующих признаков и черт. Исследуется роль и разновидности политических субкультур, отражающих влияние социальных, национальных, религиозных, географических и иных факторов. Обосновываются возможности эстетической оценки политики.

Для цитирования: Омеличкин О. В. Типология политической культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 12 – 19.

Политическая культура является продуктом исторического развития общества. На ее формирование большое влияние оказывают производственный и экономический потенциалы страны, природно-географические условия жизни, социальный и этнический состав населения, административное устройство и законодательная база, уровень образования, религия, общественные объединения и т. д. Они влияют на политическую жизнь страны и фиксируются в виде устойчивых элементов политического сознания и поведения людей. Тем самым они способствуют национальной и культурной идентичности народа и находят отражение в содержании (ценности, нормы) и формах выражения (модели участия) политической культуры.

На этой естественно-исторической основе возникают различные типы политической культуры, характеризующиеся особыми способами и моделями политического мышления и поведения, стандартами политических отношений с властью и схемами управления. Каждый из них обладает существенными признаками, позволяющими вычленить их из изучаемой реальности в виде идеальной модели исторически сформировавшейся политической культуры. Такие типы обычно проявляются в специфических национальных формах. Однако их базовые принципы и мировоззренческие установки отличаются определенной универсальностью и могут обнаруживаться в различных государственных образованиях. Мы полагаем, что в основе каждого типа культуры лежит специфическая система ценностей и моделей политического участия, получивших широкое распространение в обществе и структурирующей политический процесс. Поэтому в каждый конкретный исторический период выделяется ограниченное количество типов культуры в любой стране мира. К тому же они не имеют идеальный, гомогенный характер, а часто выступают в различных сочетаниях и комбинациях с другими типами.

В зарубежной и отечественной научной литературе предлагаются различные типологические описания политической культуры. В каждом типе фиксируются наиболее важные, смыслообразующие, устойчивые признаки. Они представляют собой действительно значимые, содержательные и функциональные характеристики политической культуры. В конкретных исследовательских целях обычно используются частные схемы, основанные на самых разных критериях сравнения. Они могут быть вполне продуктивны в обозначенных авторами пределах. Однако до сих пор остается актуальной задача создания универсальной типологии политических культур.

Одна из попыток создания подобной типологии, стремящейся учесть максимально широкий круг разнообразных явлений, была предпринята в свое время Ю. Владиковой (1989 г.). Она классифицировала политические культуры по следующим признакам: формационному (рабовладельческая, феодальная и т. д.), классовому (пролетарская, буржуазная и др.), по идеологическим основаниям (коммунистическая, либеральная и пр.), по отношению к социальному прогрессу (прогрессивная/реакционная, динамичная/застойная и др.), по отношению к демократии (народовластная, авторитарная и т. д.), с точки зрения международных отношений (интернационалистическая, националистическая, гегемонистская и др.) и т. д. Автор говорил о классификации политической культуры с точки зрения масштабов и характера влияния на общество и власть объединений различного типа, по субъектам (носителям) культуры, исходя из их социального, профессионального статуса, демо-

графических характеристик, уровня образования, доходов, этнической и любой общественной организационной принадлежности [1, с. 136 – 137]. Здесь проявилась не только ограниченность преобладающего в тот период марксистского подхода, но и смешение разнокачественных и разноуровневых явлений – исторических типов политической культуры и существующих внутри них субкультурных образований.

В других политологических работах мы встречаем подразделение политической культуры на ее виды в зависимости от субъекта политики (общечеловеческая, цивилизационная, национальная, групповая и т. д.), от сфер политического процесса (властвования, политического участия, оппозиции), от форм и методов осуществления власти (демократическая, авторитарная, тоталитарная), от места в политической системе (доминирующая и периферийная), от степени распространения (массовая, элитарная), от восприимчивости к преобразованиям (замкнутая, открытая), от исторической периодизации, от форм существования в обществе и т. д. [2, с. 6 – 7]. Данная типология выглядит более однородной и обоснованной. Однако ее отличает контекстуальный подход, при котором содержательные вопросы культуры отходят на задний план. Поэтому поиск единых оснований для подобной работы должен быть продолжен.

Однако многие авторы считают необходимым выделить только один наиболее важный критерий, позволяющий вывести различные типы политической культуры. Таким критерием может быть специфика цивилизационного устройства (Восток, Запад) или религиозные традиции, формирующие важнейшие социокультурные коды и идентичности. Весьма распространен социально-экономический подход, ставящий на первое место особенности производства и рыночных отношений, которые влияют на рационализацию политических позиций. В результате, политические культуры разделяются на традиционные (аграрные), модернистские (индустриальные) и постмодернистские (потребительские) типы. Однако нам представляется, что дифференциация политических культур должна происходить на собственной политической основе.

Одним из первых к проблеме типологизации политической культуры обратился Г. Алмонд. В известной статье 1956 г. он выделил типы демократических режимов, определяемые особенностями политической культуры и ролевой структуры. Стабильные англо-американские системы характеризуются гомогенной и светской политической культурой. Большинство участников разделяет основополагающие цели системы и пути их достижения. Это создает условия для общественного консенсуса. Нестабильные европейские континентальные системы отличаются раздробленной и поляризованной политической культурой. В обществе нередко доминируют радикальные силы с несовпадающими ценностями и стандартами. В нем отсутствует устойчивое согласие относительно базовых приоритетов [3, p. 398 – 399, 407].

Продолжая данную традицию, У. Розенбаум также положил в основу своей типологии степень согласия между членами общества по отношению к властным структурам и фундаментальным ценностям. В соответствии с этим выделяются «фрагментарная» и «интегрированная» политическая культура [4, p. 61]. Здесь речь идет о степени однородности культуры. От этого зависит количество и характер взаимодействий между существующими в обществе политическими субкультурами. Тип политической культуры определяется уровнем лояльности граждан к власти, соблюдением общепринятых правил политической игры, доверием и терпимостью по отношению к другим участникам процесса. Фрагментированная культура отражает разобщенность и конфликтность политической жизни. Интегрированная культура характеризуется согласием и кооперацией различных общественных сил.

В этом же ключе несколько позже была разработана типология политических культур Д. Каванахом. Помимо гомогенной (единой) и фрагментарной (конфликтной) политической культуры, он выделяет смешанную (разнородную, неофициальную) и искусственно гомогенную (пассивную, подданническую) культуру [5]. На первый план выходят формы связи между различными компонентами культуры.

Наибольшую известность получила классификация политических культур, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой. В известной работе о гражданской культуре (1963 г.) авторы выделили основные типы политической культуры в соответствии с тем, каким образом индивидуальные политические ориентации соотносятся с феноменами политической структуры. При этом у каждого вида политических систем – традиционной, авторитарной и демократической – имеется одна определенная форма культуры, которая гармонизирована с ее собственной структурой. На этом основании были выделены следующие чистые типы политической культуры: парохиальная, подданническая, участническая. У каждого из них имеются свои подклассы [6, с. 33 – 38].

Парохиальная политическая культура в наибольшей степени характерна для простых, традиционных систем. В них отсутствуют или размыты специализированные политические роли и нет ожидания каких-либо перемен. У населения отсутствует интерес к политике. Приоритетны родовые, местные и религиозные сообщества и другие первичные группы. При этом ориентации на властные институты имеют позитивно окрашенный характер.

Подданническая политическая культура характеризуется высокой частотой положительных ориентаций на институционально и функционально дифференцированную политическую систему и ее «выходы», но ориентации на «вход» и собственную активную роль близки к нулю. Гражданин полностью подчинен законам и властям. По существу, это пассивное отношение к политике, свойственное централизованным авторитарным системам.

Участническая политическая культура предполагает, что члены общества позитивно сориентированы на систему в целом и ее различные аспекты («входы» и «выходы») и склонны проявлять активность в политике. Рядовой человек здесь политически релевантен и компетентен, становится сознательным, активным и лояльным участником политического процесса. Данная культура соотносится с демократической политической структурой.

Однако в периоды быстрых политических изменений культура и структура могут оказаться негармонизированными между собой. При этом процесс изменения политической культуры может остановиться в данной точке, либо продолжиться, сопровождаясь постепенны-

ми изменениями в структуре. Во всех этих случаях неизбежно сохраняются напряжения между культурой и структурой, наблюдается характерная тенденция к политической нестабильности.

Кроме того, ни один тип политических ориентаций не может вытеснить все остальные. Они комбинируются, сплавляются или сцепляются между собой. Все политические системы включают в себя активных участников, подданных и парохиалов. Поэтому политические культуры любой страны не являются однородными и единообразными. Есть все основания говорить об их смешанном характере. Для этого необходимо определить количественные доли, пороговые значения и конгруэнтность (гармонизацию) составляющих компонентов. Г. Алмонд и С. Верба использовали термин «системно смешанные» политические культуры для обозначения тех из них, в которых имеются существенные доли как более простых, так и более сложных моделей ориентаций. В таком состоянии политические культуры могут оставаться в течение продолжительного времени [6, с. 41].

Наряду с тремя чистыми типами политической культуры авторы выделили еще три типа системно смешанных политических культур: 1) парохиально-подданническую культуру, 2) подданническо-участническую культуру и 3) парохиально-участническую культуру [6, с. 41 – 47]. Специфическая смесь участнических, подданнических и парохиальных ориентаций порождает, по их мнению, особую гражданскую культуру, обеспечивающую качественное и эффективное функционирование демократических систем.

В западной науке существуют и другие классификации. Так, Д. Элазар показал, что различным американским штатам присущи «индивидуалистическая», «моралистическая» или «традиционалистская» политическая культура. Основанием для выделения данных типов является ориентация публичной политики на рыночные отношения, на нормы морали и общее благо, на сохранение местного сообщества [7].

В работах марксистского толка использовались иные критерии для выведения различных типов политической культуры. Так, основой такой типологии обычно выступало учение об общественно-экономических формациях и классах. Польский ученый Е. Вятр определял типы культур в связи с политическими системами стран и лежащими в их основе формациями. Причем каждой формации мог соответствовать не один тип политической культуры. В качестве основных типов выделялись традиционная политическая культура (племенная, теократическая и деспотическая), буржуазно-демократическая и автократическая культура, а также политическая культура социалистической демократии. Они дополняются второстепенными политическими культурами сословной демократии (патрицианская и дворянская) в рабовладельческом и феодальном обществе. А культура капитализма конкретизируется в виде консервативно-либеральной и либерально-демократической либо авторитарной и тоталитарной культуры [8, с. 265 – 271].

В этот же период российские ученые Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин предложили базовую типологическую модель политической культуры, основанную на членении по уровню общественного развития, который проявляется в типе существующих отношений и дистанции между гражданским обществом и политической системой (государством). В соответствии с этим выделялись следующие типы политических культур: архаическая, элитарная, представительская, культура высокой гражданственности. Применительно к западному обществу речь шла о спектре смешанных политических культур, объединяющих в разных пропорциях элементы двух базовых: элитарной и представительской [9, с. 212 – 213].

Э. Я. Баталов выделил иные идеальные типы политической культуры. Он исходит из того, что культуру следует анализировать под углом конкурирующих общественно-политических тенденций, а последние рассматривать как функции от основных механизмов социального регулирования, действующих в рамках определенного периода. На этой основе можно вывести различные типы политических культур как способов воспроизводства политической жизни общества. История западного общества знает два таких универсальных регулятивных механизма – рынок и государство. В соответствии с этим автор конструирует два полярных типа политической культуры: рыночную и этатистскую. Эволюция конкретных культур происходит в пределах континуума, ограниченного рыночным и этатистским полюсом [10, с. 51 – 53].

На основании универсальных характеристик политических систем и положения индивида в них К. С. Гаджиев выделил следующие крупные типы или базовые модели политической культуры: органическую (авторитарную, тоталитарную и др.), либерально-демократическую (гомогенную, фрагментированную и т. д.) и смешанную [11, с. 78 – 103].

По мнению И. Н. Гомерова, в основу классификации политических культур может быть положена, во-первых, спецификация направленности (содержания) и, во-вторых, спецификация способов (формы) их моделирования и регулирования. Это два наиболее общих критериев дифференциации культур. Они могут применяться как к целостным социальным коллективам, так и к отдельным индивидам. Способы моделирования и регулирования культур определяются степенью их рациональности, символичности и диалогичности. Таким образом создается определенный набор спецификаций и соответствующий ему типы политической культуры. Автор выделяет следующие «чистые» типы культур: а) подданническую и гражданскую; б) иррационально-монологическую и рационально-монологическую; в) иррационально-диалогическую и рационально-диалогическую; г) прагматико-монологическую и прагматико-диалогическую; д) символически-монологическую и символически-диалогическую; е) иррационально-символическую и рационально-символическую; ж) иррационально-прагматическую и рационально-прагматическую; з) индивидуально-направленную и социально-направленную [12, с. 30].

А. А. Борисенков определяет виды политической культуры на основе сопряжения с различными видами политических институтов, служащими ее единственными носителями и выступающими как реальное основание ее классификации. Каждому институту соответствует своя, особая политическая культура, заключенная в особых правилах принятия руководящих решений. Поэтому видов политической культуры может быть столько, сколько существует видов политических институтов, а также вариантов их взаимодействия (форм правления).

Например, можно говорить о таких видах политической культуры, которые соответствуют президентской или парламентской формам правления. Но прежде всего выделяются два основных вида культуры: авторитарная политическая культура и демократическая политическая культура. В каждом из них возможны подвиды, обусловленные особенностями политического режима. При усилении одного основного вида политической культуры происходит ослабление противоположного ей вида. Но в реальной жизни складывается множество переходных состояний, представляющих собой различные сочетания элементов данных культур [13, с. 159 – 162].

Существует множество других типов политической культуры, выделяемых исследователями на основе региональных и национальных особенностей. Очевидно, что политическая культура стран Западной Европы отличается от культур стран Ближнего Востока или Латинской Америки. То же самое можно сказать по поводу политической культуры отдельных стран мира. В ней присутствуют не только универсальные модели политического мышления и участия, но и национальные традиции, правила поведения, ценностные ориентации, способы общения и т. п.

Очевидно, что сами интерпретации политической культуры и установленные виды зависят от методологии и задач научного исследования. Попыткой обобщить имеющиеся подходы является общая схема типологизации политической культуры, предложенная А. А. Ширинянцем. В зависимости от критериев, положенных в основу различения, автор выделяет следующие интерпретации политической культуры.

I. Системные, организационные критерии

1. По степени интегрированности в политическую систему: а) господствующая; б) субкультура; в) фрагментарная; г) контркультура.

2. По уровню организации: а) индивидуальная; б) групповая; в) общая.

3. По статусу субъектов политической культуры в политической системе: а) элитарная (официальная); б) массовая; в) маргинальная (специализированная).

II. Функциональные критерии

1. По степени гомогенности: а) поляризованная, неоднородная; б) консенсуальная, однородная.

2. По степени и характеру участия субъектов в политической жизни (преобладающим «ролям»): а) рационально-активистская; б) подданническая; в) иррационально-отчужденная (парохиальная).

3. По способам осуществления социализации: а) гражданская; б) авторитарная; в) демократическая.

4. По характеру отношения к правящему режиму и политической системе в целом; а) лояльная; б) апатичная; в) отчужденная, оппозиционная.

III. Ценностно-нормативные критерии

1. По отношению к обществу, свободе: а) индивидуалистские (асоциальные); б) коммунитарные (коллективистские).

2. По отношению к государству и политической власти в целом: а) этатистские; б) антиэтатистские.

3. По целям, идеологической направленности: а) консервативная; б) либеральная; в) радикальная.

4. По объему исповедуемых ценностей, ориентированные на: а) общечеловеческие ценности; б) национальные, религиозные, профессиональные и т. п.

IV. Цивилизационные (исторические, социокультурные) критерии

1. По месту в истории человечества: а) архаическая, доиндустриальная (потестарная); б) индустриальная; в) постиндустриальная.

2. По социокультурным основаниям: а) самобытная (национальные традиции и собственный опыт государственности), эндемическая; б) космополитическая (чужой опыт и образцы) [14].

Данная классификация хорошо выстроена, но отличается предельно широким характером, который приводит к чрезмерной дробности и эклектизму.

Разрабатываются и другие типологии политической культуры. Многие из них продемонстрировали определенные познавательные и продуктивные возможности. Однако главной проблемой по-прежнему остается обоснованность выделения генерализующих признаков и критериев. Как правило, они относятся к явлениям, внешнеположенным по отношению к политической культуре – ее субъектам и социальным носителям, масштабам распространения, политическим режимам, историческим эпохам существования, общественному прогрессу и т. д. В лучшем случае речь идет о различных формах проявления политической культуры. Мы считаем, что типология политической культуры должна осуществляться на основе содержательных и формообразующих критериев.

Предлагаемая нами типология выглядит следующим образом. В ее основу должны быть положены определенные качественные политические индикаторы. С точки зрения самореализации человека, политическая культура выступает как – индивидуалистическая, групповая, общенародная; отношения к власти – официальная, оппозиционная, автономная; методов управления – демократическая, авторитарная, тоталитарная; механизмов развития – согласительная, конфликтная, нейтральная; состава – ценностно-ориентационная, организационная, технологическая; компетентности (уровня сложности) – профессиональная (элитарная), массовая, маргинальная. Все они проявляются в мыслительных, деятельностных и предметных формах. Очевидно, что в однородном виде или в одномерном измерении типы политической культуры не выделяются. Они включают в себя целый ряд сущностных характеристик и выбранных оснований. Существующие множественные модели культуры представляют собой сложные теоретические конструкции, которые включают в себя разнообразные комбинации и неслучайные сочетания системообразующих признаков и черт. Например, можно выделить модальный тип, имеющий одновременно индивидуалистический, оппозиционный, демократический, согласительный (и т. д.) характер. В реальной жизни подобные конкретные модели имеют к тому же разную страновую принадлежность и содержательную специфику.

Следует отметить, что доминирующая в течение длительного времени политическая культура всегда имеет массовый характер. Такова специфика как тотального, так и демократического политического контроля над обществом и управления им. Власть всегда стремит-

ся охватить все общество своим влиянием и внушить гражданам представление о своей необходимости и законности. Поэтому массовая культура – атрибут не только современного информационного общества, как принято считать, но обязательное условие нормального функционирования любой политической системы. Это отнюдь не означает, что при этом отсутствуют иные формы и виды политической культуры. Можно говорить о культуре политической элиты, административного аппарата, которая носит интеллектуально развитый и специализированный характер. Существуют оппозиционные движения и специфические субкультурные образования, которые формируются на периферии общественного сознания и группового поведения. Но преобладающей и наиболее идентичной политическому строю является массовая политическая культура. Только она опирается на государственные структуры и через многочисленные коммуникационные каналы транслируется на все общество. Именно она обеспечивает морально-политическое единство и стабильность всего государственного организма.

Доминирующая политическая культура выступает как достаточно однородное, институционализированное и широко распространенное явление. Она отражает интересы и идеалы господствующих политических сил. Однако в обществе существуют и другие виды культур, носителями которых являются различные общественные группы, занимающими периферийное положение в политической жизни. Существуют географические, национальные, религиозные и иные факторы, придающие политической культуре отдельных групп своеобразный характер. Они отличаются специфическими ориентациями, ценностями, стереотипами политического мышления, стилем поведения, свойственными данной группе. Это политические субкультуры, которые либо существуют внутри определенных типов культур, либо занимают маргинальное положение в обществе. В результате, политическая культура общества включает в себя совокупность автономных субкультурных образований.

Одним из первых данное явление исследовал Г. Алмонд. При изучении поляризованной политической культуры он выявил расколы последней на различные субкультуры и фрагменты. Они обнаружились как по вертикали, так и горизонтали строения культуры. При вертикальном срезе такие образования обладали особыми социальными и демографическими признаками, при горизонтальном – этническими, религиозными, региональными чертами. Действительно, в общей культуре можно выделить субкультуры молодежи, женщин, жителей села, этносов, конфессий, различных районов страны и т. д. У каждой из них есть свои особенности, обусловленные социальным положением, политическими интересами данных групп. В своей совокупности они структурируют политическую культуру всего общества. Имеющиеся расхождения могут относиться к разному восприятию текущих политических процессов, либо фундаментально различным ориентациям по отношению к политической структуре. Их изучение позволяет выявить возможные направления и перспективы развития политической системы.

Существование различных субкультур чревато для общества опасностью обострения идеологических разногласий и конфликтов, которые дестабилизируют политическую систему. Они свидетельствуют о разном отношении граждан к официальному политическому курсу, государству и иным институтам власти. Различны формы их функционирования и принятые способы политического участия. Нередко отсутствует взаимное доверие между их приверженцами. Однако политические субкультуры включают в себя не только специфические черты, но и то общее, что свойственно национальной культуре в целом. Поэтому всегда актуальна задача проведения широкого гражданского диалога и достижения общественного согласия по базовым политическим вопросам. В этом случае разнообразие культур становится источником политического развития народа. Условием его является единство общества по поводу основополагающих ценностей политики, терпимость в отношении идейных оппонентов, соблюдение общепринятых правил и норм политического взаимодействия. Наиболее полное выражение данные условия получают в демократическом обществе, обеспечивающем политическую свободу и права человека.

В этой связи можно напомнить, что российская политическая культура включает в себя субкультуры многочисленных народов, населяющих страну, различных социальных и политических групп, имеющих разнообразные цели и политические программы. Очевидны ее региональные особенности и религиозные составляющие. Подобная картина характерна для США, Бельгии, Индии и большинства других стран. Для нашей страны свойственно также заметное влияние идеологического фактора на политические процессы. До сих пор идут дебаты относительно возможностей и перспектив социалистического и либерального пути развития или преимуществ консервативного выбора. При этом присущий некоторым группам пафос отрицания основополагающих принципов политической организации общества и культивирование противоположных взглядов может привести к появлению контркультур.

Политическая культура проявляется в способности особым образом воздействовать на людей и организовывать их. Она опирается на воспитание и авторитет и проявляется в политическом взаимодействии и общении с помощью символических посредников (языка, обычаев, норм, ценностей). Ее участие в функционировании власти и поддержании политического порядка основано на достижении общественного согласия и осознании гражданского долга. Поэтому столь существенное значение имеет характер (конфронтационный, гегемонистский или солидарный) доминирующего типа политической культуры.

Как отмечает известный французский ученый Б. де Жувенель, власти присуща длительность влияния, выражающегося в трех конкретных свойствах – силе, законности, благотворности, которые обязательно должны быть осознаны и приняты человеком. Поэтому само повиновение власти в огромной степени состоит из веры, долга и доверия людей. Исходя из этого, в самом общем виде власть можно определить как «некое постоянное образование, которому люди имеют привычку повиноваться, которое обладает материальными средствами принуждения и существование которого поддерживается мнением, будто нам принадлежит его сила, верой в его

право повелевать (т. е. в его законность) и надеждой на то, что оно простирает на нас свои благодеяния» [15, с. 52].

При этом в своем чистом виде власть – как повелевание – существует сама по себе и для себя. Она устроена таким образом, что эгоистические побуждения сочетаются у нее с общественным служением. Этот дуализм непреодолим и вытекает из природы человека и общества. Надежда на устранение эгоистического начала (и поиски «совершенного и справедливого» правительства) может стать опасной химерой, поскольку именно оно дает власти ту внутреннюю силу, без которой она не могла бы выполнять свои функции [15, с. 176]. Поэтому власть всегда представляет общественную необходимость, устанавливая порядок и согласие, но также и опасность, поскольку присваивает общественные силы и ресурсы, чтобы использовать их для своего укрепления.

Данная трактовка совпадает с нашим пониманием политической власти, которая выступает как асимметричные политические отношения между государством и обществом, характеризующиеся способностью управлять людьми посредством специфических политических механизмов и средств. И роль политической культуры заключается в формулировании приоритетов и ценностей, гармонизации политических отношений и достижении общественно значимых целей. Необходимыми условиями функционирования политической власти является культурное единство и взаимозависимость субъектов, каждый из которых не может достичь своих целей без участия других. При этом власть обычно доминирует над обществом, навязывая людям собственную волю и интересы. Осуществляется это благодаря наличию значительных сил и ресурсов. В то же время власть невозможна без согласия и подчинения объектов ее воздействия. Только при этих условиях она может стать действенным механизмом регулирования общественной жизни и обеспечения развития общества. Культура играет в этом определяющую роль. Особенно велико ее значение в реализации принципа легитимности, благодаря которому происходит определенное самоотождествление народа и государственной власти.

Легитимность политической власти как культурное явление означает приемлемость осуществляемой политики и ее соответствие интересам населения и существующим законам и нормам. Положительная оценка населением деятельности властей основывается на общности их целей и ценностей. В легитимности нуждаются все стороны – власть, потому что так она обретает доверие граждан и обосновывает свои полномочия, население, поскольку приобретает свидетельства правомерности управленческих действий и оправданность своего подчинения. При этом поддержка политики властей не означает отказа граждан от ее критики и требований корректировки. Но преобладают здесь согласие и законопослушность.

В своей книге «Эстетическая политика» голландский философ Ф. Р. Анкерсмит вводит понятие «репрезентация» для представления политических процессов и институтов власти. Апробированное в исторических исследованиях, оно демонстрирует свои объяснительные возможности и в научной интерпретации различных моделей политического представительства как наглядного выражения парламентской демократии. Именно представительство составляет суть политической репрезентации. Отношения между народом и его представителями позволяют охарактеризовать особенности того или иного политического режима. При этом не существует заданной политической реальности. Она формируется, конструируется действующими субъектами в соответствии с определенными принципами и процедурами. «Политическая реальность возникает только после репрезентации и благодаря ей», – пишет ученый [16, с. 67].

Автор утверждает, что политические процессы не должны подвергаться этической оценке. Этика предлагает нам человеческое (индивидуальное) измерение политики, тогда как последняя тотальна (универсальна) по своей природе и является способом коллективной деятельности. Поэтому к ней в большей степени приложимы эстетические критерии, сближающие ее с репрезентацией в искусстве, отражающей иную форму социального взаимодействия и воздействия на массовую аудиторию. Художественная реальность предполагает особую связь социальных субъектов и устанавливает собственные правила эстетического восприятия и внушения. Здесь необходима определенная дистанция между зрителем (потребителем) и предметом искусства (спектаклем), некоторая отстраненность, позволяющая пережить и оценить глубину и драматизм объективных явлений и процессов в эстетически привлекательных и условных (не травматических) формах. Подобная дистанцированность и опосредованность существует и в политике. И там определяющую роль играет некий отчетливый социальный разрыв между субъектами и институтами, воспринимаемый как эстетически необходимая форма участия человека в политической жизни. Данный эстетический зазор, по мнению ученого, имеет позитивное значение и выступает основой политической власти и гражданской свободы.

Ф. Р. Анкерсмит подчеркивает принципиальное различие между двумя известными теориями репрезентации. Мимическая теория исходит из того, что политическое представительство должно как можно более точно отражать интересы народа. Эстетическая теория репрезентации предполагает несовпадение интересов и мнений народа и его представителей. Они вполне самостоятельны и автономны. Подобное расхождение является источником политического развития. Первая теория обосновывает неразрывное единство власти и общества и может стать основой тоталитаризма и тирании. В этой ситуации общество не может контролировать власть и становится объектом манипулирования. Эстетическая теория позволяет осмыслить и пережить расхождения между ними и увидеть в этом потенциальные возможности для альтернативных проектов и политических изменений. «Разорванность, отчуждение и конфликт… рассматриваются здесь как верные признаки хорошо работающей политической машины», – пишет он [16, с. 33].

Ученый утверждает, что только благодаря эстетической репрезентации власть приобретает подлинную легитимность. Во-первых, только в силу наблюдаемой всеми дистанции власть может быть отобрана у представителя его избирателями. Во-вторых, политическая власть в силу своей «эстетической природы… хотя может использоваться представителем (государством), не находится во владении ни представляемого (народа), ни

представителя (государства). Ведь мы видели, что власть имеет своим истоком не народ (как полагали теоретики народного суверенитета) и не правителя (как думали теоретики абсолютистского государства), а возникает *между* народом и государством» [16, с. 70]. Прямые и опосредованные отношения между народом и государством (правителем) становятся пространством легитимного функционирования политической власти, и проявляются в определенном стиле управления. При этом нередко у разных субъектов возникают претензии на власть и ее атрибуты. Лучшим способом оценки подобных действий является их проверка на соответствие закону и культурным традициям. Простого одобрения народа здесь уже недостаточно.

Вызывает удивление то, что народы почти никогда не восстают против власти, которая гнетет их и попирает. Ее жестокость вызывает у них страх, а бывает, что и восторг перед ее силой. Мягкость же власти люди обычно презирают [15, с. 296]. И в этом состоит один из главных парадоксов политической жизни общества.

Таким образом, культура и политика имеют нечто общее в своей природе, и это общее носит эстетический характер, предполагающий различные формы разрыва между фрагментами социальной действительности и человеком, которые обеспечивают определенное пространство для его самовыражения и защиты от неблагоприятных воздействий окружающей среды. В процессе репрезентации происходит визуализация и артикуляция в особой эстетической форме постоянной политической борьбы за власть, различных стратегий поведения ее участников, которые и формируют историческую реальность. При этом мы считаем необходимым говорить об определенной упорядоченности, организованности, согласованности и соразмерности всего политического процесса с точки зрения интересов граждан. Поэтому здесь мы имеем дело с процессом эстетического отображения, который углубляет наше понимание политической действительности. В этих условиях культурные интерпретации проблемы власти, ответственности ее обладателей и контр субъектов, строящиеся на известных эстетических принципах разорванности и конфликта, диалога и кооперации расширяют наши представления о российском государстве и обществе.

Гражданское общество в России должно осознать самое себя, свою самостоятельность и политико-эстетическую отдаленность (отчужденность) от государства. Тем не менее, если общество недостаточно окрепло, его соединение с сильным государством порождает деспотизм. Однако слабое государство (и политическое представительство) так же искажает образ этого общества и внушает ложные представления о его возможностях. В этом случае возникает анархия. Поэтому (к подобному заключению приходит и Ф. Р. Анкерсмит) наиболее плодотворным является сильное общество и сильное государство, между которыми устанавливается определенная эстетическая дистанция (барьер), обеспечивающая безопасность и автономность граждан и соблюдение ими государственных приоритетов. Только тогда народ может действительно влиять на важнейшие политические решения и активно участвовать в их осуществлении. Благодаря данному эстетическому контролю пока еще слабого российского общества над деятельностью официальных властей постепенно смогут сформироваться основные контуры нашей демократии.

Литература

1. Владикова Ю. Культура и политическая культура // Философия и политика в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 126 – 149.
2. Чаморро С. М. Общее и особенное в развитии политической и правовой культуры обществ Запада, Востока и России. М.: Диалог-МГУ, 1998. 35 с.
3. Almond G. Comparative political systems // The Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3. P. 391 – 409.
4. Rosenbaum W. A. Political Culture: Basic Concepts in Political Science. N. Y.: Praeger Publishers, 1975. 181 p.
5. Kavanagh D. Political Science and Political Behavior. London; Boston: Allen & Unwin, 1983. 225 p.
6. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
7. Elazar D. J. American Federalism: A View from the States. N. Y.: Crowell, 1966. 270 p.
8. Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 463 с.
9. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. 384 с.
10. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 252 с.
11. Гаджиев К. С. Основные модели политической культуры // Политическая культура: теория и национальные модели. М.: Интерпракс, 1994. С. 78 – 103.
12. Гомеров И. Н. Политическая культура: лекция / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. 37 с.
13. Борисенков А. А. Политическая культура: сущность, виды и закон // PolitBook. 2015. № 1. С. 146 – 164.
14. Ширинянц А. А. Понятие и концепт «политическая культура» // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). 2010. № 3. С. 65 – 100.
15. Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2011. 546 с.
16. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.

THE TYPOLOGY OF POLITICAL CULTURE

Oleg V. Omelichkin[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *comel@kemsu.ru*

Received 31.03.2017.
Accepted 26.06.2017.

Keywords: political culture, type of culture, typology of cultures, political subculture, mass culture, aesthetic politics.

Abstract: The paper deals with some theoretical and methodological issues of political culture typology. It examines the principal approaches and classifications and elicits their fractionality, eclecticism and diversity of criteria. It is emphasized that the differentiation of political cultures is supposed to occur on political grounds. The author understands the concept of culture as a specific system of values and models of political participation which are widely recognised in society and serve to structure the political process. Originally, they are not perfectly homogeneous and often act in various combinations with other types. The research proposes a typology of political culture based on the content-related and formative characteristics of the social phenomenon in question. The identified types present complex theoretical constructs which include variegated and non-random combinations of system-forming attributes and features. The author studies the role and types of political subcultures reflecting the impact of social, national, religious, geographic and other factors. He also substantiates the possibility of the esthetic evaluation of politics.

For citation: Omelichkin O. V. Tipologiia politicheskoi kul'tury [The Typology of Political Culture]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 12 – 19. (In Russ.)

References

1. Vladikova Iu. Kul'tura i politicheskaia kul'tura [Culture and Political Culture]. *Filosofiia i politika v sovremennom mire* [Philosophy and Politics in the Modern World]. Moscow: Nauka, 1989, 126 – 149.
2. Chamorro S. M. *Obshchee i osobennoe v razvitii politicheskoi i pravovoi kul'tury obshchestv Zapada, Vostoka i Rossii* [General and special in the development of political and legal culture of societies of the West, East and Russia]. Moscow: Dialog-MGU, 1998, 35.
3. Almond G. Comparative political systems. *The Journal of Politics,* 18, no. 3 (1956): 391 – 409.
4. Rosenbaum W. A. *Political Culture: Basic Concepts in Political Science*. N. Y.: Praeger Publishers, 1975, 181.
5. Kavanagh D. *Political Science and Political Behavior*. London; Boston: Allen & Unwin, 1983, 225.
6. Almond G., Verba S. *Grazhdanskaia kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiia v piati stranakh* [Civic culture: political attitudes and democracy in five countries]. Moscow: Mysl', 2014, 500.
7. Elazar D. J. *American Federalism: A View from the States*. N. Y.: Crowell, 1966, 270.
8. Viatr E. *Sotsiologiia politicheskikh otnoshenii* [Sociology of political relations]. Moscow: Progress, 1979, 463.
9. Burlatskii F. M., Galkin A. A. *Sovremennyi Leviafan: Ocherki politicheskoi sotsiologii kapitalizma* [Modern Leviathan: Essays on the Political Sociology of Capitalism]. Moscow: Mysl', 1985, 384.
10. Batalov E. Ia. *Politicheskaia kul'tura sovremennogo amerikanskogo obshchestva* [The political culture of modern American society]. Moscow: Nauka, 1990, 252.
11. Gadzhiev K. S. Osnovnye modeli politicheskoi kul'tury [The main models of political culture]. *Politicheskaia kul'tura: teoriia i natsional'nye modeli* [Political culture: theory and national models]. Moscow: Interpraks, 1994, 78 – 103.
12. Gomerov I. N. *Politicheskaia kul'tura* [Political culture]. Novosibirsk, 2012, 37.
13. Borisenkov A. A. Politicheskaia kul'tura: sushchnost', vidy i zakon [Political culture: nature, types and the law]. *PolitBook*, no. 1 (2015): 146 – 164.
14. Shiriniants A. A. Poniatie i kontsept «politicheskaia kul'tura» [Concept and concept of "political culture"]. *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*, no. 3 (2010): 65 – 100.
15. Jouvenel B. de. *Vlast': Estestvennaia istoriia ee vozrastaniia* [Power: The natural history of its increase]. Moscow: IRISEN; Mysl', 2011, 546.
16. Ankersmit F. R. *Esteticheskaia politika. Politicheskaia filosofiia po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014, 432.

УДК 316.771 + 316.776.3

Ч. Р. МИЛЛС О СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ (ИЗ НАСЛЕДИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТОЛОГА И СОЦИОЛОГА)

***Виктор В. Желтов*[1, @1], *Максим В. Желтов*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *vjeltov@kemsu.ru*
[@2] *riupark@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.06.2016.
Принята к печати 30.03.2017.

Ключевые слова: Ч. Р. Миллс, социология рефлексивная, социология знания, прагматизм, истина, патологизм, социологическое воображение, ремесленники интеллектуальные.

Аннотация: В статье раскрывается позиция видного американского социолога в вопросах социологии знания. Дается описание взглядов Ч. Р. Миллса на происхождение популярной в США теории прагматизма. Освещаются оригинальная позиция Ч. Р. Миллса в вопросах отношения к распространенным при его жизни концепциям структурного функционализма и эмпиризма. Раскрываются взгляды Ч. Р. Миллса на место и роль социологии в США, а также на предназначение социологов как интеллектуальных ремесленников. Ч. Р. Миллс полагает, что социология должна исходить из постановки проблем в контексте оценки с позиции всего человечества, потому обществовед не может писать только для интеллектуалов.

Для цитирования: Желтов В. В., Желтов М. В. Ч. Р. Миллс о социологии знания (из наследия американского политолога и социолога) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 20 – 27.

Интерес Ч. Р. Миллса к социологии знания вытекает из его изначального интереса к прагматической философии, который дал о себе знать в молодом возрасте. Нацеленный на действие, он стремился рассматривать любые теоретические концепции с точки зрения их практических результатов.

Согласно Миллсу, социология призвана ставить *эмпирически* теоретические вопросы и контекстуализировать свою собственную точку зрения. По его убеждению, социология сама должна себя рассматривать как одну из составляющих «культурного аппарата» (*cultural apparatus*) данного общества, т. е. как одну из «сред, внутри которых осуществляется артистическая, интеллектуальная и научная работа, и эти среды производят и распределяют то, что связано с развлечением и информацией» [1, p. 204].

Нужно сказать, что Миллс является сторонником рефлексивной социологии, которая сосредоточивает свое внимание на анализе социальных оснований философии и социологии.

Основания рефлексивной социологии

Ч. Р. Миллс обратился к социологии знания еще в период студенчества. При этом, несмотря на молодость, он изначально занял относительно оригинальную позицию в американском интеллектуальном пространстве. И эта позиция отличалась весьма существенно от социологии знания в Германии (*Wissenssoziologie*) и от подхода в данном вопросе Э. Дюркгейма [2, p. 670].

Ч. Р. Миллс считает, что идеи и менталитет определены исторически и психологически. Любой человек рождается и растет в пространстве значений, которые сложились до его появления на свет. И у него в целом нет иного выбора, как считаться с выработанными ранее значениями. Он, в частности, пишет в этой связи: «Люди живут в мире второй руки: они осознают множество вещей, которые не проходили экспериментально» [1, p. 203]. В силу этого аргументы, которые они могут использовать, только таковы, что они соответствуют правилам логики своего времени.

Точно также идеи, которые выдвигаются, например, в данное время, призваны подчиняться правилам, сложившимся ранее в области распространения идей. Правда, индивиды не являются неактивными. Они ведут своеобразный диалог внутри «обобщенного другого» (*autrui generalisé*), где они тестируют свои идеи, закрепляют или отбрасывают свои аргументы в зависимости от восприятия их или нет этой самой средой.

Согласно Миллсу, речь идет о своеобразной интериоризации индивидами влияния данной среды. Индивид размышляет в рамках определенного социально мыслимого пространства, которое ориентирует и определяет его мысль [2, p. 674]. Значения, которые он придает событиям и ценностям, с которыми они связаны, подчиняются принципу Этоса (отношения к миру), вписанного в структуру ментальных привычек, которые могут быть присущи интересам некоторых социальных сегментов (специфической группе, классу, совокупности институтов). «Обобщенный другой» является тем местом, где артикулируются правила господствующей логики и позиции того или иного специфического Этоса. В этом смысле «обобщенный другой» Миллса очень напоминает габитус В. Бурдье [3, с. 100 – 128].

В этой, по сути дела принудительной системе, первичную роль играет язык, т. к. с его помощью передаются идеи, символы и суждения. То, что свойственно сообществу обычных людей, присуще и научному миру, и отдельным мыслителям на индивидуальном уровне. В широком смысле слова, речь и язык определяю интеллектуальную ориентацию мыслителей на основе опре-

деленной терминологии, которая используется совместно с теми или иными учеными, или направлена против некоторых из них. Сама терминология, которая используется учеными, ставит их на определенные позиции (ср. [4, p. 84 – 85]).

Относительный статус истины

Имеет ли смысл понятие «истина» в социологии знания? Такой вопрос Миллс поставил в своей знаменитой статье еще в 1940 г. [5]. Данная статья была вызвана к жизни дискуссией, развернувшейся в США после появления работы К. Мангейма (1893 – 1947) «Идеология и утопия» (1929). В этой работе Мангейм, как известно, связывает воедино мысль и политику, введя различие между идеологией в некоем частном смысле слова, которая исторически становится исчезающей, и идеологией в тотальном смысле. В первом случае те, кто ведут дискуссию, могут использовать объективные критерии. Во втором случае речь идет о видении мира.

В итоге Мангейм различает две социологии знания: первая из них не занимается знанием с позиции его истинности. Сторонников такого подхода интересует только условия возникновения истины. Вторая же позиция, напротив, исходит из стремления выявить разного рода предубеждения. Такая позиция строится на основе признания частичности точек зрения.

В отличие от Мангейма, Миллс полагает, что знание социальной позиции интеллектуала позволяет делать заключение об истинности или ошибочности его предложения. Истина или объективность имеют смысл только в зависимости от принятых моделей или систем верификации, которые исторически изменчивы.

Такое утверждение является логичным для Миллса: он защищает идею о том, что социальная позиция влияет на структуру характера в своей совокупности и потому способна воздействовать на теоретический выбор.

О чем это говорит? Ученый принимает некие критерии или отказывается от них в зависимости от тех или иных социальных и/или культурных детерминант, которые оказывают на него воздействие. И эти детерминанты могут быть подвержены социологическому постижению. Это тем более верно потому, что поверх крупных философских построений (например религии) исследователи испытывают на себе воздействие технического словаря и форм классификации, которые являются зеркалом, деформирующим реальность настолько, что только слепой позитивист воображает, что сумел схватить всю целостность изучаемого объекта.

И такая постановка вопроса в целом подходит и для социологии знания. Только выявляя экономические, социальные и культурные детерминанты, которые на это знание воздействуют, открывается возможность для прогресса социальных наук.

Нужно сказать, что социология знания призвана изучать не только ученых, но и формы валидизации их утверждений. В итоге становится ясным, что знание является относительным. Модель Мангейма может быть преодолена на основе идентификации, вслед за Д. Дивей (1859 – 1952), эпистемологии и методологии. Релятивизация, которой требует социология знания, послужила бы в таком случае основой для выработки методологии социальных наук, следуя за исследованиями ученых, определяя мотивы действия, а также интеллектуальные и институционные принуждения, воздействующие на них.

Сделать социологию социологов: случай социал-патологистов

(Социальная патология – в органической школе социологии различные заболевания, сопровождающие развитие социального организма и ослабляющие его функционирование).

Требование рефлексивности социологии знания привело Ч. Р. Миллса к необходимости выявления предположений сторонников социальной патологии, течения, бывшего очень распространенным в межвоенный период. Этих сторонников Миллс назвал социал-патологистами [6]. Данное понятие Миллс заимствует у Левиса Джилина (1871 – 1951), профессора университета Висконсина. Наряду с Чарльзом Элвудом (1873 – 1946), который руководствовался своими протестантскими взглядами, или Джеймсом Боссардом (1888 – 1960), защитником многодетных семей, бывшим президентом Американской социологической ассоциации (1926), ориентировавшимся в своем творчестве на академическую социологию.

Нужно сказать, что в то время различие между «социологическим объектом» и «социальной проблемой» было еще не установлено. В контексте развития профессионализма социологов понятие «социальные проблемы» не имело достаточного теоретического обоснования. Это понятие характеризовалось информативностью и не имело общих оценок социальной структуры. В учебниках указывалось лишь на специализацию изучения.

Утверждение такого подхода в США было следствием социальной однородности авторов. Их насчитывалось примерно 30 человек, которые были выходцами из небольших городов или близлежащих к ним ферм. По происхождению их можно было всех отнести к временам, предшествовавшим индустриализации. Они проживали в похожих средах, интересовались вопросами социальной реформы и обучились в университетах. Они обращались к тем, кто относился к числу потребителей из лиц наемного труда. Данные исследователи в своем большинстве не шли дальше того, что систематизировали свои представления в среде, к которой они сами относились. И стремление осмыслить социальные реалии не шло у них далее иерархизации фактов. Набирая факты, они пытались осмысливать их в контексте во многом абстрактных представлений об институтах, группах и классах или профессий.

Главной проблемой для них было все то, что связано с адаптацией индивида к среде или окружению. В частности, это были, например, эмигранты, которые должны были ассимилироваться в обществе, говоря иначе – американизироваться. Когда же указанные исследователи поднимались на уровень общества, они твердили о «мультикаузальности», которая существует, по их представлениям, без иерархизации причин, и говорили о значении экономической детерминанты, что не давало конкретного политического решения. «Общество» или «социальный порядок», к чему они обращались, были для них относительно недифференцированным пространством, уподоблявшемся традиционным сообществам.

Но критика Миллса идет дальше. Он не дает научного определения патологизма – это пытался сделать Э. Дюркгейм в «Правилах социологического метода» (1894) – и раскрывает социал-патолигизм при описании пространства города только с помощью одного элемента. Этот элемент – «дезорганизация», связанная с подрывом образа традиционной сельской жизни в итоге индустриализации и городской централизации, которая следует вместе с ней и за ней. На этом основании они говорят об «опережении», «отставании», «адаптации» и «социальном изменении». В итоге получается почти биологический подход – индивид должен адаптироваться к окружению. В частности, иммигрант должен усвоить мораль протестантских средних классов американских городов.

Данная статья Миллса напоминает, что любой социологический анализ должен быть объектом социологической критики. Он указывает и на использование на практике выводов социологов. Социологи, по Миллсу, вносят свой вклад в обсуждение общественных проблем и играют определенную роль в определении соотношения социальных сил в обществе. Они могут вести арбитраж социальной иерархии и становиться «социальным оружием» на службе «властвующих элит» [7, p. 43].

Социология философов: пример прагматизма

В период опубликования своих первых работ в области социологии знания Миллс решает написать диссертацию, которую он защитил в 1942 г. Диссертация была посвящена социологическому анализу прагматической философии [8]. В соответствии с академической традицией Миллс предпринял попытку дать социологическую трактовку философских объектов и традиций [9]. Научный руководитель Миллса Говард Беккер (1899 – 1960) не советовал ему браться за такую тему, и потому диссертация Миллса была опубликована только в 1964 г. уже после смерти Миллса.

Условия возникновения философского течения

В развитие исследований в области социологии знания Миллс в своей диссертации стремится объяснить отношения между прагматизмом и социальной структурой американского общества. Он показывает, что само возникновение философии прагматизма мало академично. В случае прагматизма существенно сказалась трансформация высшего образования в США. Явление прагматизма подтверждает мысль о том, что идеи возникают только в институционном контексте, а социальная динамика это позволяет.

Возникновение прагматизма обязано, прежде всего, его связанности с общими для американского общества феноменами, давшими о себе знать в XIX веке: *экономическим ростом, научным прогрессом, секуляризацией образования*.

Эти три феномена оказали существенное влияние на модификацию самой организации университетов. Экономический рост содействовал дальнейшему развитию разделения труда, подъему утилитаризма, промышленному и финансовому развитию. Параллельно технический прогресс побудил развитие специализации в области образования: университеты встали на путь диверсификации подготовки специалистов. Это двойное движение привело к тому, что школы стали все более зависимыми от мира экономики, одновременно обретая известную автономию от религиозных групп. Получалось так, что руководители университетов постепенно стали отходить от христианских концепций. Подобным образом и студенты стали дистанцироваться от религиозных установок. Лишь небольшое число молодых людей избирали для себя религиозную карьеру. Большинство молодых людей приходили в университеты после получения публичного образования в лицеях. Известному упадку религиозности содействовало и то, что в вузах США появилось немалое число иностранных студентов.

В таком контексте важную роль играли два типа акторов. Во-первых, это касалось *руководства университетов*, вышедшего из прежней системы образования и вынужденного повышать свои профессиональные знания. Параллельно филантропы (Карнеги, Рокфеллер и др.) создали в системе образования фонды.

Во-вторых, в таких университетах, как Гарвардский и Джона Хопкинса, это изменение сказалось более всего: здесь стал формироваться слой научных работников. Началось развитие процессов *профессионализации научных исследований*. И хотя этот процесс в США шел не так быстро, тем не менее он охватил постепенно всю страну. Уже в 1890 г. резко возросло число ученых с научными степенями. Происходит и институционализация ряда направлений науки: Американская историческая ассоциация (1884), Американская экономическая ассоциация (1885), Американское математическое общество (1890), Американское социологическое общество (1905).

Миллс вслед за этим описывает среду возникновения и существования прагматической философии. Ее основателями являлись Оливье Ванделл Холмс (1841 – 1935), юрист, член Верховного суда, создавший в 1872 г. Метафизический клуб, и Чарльз Сандерс Пирс (1839 – 1914), ученый, работавший вне университетской среды.

Как видим, названные нами основатели прагматизма были не из мира университетов, их можно отнести к либеральной интеллигенции своего времени, многие из которой имели высокое образование, полученное в том числе в самых престижных университетах.

Изначально, например Пирс, не планировал формулировать свои взгляды за пределами созданного клуба. Среди его членов были адвокаты, юристы, научные работники, один научный вульгаризатор и даже бывший религиозный деятель. Основными темами дебатов были наука, Бог, право, логика. Прагматизм возник вне университетов, но он не смог бы утвердиться в обществе без университетской поддержки.

Две крупные фигуры прагматизма: Чарльз Пирс и Уильям Джеймс

Социология и прагматизм построены вокруг нескольких крупных фигур прагматизма. При этом Миллс обходит стороной некоторых авторитетных философов данного направления, таких, например, как Джордж Герберт Мид. Главное внимание уделено Миллсом *Чарльзу Пирсу* и *Уильяму Джеймсу (1842 – 1910)*. Миллс показывает, насколько их жизненные траектории освещают специфику американского прагматизма. Соединение в исследовании того, что называется жизненной трассой, и содержания трудов исследователей-

социологов являются весьма оригинальным подходом для американской социологии 1940-х гг. Успеху на этом пути содействовало и то, что Миллс имел двойное образование – философа и социолога, что позволило ему избежать односторонности в осмыслении прагматизма.

На двух научных конференциях (1878 и 1879 гг.) Пирс обозначил основы прагматизма как доктрины, нацеленной на достижение конкретных результатов в реализации научных концепций. Он защищал, в частности, такую идею – истина заключается в том, на что нацелен исследователь: «Предписанное мнение объединяет всех исследователей, и то, что мы называем истинным, и объект этого мнения являются реальностью. Именно так я объяснил бы реальность» [4, p. 92].

И Миллса привлекает не только релятивистская логика такой постановки вопроса, но и его (Пирса) маргинальное положение. Уроженец Кембриджа, основатель американского прагматизма имел все возможности для осуществления академической карьеры. Его отец был профессором математики и астрономии в Гарварде. Один из его братьев преподавал в Кембридже, а сам он получил диплом химика в Гарварде и желал стать преподавателем университета. Однако в 1861 г. он вступает в «US Coast Survey» как ассистент астрономической обсерватории в 1869 – 1872 гг., как лектор логики университета Джона Хопкинса 1879 – 1884 гг. «Два факта должны рассматриваться как отличительные в карьере Пирса, – отмечает Миллс. – Это был активный ученый, но *аутсайдер* в философии» [8, p. 141].

Эти два измерения накладывают отпечаток на его работы: то, что отличало университеты его времени, объясняет конфиденциальность его философской программы, в то время как его деятельность как ученого основывалась на прагматизме. С одной стороны, Пирс столкнулся с университетом, бывшим во многом религиозным. Он развелся и снова женился на эксцентричной француженке, любительнице вина, распутной и болезненной. С другой стороны, это был работник лаборатории, который на практике наблюдал за прогрессом научного разума. Это привело Миллса к выводу о том, что прагматизм Пирса был, прежде всего, результатом генерализации знаний, полученных в процессе практической деятельности исследователя.

Релятивизм Пирса соблазнил на путь признания и развития прагматизма У. Джеймса, который стремился соединить науку и религию [8, p. 248]. Через Джеймса Миллс рассматривает вопрос отношений между прагматизмом, эмпиризмом и спиритуализмом. И в данном случае вопрос траектории жизни Джеймса находит место в работе Миллса. Джеймс – сын пастора, родился в 1842 г. в Нью Йорке и с раннего возраста посещал собрания религиозных сект, а также интеллигентских кружков. Его детство прошло в разного рода переездах в Англии, Франции Швейцарии и Германии. Затем он поступает в Гарвард, где встречается с основателями метафизического кружка, нацеленного на изучение наук.

Установив тесные отношения с Пирсом, Джеймс получает пост в Гарварде: то как профессор психологии, то как профессор физиологии. В то время как Пирс рассматривал прагматизм в качестве метода, который мог применяться в довольно ограниченных масштабах, Джеймс становится активным пропагандистом прагматизма. Он полагает, что данная философия способна разрешить метафизические проблемы. Будучи убежденным индивидуалистом, он в то же время был консерватором в вопросах семьи и морали. И он ни слова не говорит о явлениях протеста; анархисты из Чикаго, например, получали безапелляционные объяснения только с позиции неких странностей, т. к. ни один американец не действовал бы и не думал бы подобным образом [8, p. 273]. Это означает, что политические убеждения Джеймса были далеки от позиций Миллса.

Причины успеха: пример Джона Дивей

Одна и та же философия может иметь разное восприятие у людей, имеющих разную жизненную траекторию и разную систему интериоризированных верований. Значит нужно найти подлинную публику. Один из самых оригинальных аспектов «Социологии и прагматизма» состоит в исследовании условий успеха прагматизма. И это Миллс показывает на примере жизненной трассы Д. Дивей, к которому Миллс испытывает настоящую симпатию. Он – сын коммерсанта, в 1879 г. получил диплом университета Вермонта. Был преподавателем, а потом изучал философию в университете Джона Хопкинса. В 1884 г. защитил диссертацию по «психологии Канта». Пять лет спустя получил работу в университете Мичигана. Там он создал «Michigan Scoolmasters Club». В 1894 – 1904 гг. он работал в университете Чикаго, возглавляя департамент педагогики. Будучи изначально гегельянцем, он постепенно становится приверженцем прагматизма. И на примере Дивей Миллс показывает, что прагматизм получил развитие в США благодаря системе высшего образования. Он пытается доказать, что эта система в относительно длительной перспективе создает сторонников этой философии.

Миллс указывает и на то, что Дивей регулярно публиковал статьи по прагматизму, в частности в *The New Republic*, который был рупором американского либерализма, выступавшего с позиций индивидуальных свобод и этатического интервенционализма в экономической и социальной областях. Читатели этого периодического издания были весьма просвещенными и отличались своими доходами и профессиями: 34,5 % читателей были преподавателями, в том числе университетов, 18,5 % – представителями свободных профессий, 17 % – предпринимателями и высшими кадрами [8, p. 326].

Сам Дивей был объединителем сторонников прагматизма. Он был последователем джефферсонизма и популизма, что было распространено в США в XIX в. Джефферсонизм опирался на наследие Просвещения, а популизм выступал решительно против толстосумов и трестов. Следовательно Дивей был сторонником прогрессизма в США. Но почему он имел успех?

Миллс показывает, что в годы активной жизни Дивей давал о себе знать двойной феномен: с одной стороны, шел процесс профессионализации корпуса преподавателей в их совокупности, число же их неуклонно возрастало; а с другой – философия как дисциплина переживала определенный упадок. Она все меньше привлекала на свою сторону студентов [8, p. 350]. Эти две тенденции позволили Миллсу построить модель восприятия, которую можно было применять за пределами случая с Дивей. Он соединяет *институционные контексты*, в рамках ко-

торых осуществлялась эволюция взглядов Дивей, *его карьеру*, в частности порядок прохождения различных фаз его социальной жизни, и *публику*, с которой он сталкивался, и сопутствующую *эволюцию* его *центров интересов*. Эти механизмы способны осветить структуру характера Дивей и характера его публики.

А потом встал вопрос трансформации социальной структуры в терминах *стратификации, профессии и демографии*. И Миллс приходит к выводу о том, что все служило на пользу Дивей: прагматическая философия была адресована среднему классу, получившему развитие и занимавшему все более важное место в американском обществе, она имела необходимые интеллектуальные ресурсы; способствовало этому и явление растущей профессионализации в обществе, сторонником которой был Дивей; а также миграция студентов из сел в города. Иначе говоря, Миллс предлагает объяснение успеха прагматизма в структурных терминах, оставляя в стороне содержание этой философии, которую он в некоторых аспектах подвергает критике [4, p. 96 – 97].

Социологическое воображение интеллектуального ремесленника

Из социологии социал-патологистов и философии Миллс строит собственное видение с точки зрения рефлексии интеллектуальной жизни своего времени. Он ее осветил в ряде статей, в частности в 1954 г., а также в самом значительном произведении «Социологическое воображение». В этом эпистемологическом эссе дано не только описание господствующих тенденций американской социологии того времени, но в данной работе Миллс показывает пути возвращения к классической социологии, в частности, он указывает на путь для социолога как интеллектуального ремесленника, знающего о границах своей профессии и стремящегося восстановить человеческое измерение социальных феноменов благодаря письменности, которая ставит социологическое знание в распоряжение самого большого числа людей.

Социологическое воображение и его противники

То, что Миллс называет «социологическим воображением», заключается в способе рассматривать социальный мир и связывать коллективную историю и индивидуальные судьбы. Социологическое воображение, пишет он, «дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества» [10, с. 14]. И далее Миллс добавляет: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества» [10, с. 16].

Миллс обозначает термином индивидуальных «испытаний» (*personal troubles*) изменения, которые воздействуют на ход жизни индивидов, и коллективные «ставки» (*public issues*), которые воздействуют на всю социальную структуру общества. Социологическое воображение приводит к артикуляции испытаний и ставок с двойной целью – понимания и каузального объяснения действия людей.

Перед лицом этой веберовской концепции социологии, которая ориентирована на неразрывно связанную теоретическую и эмпирическую работу, Миллс подвергает критике два отклонения: формализм тех, кого он называет представителями «Высокой теории», и наивный позитивизм «абстрактных эмпириков». Он отказывается от обоих подходов на основе того, что «методологическое самоограничение» абстрактного эмпиризма играет такую же роль, что и фетишизация «Понятия» в «Высокой теории» [10, с. 64].

На основе такого подхода он подвергает критике две наиболее известных тогда в Америке фигуры социологов – Толкотта Парсонса и Пола Лазарсфельда. Правда, он не затрагивает другие течения, например школу Чикаго. Это объясняется тем, что он лично знал произведения Д. Г. Мида, у которого он черпал вдохновение и который был связан с социологией Вебера, что получало выражение в его макросоциологической точке зрения.

Т. Парсонсу, да и всем представителям «Высокой теории», Миллс предлагает «спуститься с их заоблачных высот» [10, с. 45]. Он подходит к Парсонсу с двух сторон: его стилю близости к скрытому словоблудию, с одной стороны, и его социологической теории, функционализма, ставшим консервативным проявлением, – с другой. «Высокая теория» игнорировала мир людей, предпочитая ему абстракцию и концепции, интересовалась в большей мере формами легитимации социального порядка, чем институтами, которые образуют социальную структуру. «Высокая теория» является идеалистической и нормативной в том смысле, что она предпочитает ценности, которые позволяют обеспечивать мирное сосуществование индивидов. При этом нужно исходить из того, что не только верования и идеи создают социальный порядок, а институты и соотношение сил.

Критика *Лазарсфельда* – иной природы. Миллс предъявляет претензии не к изолированному мыслителю, а к своеобразной «административной машине», которую Миллс называет «административным аппаратом», который «рекрутирует и обучает для себя определенные типы работников умственного труда. Этот аппарат, – продолжает Миллс, – приобретает сейчас все большее распространение и имеет множество свидетельств того, что он станет еще более популярным и влиятельным. Интеллектуал-менеджер и специалист-исследователь – совершенно новые типы свободных процессий – в настоящее время конкурируют с более традиционными типами профессора и ученого-гуманитария» [10, с. 70].

Миллс обвиняет Лазарсфельда и его последователей в том, что они практикуют социологию цифр, которая, по сути, сводится к «статистически установленным фактам и связям, которые должны быть многочисленными, повторяющимися и измеримыми» [10, с. 82].

Позиция Миллса достаточно ясна: без теории невозможны никакие кумулятивные эмпирические исследования, кроме дескриптивного компаративизма. Он, в частности, пишет: «Когда «изготовитель науки» занимается трансформацией какого-либо раздела социальной философии в эмпирические науки и создает исследовательские учреждения, чтобы разместить их там, появляется огромное количество проектов. На самом деле нет никакого принципа или теории, которыми бы руководствовались ученые при выборе предмета подобных ис-

следований. «Счастье», как мы видели, может стать предметом исследований точно так же, как и поведение на рынке» [10, с. 83].

От господства одной социологии к другой

То, что пара, которую образуют «Высокая теория» и «абстрактный эмпиризм», очень различающиеся между собой своим содержанием и методом, господствует в американской социологии не случайно, по мнению Миллса. Согласно ему, любая социология является актом моральным и политическим. Работы социологов используются бюрократией и политиками. Миллс справедливо отмечает важное положение, связанное с ролью эмпирических исследований, проводимых в интересах бюрократии: «Исследование на службе бюрократии призвано повысить эффективность и действенность властей, предоставляя необходимую для планирования информацию» [10, с. 138].

«Высокая теория», по Миллсу, «не обладает непосредственной полезностью для бюрократии: ее политическое содержание находится в области идеологии, и именно идеологической сферой ограничивается ее применение» [10, с. 138]. Но она выполняет и политическую функцию: она легитимизирует социальный порядок.

Социологическое воображение идет далее, нежели эпистемологическое эссе. Миллс в нем показывает динамику, сравнимую с тем, что он создавал в своих работах по социальной стратификации, но на этот раз примененную к социологической дисциплине. И здесь США переходят от способа интеграции par correspondence (заочной) к способу интеграции на основе координации. «Социологическое воображение» вписывается в «политику истины» и разоблачает социологию развивавшейся под контролем властвующей элиты.

Миллс напоминает, что в США социология всегда востребовалась публичными властями и политическими силами. Она служила основой либерального реформизма, начиная с XIX в. И социология соединяет то, что он называет «либеральная эмпиричность» с ее вкусом к частичным исследованиям, с дескриптивными выводами. «В соответствии с «демократической теорией знания», – пишет Миллс, – [*американские социологи – прим. авторов*] предполагали, что все факты созданы равными. Более того, они настаивали на том, что любое социальное явление обязательно должно иметь большое количество мельчайших причин. Эта, так сказать, «плюралистическая каузация» весьма удобна для либеральной политики «постепенных» реформ» [10, с. 103].

Эта эмпиричность ценит равновесие, гармонию как невидимую руку плюрализма. За этим отношением в реальности скрывается классовое отношение. Миллс, в частности, пишет: «Но кто те студенты, для которых пишутся книги? Это, главным образом, молодые люди из среднего класса, многие из них, особенно в учебных заведениях Среднего Запада, происходят из семей фермеров и мелких бизнесменов, они собираются стать людьми свободных профессий и менеджерами. Писать для них значит работать для особой публики, для нового поколения среднего класса» [10, с. 107].

Эта тесная связь между обучающими и обучаемыми объясняет для Миллса глубокий консерватизм либерального эмпиризма, его морализм и привязанность к прогрессу, что приводит к принятию на вооружение концепции «культурное отставание». В этом находят отражение элементы, направленные против социал-патологистов.

В годы ВМВ, а более широко – в процессе трансформаций, проходивших в 1930-е гг. в США, либеральная эмпиричность меняет объект. Она становит на службу бюрократии политический, экономический и военный порядки. Под влиянием централизации власти и перехода общества от общества корреспонденции и к обществу координации меняется и социология. Численность центров научных исследований и экспертов умножается. Исследования бюрократизируются. Социологи принимают «социальный заказ», они изучают то, что бюрократы и доноры порядка ожидают от них. Они становятся консультантами. И Миллс, как обычно, оплакивает судьбу интеллектуалов и левых в США. И критический социолог оказывается в сети статистики, и он вынужден обслуживать систему (последователи Лазарсфельда) и ревностными теоретиками идеологии (Парсонс и его эпигоны).

Какое место для интеллектуального ремесленника?

Перед лицом разрушительной альтернативы Миллс определяет свою позицию в лоне классической социологии. «Я считаю, – пишет Миллс, – что классический социальный анализ составляет определенный комплекс традиций, которые могут быть осмыслены и использованы, а его существенной особенностью является связь с конкретно историческими социальными структурами. Исследуемые с его помощью явления имеют прямое отношение к требующим безотлагательного решения проблемам общества и человека» [10, с. 32].

Заявляя о себе как о стороннике М. Вебера и К. Маркса, Миллс подчеркивает свое внимание к социологии ежедневной жизни в ее самом тривиальном выражении. Он заявляет и о приверженности к требовательному социологическому пути. Классическая традиция коренится, по Миллсу, в амбиции придать смысл миру, моделируя общество как совокупность взаимосвязанных элементов на системной основе.

По определению, эта традиция определяет дисциплинарные и методологические барьеры. Она имеет тотализирующую амбицию. Ее вопросы касаются всех обществ, их трансформации и типов мужчин и женщин, которых они воспроизводят. Прогресс социологии, понимаемой таким образом, предполагает наличие общего основания, без чего накопление знания обречено на поражение. Становится понятным, почему первая глава «Социологического воображения» называется в русском переводе «Что нам обещает социология» (*авторам представляется более правильным название данной главы во французском переводе: «Великая надежда социальных наук»*), и общий тон произведения остается очень расколдовывающим. Как пишет Миллс во введении в сборник классических текстов «Images of Man»: «Большинство социологических идей, которые стали общими – и даже популярными в США – после Второй мировой войны сложились уже до того, как наше поколение начало работать» [11, p. 4]. Большинство объяснительных принципов в социологии сложились давно. Но и полити-

ческий консерватизм, а также и профессиональный корпоративизм тормозят их системное использование.

Социология должна рассматриваться как профессия, потому что модели и теории уже сложились. И социолог, значит, является интеллектуальным ремесленником, который при помощи социологии призван обслуживать коллектив, позволяя ему понять свою собственную историю, как прошлую, так и творящуюся на его глазах. В «Социологическом воображении» он дает и рекомендации для социологов.

«Интеллектуальное ремесло», по Миллсу, это разговор языком М. Вебера, форма *Beruf,* одновременно профессия и предназначение, чему Миллс посвящает свой день. Социолог – это не артист, который позволяет бликования своего воображения. Это труд, который отбирает и анализирует идеи и факты, использует все методы, которые позволяют постигать истину.

Обращаясь к студентам, Миллс отмечает, прежде всего, необходимость уметь сочетать эмпирическую и теоретическую составляющую работы социолога, избегая того, чтобы пускать пыль в глаза. И здесь чрезвычайно большую роль играют те из ученых, кто занимается преподаванием социологии, а более широко – всех общественных дисциплин. «При всей широте кругозора, – утверждает Миллс, – рядовой обществовед занимается преподаванием, а подобный род занятий во многом определяет на что он способен как профессионал. В качестве преподавателя он обращается к студентам, при случае публикуется и выступает перед более широкой или более влиятельной аудиторией» [10, с. 212].

Миллс прямо и с достаточной ясностью в своем знаменитом произведении формулирует и «политическую задачу обществоведа, как и любого другого либерального просветителя». Она «заключается в непрерывном переводе личных трудностей на язык общественных проблем и в объяснении индивидуальной значимости общественных проблем для людей различных категорий» [10, с. 213].

Весьма актуально в наши дни звучат слова Миллса о задачах, стоящих перед обществоведами. Задача обществоведа как ученого и просветителя – демонстрировать в своей работе и своей жизни социологическое воображение, его цель – совершенствовать навыки этого воображения у мужчин и женщин в той аудитории, которую ему предоставляет общество. И он добавляет: «Достижение этих целей обеспечивает безопасность разуму и свободной личности, а также делает их доминирующими ценностям демократического общества» [10, с. 213 – 214].

Исходя из такой постановки вопроса, Миллс со всей определенностью определяет место общественных наук в жизни общества. Эти науки, будучи «главным проводником разума в жизни людей, в действительности являются основной проблемой демократии на современном этапе» [10, с. 216].

Наконец, подчеркивая политическое измерение профессии социолога, Миллс полагает, что социология должна исходить из постановки проблем в контексте оценки с позиции всего человечества. И потому обществовед не может писать только для интеллектуалов. Он должен обращаться к максимально большому числу людей в их поддержку, избегая жаргона, излишней математизации и т. п. Становится понятным, почему Миллс стал предвестником «Публичной социологии», которая отражает в своих работа ординарный объект своего знания [12]. Рассмотрение социологии как профессии предполагает известную скромность перед лицом богатого наследия этой науки в ее классической версии, а также отказа видеть себя зачисленным в культурный аппарат, который в каждой нации является вспомогательным делом в системе национального господства [1, p. 206].

Литература

1. Mills C. W. The cultural apparatus // The Politics of Truth: Selected Writings of C. Wright Mills. Ed. Summers J. H. New York: Oxford University Press, 2008. P. 203 – 212.
2. Mills C. W. Language, logic, and culture // American Sociological Review. 1939. Vol. IV. № 5. P. 670 – 680.
3. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
4. Denord F., Réau B. La sociologie de Charles Wright Mills. Paris: La Découverte, 2014. 123 p.
5. Mills C. W. Methodological consequences of the sociology of knowledge // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 46. № 3. P. 316 – 330.
6. Mills C. W. The professional ideology of social pathologists // Power, Politics, and People: The Collected Essays of C. Wright Mills. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1943. P. 525 – 553.
7. Geary D. Radical Ambition: C. Wright Mills, the Left, and American Social Thought. Berceley, University of California Press, 2009. 298 p.
8. Mills C. W. Sociology and Pragmatism: The Higher Learning in America. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1964. 475 p.
9. Pinto L. La Théorie souveraine. Les philosophes français et la sociologie au XX siècle. Paris: Les éditions du Cerf, 2009. 382 p.
10. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998. 264 с.
11. Mills C. W. Images of Man: The Classic Tradition in Sociological Thinking. New York: Braziller, 1960. 534 p.
12. Burawoy M. Pour une socioloigie publique // Actes de la recherche en sciences sociales. 2009. № 176 – 177. P. 121 – 144.

C. W. MILLS ON KNOWLEDGE SOCIOLOGY (FROM THE HERITAGE OF THE AMERICAN POLITICAL AND SOCIAL SCIENTIST)

***Viktor V. Zheltov*[1, @1], *Maxim V. Zheltov*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *vjeltov@kemsu.ru*
[@2] *riupark@mail.ru*

Received 02.06.2016.
Accepted 30.03.2017.

Keywords: C. W. Mills, reflexive sociology, knowledge sociology, pragmatism, truth, pathologism, sociological imagination, intellectual craftsmen.

Abstract: The article reveals the position of the prominent American sociologist in matters of knowledge sociology. It gives the description C. W. Mills's views on the origin of the pragmatism theory popular in the United States. The article highlights C. W. Mills's original position in the matter of the attitude to the concepts of structural functionalism and empiricism, which were popular in his lifetime. The work reveals C. W. Mills's views on the place and role of sociology in the United States, as well as on the social scientists' role as intellectual craftsmen. C. W. Mills believes that sociology must proceed from the problems formulation in the valuation context of the whole mankind, so a social scientist cannot write only for intellectuals.

For citation: Zheltov V. V., Zheltov M. V. Ch. R. Mills o sotsiologii znaniia (iz naslediia amerikanskogo politologa i sotsiologa) [C. W. Mills on Knowledge Sociology (from the Heritage of the American Political and Social Scientist)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, no. 1 (2017): 20 – 27. (In Russ.)

References

1. Mills C. W. The cultural apparatus. *The Politics of Truth: Selected Writings of C. Wright Mills*. Ed. Summers J. H. New York: Oxford University Press, 2008, 203 – 212.
2. Mills C. W. Language, logic, and culture. *American Sociological Review*, IV, no. 5 (1939): 670 – 680.
3. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical sense]. Saint-Petersburg: Aleteiia; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2001, 562.
4. Denord F., Réau B. *La sociologie de Charles Wright Mills*. Paris: La Découverte, 2014, 123.
5. Mills C. W. Methodological consequences of the sociology of knowledge. *American Journal of Sociology*, 46, no. 3 (1940): 316 – 330.
6. Mills C. W. The professional ideology of social pathologists. *Power, Politics, and People: The Collected Essays of C. Wright Mills*. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1943, 525 – 553.
7. Geary D. *Radical Ambition: C. Wright Mills, the Left, and American Social Thought*. Berceley: University of California Press, 2009. 298 p.
8. Mills C. W. *Sociology and Pragmatism: The Higher Learning in America*. Ed. Horowitz I. L. New York: Oxford University Press, 1964, 475.
9. Pinto L. *La Théorie souveraine. Les philosophes français et la sociologie au XX siècle*. Paris: Les éditions du Cerf, 2009, 382.
10. Mills C. W. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Moscow: Strategiia, 1998, 264.
11. Mills C. W. *Images of Man: The Classic Tradition in Sociological Thinking*. New York: Braziller, 1960, 534.
12. Burawoy M. Pour une socioloigie publique. *Actes de la recherche en sciences sociales*, no. 176 – 177 (2009): 121 – 144.

УДК 304:33:36

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Елена А. Морозова*[1, @1], *Татьяна А. Минаева*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *morea@inbox.ru*
[@2] *min77@list.ru*

Поступила в редакцию 29.05.2017.
Принята к печати 26.06.2017.

Ключевые слова: социальная политика, социальная сфера, социальные проблемы, регион, уровень жизни, заболеваемость, жилищные условия.

Аннотация: Статья посвящена анализу современных тенденций и проблем реализации социальной политики в Кемеровской области. Но их описание предваряет обоснование важности социальной политики для нормального функционирования общества и некоторых ее концептуальных аспектов: трактовок социальной политики, ее субъектов и уровней. Далее представлен региональный опыт социальной поддержки различных групп населения и реализации социальных программ. Для оценки эффективности социальной политики проведен статистический анализ показателей уровня жизни, здоровья населения, жилищных условий, а также сфер образования и культуры. В качестве наиболее проблемных названы такие аспекты, как увеличение масштабов бедности и высокий уровень заболеваемости жителей области. Однако высокие темпы строительства позволили в последние годы заметно снизить долю нуждающихся в улучшении жилищных условий. В заключении делается вывод, что социальная политика должна оставаться важнейшей составляющей государственной политики в целом и центральной задачей региональных властей, особенно если территориальное сообщество находится в сложных социально-экономических условиях.

Для цитирования: Морозова Е. А., Минаева Т. А. Социальная политика в регионе: некоторые тенденции и проблемы (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 28 – 33.

Социальная политика является объектом изучения многих научных направлений – социологии и статистики, экономики и управления, права и политологии, демографии и других. Зачастую авторы претендуют на междисциплинарный статус своих исследований, справедливо полагая, что в рамках одной науки исчерпывающе раскрыть содержание такого феномена, как социальная политика, невозможно, что требует системного подхода к подобного рода исследованиям [1]. Но к какой бы научной отрасли не относились исследователи социальной политики, все они обосновывают ее огромную значимость для нормального функционирования и динамичного развития общества и его отдельных подсистем, поскольку «социальная политика стоит в основе развития и управления каждой страны. Независимо от влияния многочисленных факторов и проблем, она в значительной степени определяет физическое и психическое состояние населения, а также взаимоотношения и взаимосвязи между людьми» [2, с. 57].

С древних времен политики, государственные деятели, мыслители принимали во внимание социальные проблемы, интересы людей, осознавая значимость социальной составляющей в функционировании общества. Еще Аристотель в знаменитом труде «Политика» отмечал, что целью государства является обеспечение счастья для всех граждан. История знает немало примеров, когда игнорирование вопросов, входящих в предметное поле социальной политики, приводило к серьезным общественным катаклизмам. Так, в России в последнее десятилетие прошлого века, когда страна меняла политические и экономические ориентиры, социальные преобразования отошли на задний план, что привело к серьезному снижению уровня жизни населения, его социальной защищенности, демографическим проблемам, ухудшению иных параметров социального характера, которое повлекло за собой и негативные экономические последствия.

Традиционно считается, что эффективная социальная политика должна начинаться с ее концептуального осмысления – теоретико-методологических основ, которые включают в себя дефиницию самого понятия «социальная политика», ее цель и задачи, принципы и функции, субъекты и объекты, модели и формы, направления и уровни, механизмы и институты, а также другие элементы. В настоящее время теория социальной политики активно развивается и прирастает новыми знаниями.

Не ставя задачу освещения в настоящей статье теоретических основ социальной политики, на наш взгляд, нельзя обойти вниманием само это понятие, а также субъекты и уровни социальной политики.

В научной литературе можно встретить множество разных трактовок социальной политики (и соответствующих дискуссий), которые отличаются и содержанием, и ёмкостью понятия, и перечисляемыми элементами (см., например, [3 – 7]). Не останавливаясь на ранее проведенном анализе дефиниций социальной политики [8, с. 30 – 32; 9, с. 30], предложим собственное ее понимание: социальная политика – это концептуальные подходы и деятельность государства и других социальных институтов по регулированию социальной сферы обще-

ства и ее развития. В данном определении делается упор на то, что социальная политика содержит в себе не только деятельностный компонент, но и методологический – ее принципы, базовые установки, модель. Кроме этого, в нем называется объект социальной политики (социальная сфера) и цель (регулирование и развитие социальной сферы).

В приведенном определении социальной политики также есть указания на ее субъекты. Субъектами социальной политики являются те институты, которые ее разрабатывают и реализуют. Важнейший субъект социальной политики – государство, поскольку именно оно определяет общие подходы, модель, приоритетные направления социальной политики, ее нормативно-правовое и организационно-управленческое обеспечение, выделяет необходимые на ее реализацию средства, контролирует ход выполнения запланированных мероприятий и т. д. В этом случае говорят о государственной социальной политике. По мнению Е. С. Бакалдиной, «в самом общем виде государственная социальная политика представляет масштабную социальную технологию, направленную не только на повышение легитимности правящего политического режима, но и на повышение уровня жизни граждан этого государства» [10, с. 104].

Кроме государства и его органов, включая региональные, субъектами социальной политики являются муниципалитеты, хозяйствующие субъекты (предприятия и организации), гражданские объединения. Так, Т. Ю. Сидорина считает, что социальная политика вплетается в общую систему государственной политики, а в рамках формирующегося гражданского общества расширяет свои возможности и распространяется на альтернативные негосударственные объединения и группы» [11, с. 112].

С понятием субъектов социальной политики тесно связаны уровни, поскольку она может иметь как общегосударственный (федеральный) охват, так и региональный, муниципальный или организационный, а некоторые меры социальной политики осуществляются и на международном уровне. Так как темой данной статьи является социальная политика на уровне региона, остановимся на соответствующих понятиях – «региональная социальная политика» и «социальная политика в регионе», которые затрагиваются во многих работах, но четко не разграничиваются [12 – 15]. По нашему мнению, их нельзя отождествлять. Региональная социальная политика – это концептуальные подходы федеральных органов власти и неформальных институтов и их практическая деятельность, направленная на управление и развитие социальной сферой регионов. Социальная политика в регионе – это совокупность концептуальных основ и реальных мер по совершенствованию социальной сферы со стороны региональных органов власти, производственных и общественных организаций с учетом региональной специфики и региональной социальной политики (подробнее см. [16, с. 119]).

Социальная политика на региональном уровне в общих ориентирах, как правило, совпадает с государственной, поскольку последняя, как уже отмечалось, задает общий вектор социального развития, определяет социальные приоритеты, включает различные программы социальной направленности, предусматривает финансирование соответствующих проектов. Так, политика региональной власти в Кемеровской области на протяжении последнего двадцатилетия в полной мере соответствует общероссийским трендам. В области создана развитая система социальной поддержки населения. Главный ориентир социальной политики – оказание адресной помощи малообеспеченным гражданам, инвалидам и ветеранам, поддержка многодетных, молодых семей, повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями. Региональные власти таким образом реализуют в своей деятельности в большей степени тот подход, который основным объектом социальной политики определяет наиболее уязвимые слои населения. Соответственно, основными задачами социальной политики выступают обеспечение социальной стабильности, создание условий достойного существования несостоятельным членам общества.

На сегодняшний день практически каждый третий житель почти трехмиллионного Кузбасса является получателем тех или иных мер поддержки. Приведем примеры наиболее часто встречающихся. Это кузбасская пенсия, которая положена 45 категориям граждан, и ее получателями являются около 100 тысяч человек. Бесплатный уголь доставляют многодетным и малообеспеченным семьям, пенсионерам и ветеранам. Также этим категориям положены ежегодные овощные наборы, льготный проезд на транспорте, отдых и лечение в санатории «Борисовский» и многое другое. Активно поддерживается областными властями институт семьи. Так, с 2011 г. введен областной «материнский капитал» на третьего и последующего ребенка. Молодые и многодетные семьи, а также 20 различных категорий имеют право на получение льготного жилья, причем самые выгодные условия – ипотека на двадцать лет без первоначального взноса и под «ноль» процентов годовых, чего нет практически ни в одном другом регионе [17, с. 171 – 172]. Ежегодно в регионе вводится более миллиона квадратных метров нового жилья. Только в 2016 году 21,5 тысяч кузбасских семей справили новоселье, в том числе более 2,6 тысяч семей были переселены из ветхого и аварийного жилья [18, с. 12], проблема которого для промышленного региона является одной и острейших, и она обусловлена особенностями социально-экономического развития.

В рамках государственной программы «Доступная среда» на 2011 – 2020 гг. ведется создание безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья, увеличение числа получивших мероприятия по реабилитации и/или абилитации, а также реализуются меры по обеспечению занятости этой социально уязвимой категории населения. Следует отметить, что с 2010 г. в регионе была введена мера, когда работодателям, которые создают рабочие места для инвалидов, выплачивается компенсация 95,7 тысяч рублей за каждое место [17, с. 172]. Существует комплексная система мер поддержки для детей-сирот в первую очередь в части обеспечения их жильем. Созданы дополнительные социальные гарантии для семей, усыновивших детей: льготный проезд на транспорте, выплаты на приобретение жилья, льготы на коммунальные услуги и многое другое. Многодетным семьям бесплатно предоставляется домашний скот – овцы, кролики, птица.

Другая приоритетная задача социальной политики региона – поддержка детей и студенческой молодежи. Для одаренных представителей этих категорий (отличников, активистов, юных деятелей науки и культуры, спортсменов) действуют такие меры поддержки, как бесплатный отдых в России и за границей, им выплачиваются специальные стипендии, премии за достижения и так далее. Дети из малообеспеченных семей получают единовременные выплаты на подготовку к выпускному балу.

Одним из трех главных принципов бюджетной политики региона является «оказание мер социальной поддержки исходя из принципа адресности и нуждаемости» [18, с. 63]. 97 % расходов областного бюджета в текущем, 2017 г., сформированы в рамках двадцати одной государственной программы. Наибольшие объемы финансирования как раз предусмотрены на социальную сферу [18, с. 63].

Так, на первом месте находится программа «Развитие образования Кузбасса» (27,6 млрд рублей), которая предусматривает в частности социальную поддержку устройства детей, лишенных родительского попечения в семью в размере 1,4 млрд рублей, содержание детдомов и школ-интернатов – 1,3 млрд рублей, предоставление жилья для детей-сирот – 300 млн рублей. Вторая по объемам финансирования госпрограмма «Развитие здравоохранения Кузбасса» – 20,5 млрд рублей, из которой большую часть расходов, в размере 13,3 млрд рублей запланировано направить на страхование неработающего населения. «Замыкает тройку лидеров государственная программа «Социальная поддержка населения Кузбасса» – более 18 млрд рублей (18,2), в рамках которой сохранены все основные льготы и меры поддержки наших земляков, предоставление которых будет осуществляться с учетом принципа адресности и нуждаемости» [18, с. 67].

Для оценки эффективности социальной политики регионов применяются различные виды показателей и методики. Но в целом они базируются на стандартном перечне, характеризующем общие социально-экономические условия развития и благополучия региона и его населения. Рассмотрим динамику основных показателей в Кемеровской области (КО) и Российской Федерации (РФ) за последние 5 лет (правда, некоторые статданные за намеченный для анализа период найти не удалось) – см. табл. Информационной базой для составления сравнительной таблицы послужили данные Федеральной службы государственной статистики [19].

Таблица. **Показатели эффективности социальной политики**
Table. **Indicators of the effectiveness of social policy**

Показатели	**Период**		**Динамика, %**
	2011 КО / РФ	**2015 КО / РФ**	**2015 к 2011 КО / РФ**
Уровень жизни			
Среднедушевые доходы населения, (руб.)	16666 / 20780	21845 / 30474	131,1 / 146,7
Среднемесячная заработная плата (руб.)	20479 / 23369	28263 / 34030	138,0 / 145,6
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (% от общего числа жителей)	11,6 / 12,7	15,7 / 13,3	135,3 / 104,7
Уровень безработицы	8,1 / 6,5	7,7 / 5,6	95,1 / 86,2
Уровень здоровья населения			
Продолжительность жизни, лет	66,18 / 69,83	68,31 / 71,39	103,2 / 102,2
Коэффициент рождаемости на 1000 чел.	12,7 / 12,6	12,5 / 13,3	98,4 / 105,6
Младенческая смертность на 1000 новорожденных	7,4 / 7,4	6,7 / 6,5	90,5 / 87,8
Заболеваемость населения на 1000 чел.	840,8 / 796,9	870,9 / 778,2	103,6 / 97,7
Численность населения на одну больничную койку (человек)	106,1 / 106,2	111,3 / 119,9	104,9 / 112,9
Образование и культура			
	2014 КО / РФ	**2015 КО / РФ**	**2015 к 2014 КО / РФ**
Число дошкольных учреждений	1103 / 50979	1075 / 50115	97,5 / 98,3
Число средних образовательных учреждений	760 / 49469	689 / 42687	90,7 / 86,3
Число вузов	12 / 1115	8 / 896	66,7 / 80,4
Жилищные условия			
Общая площадь жилья на одного жителя	22,4 / 23,0	23,7 / 24,4	105,8 / 106,1
	2010 КО / РФ	**2015 КО / РФ**	**2015 к 2010 КО / РФ**
Удельный вес ветхого и аварийного жилья в общем жилом фонде	4,6 / 3,1	2,9 / 2,5	63,0 / 80,6
Семьи, состоящие на учете как нуждающиеся в улучшении жилищных условий (тысяч)	73,6 / 2821,4	67,0 / 2612,4	91,0 / 92,5

Из приведенных данных видно, что по-прежнему наиболее слабым местом был и остается уровень здоровья населения Кемеровской области. Так, по продолжительности жизни в 2015 г. регион занимал 77-е место, по уровню рождаемости – 55-е [18, с. 59 – 60, 69 – 70]. Следует отметить, что это общая тенденция, характерная для Сибирского федерального округа. Он находится на последнем месте среди 8 федеральных округов Российской Федерации по средней продолжительности жизни, что, очевидно, обусловлено как сложными климатическими условиями, так и исторически сложившимися особенностями труда и быта жителей Сибири. В то же время Кемеровская область опережает общие темпы роста продолжительности жизни (103,2 % к 102,2 % по РФ).

Общий экономический кризис, особенно негативно отразившийся на регионах с развитыми крупными промышленными предприятиями, обусловил негативные тенденции в показателях уровня доходов и занятости населения. Так, если по уровню роста заработной платы Кемеровская область находится на уровне, близком к общероссийскому (138 % и 139 % соответственно), то значительно отстает в темпах снижения безработицы и росте среднедушевых доходов населения. По последнему показателю наш регион занимает только 67-е место среди 85 регионов Российской Федерации [19, с. 33]. Кроме того, в рассматриваемый период значительно (на 4,1 %) выросло количество кузбассовцев с доходами ниже прожиточного минимума, между тем как в целом по стране этот рост составил только 0,6 %.

Данные показатели подтверждают необходимость сохранения социальной ориентированности региональной политики, всего объема действующих льгот, что и предпринимается региональными властями, несмотря на экономические трудности, продиктованные общим ухудшением ситуации. Подчеркнем, что во времена кризиса Кемеровская область достигла некоторых положительных изменений в показателях эффективности социальной политики. Главным образом это проявляется в повышении качества жилищных условий граждан. В указанный период превысило общероссийский уровень сокращение числа семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Это притом, что в 2010 г. доля ветхого и аварийного жилья в Кемеровской области практически в полтора раза превосходила средний показатель по стране. Однако за пять лет эта цифра сократилась на 1,7 % (с 4,6 % до 2,9 %), тогда как в Российской Федерации произошло сокращение только на 0,6 % (с 3,1 % до 2,5 %) [19, с. 304 – 307]. Безусловно, здесь сыграла роль принципиальная позиция региональной власти по увеличению темпов ввода нового жилья, гибкая и развитая система предоставления льготных ссуд на жилье для многих категорий граждан.

Проанализированные данные демонстрируют сложную социально-экономическую ситуацию в Кемеровской области прежде всего из-за влияния кризисных макроэкономических явлений последнего десятилетия. Вместе с тем региональные органы управления прилагают серьезные усилия, чтобы сдержать негативные тенденции в социальной сфере, продолжить богатые традиции социальной поддержки слабозащищенных слоев населения.

На наш взгляд, необходимо сохранить социальную ориентированность политики субъектов Российской Федерации, что созвучно с рекомендациями федеральных органов власти. Например, в постановлении Федерального Собрания Российской Федерации «О региональных аспектах социальной политики Правительства Российской Федерации» [20] органам государственной власти субъектов рекомендовано: обеспечить полное освоение всех бюджетных средств, выделяемых на реализацию программ в социальной сфере; не допускать ухудшения материального положения семей с детьми; содействовать созданию рабочих мест для инвалидов, а также разрабатывать гибкие формы занятости для молодежи, пожилых людей, семей, имеющих малолетних детей; продолжать мероприятия по уменьшению очередности в организации социального обслуживания и т. д.

Таким образом, социальная политика на региональном уровне требует постоянного внимания – и ученых, и законодателей, и управленцев. Необходим постоянный мониторинг актуальных социальных проблем, изменений, происходящих в социальной сфере и качестве жизни населения, результативности реализуемых программ и отдельных мероприятий. Анализ информации способствует выработке взвешенных решений по совершенствованию социальной политики и в конечном итоге улучшению условий жизни людей.

Литература

1. Морозова Е. А. Системный подход к анализу социальной политики // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования: сборник научных трудов / отв. ред. И. П. Поварич. Вып. 2. Кемерово: КемГУ, 2013. С. 126 – 131.
2. Терзиев В., Димитрова П. Социальная политика как инструмент общественного развития // Universum: экономика и юриспруденция. 2017. № 2(35). С. 55 – 67.
3. Балюшина Ю. Л. Социальная политика: понятие и сущность // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 56 – 59.
4. Гребенник Л. Г., Кравченко Е. Ю., Болотова И. С. Социальная политика государства: основные направления и тенденции развития // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 5(61). С. 173 – 181.
5. Печенкин В. В., Фадеев Д. В. Сравнительный анализ социальной политики: теоретические модели и подходы // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2(60). С. 263 – 269.
6. Хамидуллин Н. Р. К вопросу о понятиях «социальная политика» и «социальная защита населения» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7(168). С. 45 – 49.
7. Чикарина Л. Я. Концептуальные подходы зарубежных исследователей к пониманию социальной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1(15). С. 117 – 121.

8. Морозова Е. А. Социальная политика в Кузбассе: Теоретические основы. Региональная практика. Обратная связь. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 564 с.
9. Морозова Е. А. Социальная политика и качество жизни: о взаимосвязи понятий // Сибирская финансовая школа. 2014. № 6(107). С. 29 – 34.
10. Бакалдина Е. С. Государственная социальная политика Российской Федерации: выбор приоритетов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4(60). Т. 1. С. 104 – 107.
11. Сидорина Т. Ю. Социальная политика – между экономикой и социологией // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 112 – 120.
12. Васильева Е. Г. Оценка эффективности социальной политики: региональная практика // Власть. 2008. № 12. С. 29 – 33.
13. Дорофеева В. А., Малюкова Е. В. Социальная политика как основа устойчивого социально-экономического развития региона // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1(78). С. 239 – 243.
14. Зимин В. А., Морозова Г. А. Социальная политика в регионе // Успехи современной науки. 2017. Т. 7. № 1. С. 144 – 148.
15. Лубашев Е. А. Региональная социальная политика: теоретические основы, функции и принципы // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 15. С. 50 – 54.
16. Морозова Е. А., Бельчик Т. А., Головина О. В., Кочнева О. П., Лузгарева О. И., Мухачева А. В., Пастухова Е. Я., Сухачева А. В. Социологическая оценка результативности социальной политики на региональном и муниципальном уровне // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3(55). Т. 3. С. 119 – 124.
17. Тулеев А. М., Исламов Д. В. По пути созидания. Кемерово: Сибирская издательская группа, 2015. 255 с.
18. Тулеев А. М. Бюджет 2017 – 2019: опираясь на прошлое, сохраняем лучшее, создаем будущее. Кемерово: КРИРПРО; ФЛЕКС-АРТ ПО, 2016. 114 с.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
20. О региональных аспектах социальной политики Правительства Российской Федерации: Постановление Федерального Собрания Российской Федерации № 31-ФС от 15.02.2017. Режим доступа: http://www.russia-today.ru/new.php?i=9860 (дата обращения: 25.05.2017).

REGIONAL SOCIAL POLICY: TENDENCIES AND PROBLEMS (KEMEROVO REGION CASE STUDY)

***Elena A. Morozova*[1, @1], *Tatyana A. Minaeva*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000*
[@1] *morea@inbox.ru*
[@2] *min77@list.ru*

Received 29.05.2017.
Accepted 26.06.2017.

Keywords: social policy, social sphere, social problems, region, living level, morbidity, housing conditions.

Abstract: The article is devoted to the analysis of modern trends and problems of implementing social policy in the Kemerovo Region. But their description is preceded by the substantiation of the importance of social policy for normal functioning of the society and some of its conceptual aspects: the interpretation of social policy, its subjects and levels. The paper also features the regional experience of social support for different population groups and the implementation of social programs. To assess the effectiveness of the social policy, a statistical analysis of the indicators of the social living standards, public health, accommodation, as well as education and culture has been carried out. Such aspects as the increase in poverty incidence and the high level of morbidity of the regional inhabitants are named as the most problematic ones. However, the high pace of real estate development has made it possible, in recent years, to significantly reduce the proportion of the people who need better housing conditions. In conclusion, it is deduced that social policy should remain the most important component of the state policy in general and the central task of regional authorities, especially if the territorial community is in difficult socio-economic conditions.

For citation: Morozova E. A., Minaeva T. A. Sotsial'naia politika v regione: nekotorye tendentsii i problemy (na primere Kemerovskoi oblasti) [Regional Social Policy: Tendencies and Problems (Kemerovo Region Case Study)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, no. 1 (2017): 28 – 33. (In Russ.)

References

1. Morozova E. A. Sistemnyi podkhod k analizu sotsial'noi politiki [A systematic approach to the analysis of social policy]. *Chelovecheskie resursy: problemy innovatsionnogo razvitiia i ispol'zovaniia* [Human resources: problems of innovative development and use]. Ed. Povarich I. P. Kemerovo: KemGU, Iss. 2 (2013): 126 – 131.

2. Terziev V., Dimitrova P. Sotsial'naia politika kak instrument obshchestvennogo razvitiia [Social policy as a tool for social development]. *Universum: ekonomika i iurisprudentsiia = Universum: Economics and Law*, no. 2(35) (2017): 55 – 67.

3. Balyushina Iu. L. Sotsial'naia politika: poniatie i sushchnost' [Social policy: concept and essence]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, no. 6 (2009): 56 – 59.

4. Grebennik L. G., Kravchenko E. Iu., Bolotova I. S. Sotsial'naia politika gosudarstva: osnovnye napravleniia i tendentsii razvitiia [Social policy of the state: main trends and trends of development]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 5(61) (2016): 173 – 181.

5. Pechenkin V. V., Fadeev D. V. Sravnitel'nyi analiz sotsial'noi politiki: teoreticheskie modeli i podkhody [Comparative analysis of social policy: theoretical models and approaches]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik Saratov State Technical University*, 4, no. 2(60) (2011): 263 – 269.

6. Hamidullin N. R. K voprosu o poniatiiakh «sotsial'naia politika» i «sotsial'naia zashchita naseleniia» [To the question about the notions of "social policy" and "social protection"]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, no. 7(168) (2014): 45 – 49.

7. Chikarina L. Ia. Kontseptual'nye podkhody zarubezhnykh issledovatelei k ponimaniiu sotsial'noi politiki [Conceptual approaches of foreign scientists to social policy interpretation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, no. 1(15) (2009): 117 – 121.

8. Morozova E. A. *Sotsial'naia politika v Kuzbasse: Teoreticheskie osnovy. Regional'naia praktika. Obratnaia sviaz'* [Social Policy in Kuzbass: Theoretical Foundations. Regional practice. Feedback]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 564.

9. Morozova E. A. Sotsial'naia politika i kachestvo zhizni: o vzaimosviazi poniatii [Social policy and quality of life: on the relationship of concepts]. *Sibirskaia finansovaia shkola = Siberian Financial School*, no. 6(107) (2014): 29 – 34.

10. Bakaldina E. S. Gosudarstvennaia sotsial'naia politika Rossiiskoi Federatsii: vybor prioritetov [State social policy of the Russian Federation: choice of priorities]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 1, no. 4(60) (2014): 104 – 107.

11. Sidorina T. Iu. Sotsial'naia politika – mezhdu ekonomikoi i sotsiologiei [Social policy - between economics and sociology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no. 6 (2005): 112 – 120.

12. Vasilieva E. G. Otsenka effektivnosti sotsial'noi politiki: regional'naia praktika [Social Policy Efficiency Evaluation: Regional Practice]. *Vlast' = The Authority*, no. 12 (2008): 29 – 33.

13. Dorofeeva V. A., Maliukova E. V. Sotsial'naia politika kak osnova ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona [Social policy as the basis of socio-economic region development]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*, no. 1(78) (2017): 239 – 243.

14. Zimin V. A., Morozova G. A. Sotsial'naia politika v regione [Social policy in the region]. *Uspekhi sovremennoi nauki = The successes of modern science*, 7, no. 1 (2017): 144 – 148.

15. Lubashev E. A. Regional'naia sotsial'naia politika: teoreticheskie osnovy, funktsii i printsipy [Regional social policy: theoretical foundations, functions and principles]. *Problemy sovremennoi ekonomiki (Novosibirsk) = Problems of modern economy (Novosibirsk)*, no. 15 (2013): 50 – 54.

16. Morozova E. A., Bel'chik T. A., Golovina O. V., Kochneva O. P., Luzgareva O. I., Mukhacheva A. V., Pastukhova E. Ia., Sukhacheva A. V. Sotsiologicheskaia otsenka rezul'tativnosti sotsial'noi politiki na regional'nom i munitsipal'nom urovne [Sociological assessment of social policy effectiveness on regional and municipal levels]. *Bulletin of Kemerovo State University,* 3, no. 3(55) (2013): 119 – 124.

17. Tuleev A. M., Islamov D. V. *Po puti sozidaniia* [On the Way of Creation]. Kemerovo: Sibirskaia izdatel'skaia gruppa, 2015, 255.

18. Tuleev A. M. *Biudzhet 2017 – 2019: opiraias' na proshloe, sokhraniaem luchshee, sozdaem budushchee* [Budget 2017 – 2019: relying on the past, preserving the best, creating the future]. Kemerovo: KRIRPRO; FLEKS-ART PO, 2016, 114.

19. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016]. Moscow, 2016, 1326. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

20. *O regional'nykh aspektakh sotsial'noi politiki Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii* [On the regional aspects of social policy of the Government of the Russian Federation]. Resolution of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 31-ФС of 15.02.2017. Available at: http://www.russia-today.ru/new.php?i=9860 (accessed 25.05.2017).

УДК 316.73

СОЦИАЛИЗАЦИОННАЯ И ЖИЗНЕННАЯ ТРАЕКТОРИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МЕХАНИЗМ ДВИЖЕНИЯ

Наталья В. Нятина[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *kozeeva_n@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.05.2017.
Принята к печати 26.06.2017.

Ключевые слова: социализация, жизненный путь, механизм, жизненная траектория, социализационная траектория.

Аннотация: В статье анализируется взаимосвязь социализации личности с жизненными траекториями. Целью данной работы является изучение особенностей социологического изучения социализационных и жизненных траекторий. Цель достигается при решении следующих задач: рассмотрение теоретических подходов к пониманию социализационной траектории; анализ соотношения жизненной и социализационной траекторий и описание особенностей механизма социализационной траектории. Жизненная траектория человека обусловлена социальной дифференциацией общества; от того, к какой социальной страте он относится, имеет ли возможность влиять на поведение и сознание других людей, зависят многие аспекты личностного развития: социальные отношения, социальное продвижение, включение в определенные, в том числе закрытые, социальные группы и др. При анализе жизненной траектории исследователь должен учитывать различные основания социальной дифференциации. В статье анализируется специфика социализационной траектории. Социализационная траектория представляет собой графическое изображение развития личности, которое отражает влияние адаптивных и дезадаптивных практик и меру институционального сопровождения. Исходными точками для анализа процесса социализации выступают личность и социальное пространство, в котором реализуется социальное взаимодействие. При построении социализационной траектории изучение происходит извне: анализируются особенности личности, ее способности, установки и цели развития.

Для цитирования: Нятина Н. В. Социализационная и жизненная траектории: интерпретация и механизм движения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 34 – 38.

Социализация представляет собой динамично развивающийся процесс. В ходе нее личность постепенно усваивает требования общества, приобретая значимые для социального взаимодействия характеристики сознания и поведения. Однако следует учитывать, что социализация – это не только пассивное усвоение внешне транслируемых норм и правил, но и использование уже сформировавшихся установок и предпочтений.

Впервые о возможности графического представления процесса социализации написал отечественный социолог Е. В. Де Роберти. В работе «Новая постановка основных вопросов социологии» (1909 г.) он пишет, что социализация или обобществление – это процесс, который представляется неизвестной величиной, к рассмотрению которой стремятся социологи, моралисты, психологи, все исследователи центральной области надорганических явлений. Согласно схеме, которую предлагает Е. В. Де Роберти, морализация или социализация органической особи соответствующим союзом или группой совершается в двух последовательных, непосредственно примыкающих друг к другу стадиях эволюции. В первой, докультурной, если не доисторической, – соединение людей или органическая множественность – род, племя – переходит в более высокое, надорганическое единство – общину, гражданственность; и одновременно с этим органическое единство (эгоизм, паразитизм) стремится превратиться в социальную множественность (сначала в форме группового эгоизма и группового паразитизма, узкого патриотизма и жесткой эксплуатации одной общественной группой всех других, – а затем в форме настоящего альтруизма, кооперации, солидарности). Во второй, культурной и вполне исторической, стадии происходит медленная дифференциация главных общественных факторов, и обнаруживается – из скрытого или потенциального состояния переходит в явное – управляющий ими закон тесного и неизменного соотношения [1, с. 151].

Социализация – разнонаправленный процесс. Так, односторонний или строго индивидуальный опыт личности, по мнению социолога, может быть графически изображен одной линией, которая связывает между собою в группах ощущений, возникающих в сознании одинокого субъекта, некоторые общие или сходные точки. Такая линия всегда коротка, она часто уклоняется в сторону (патологические и дезадаптивные состояния и т. п.), она может неожиданно и быстро обрываться естественной смертью человека. Наоборот, разносторонний или коллективный опыт образует огромную сеть линий, перекрещивающихся во всех направлениях и соединяющих двойным путем (через переход от одного сознания к неопределенному числу других сознаний и через обратное возвращение от последних к первому). Индивидуальный опыт социализации снова и снова может наблюдаться с различных точек зрения. Эта сеть огром-

на, но ее размеры или занимаемая ею площадь всегда находятся в прямом отношении с возрастом личности или с интенсивностью культуры, начертавшей ее главные линии и поддерживающей и охраняющей их, не терпящей их перерыва, не перестающей умножать их числа.

П. А. Сорокин утверждает, что человека невозможно рассматривать как автономную независимую величину, так как он живет в обществе и не является самодостаточным. Прежде всего, каждый человек зависит от Других, он не может сам делать все. Развитие общественной жизни привело к тому, что каждая личность специализируется в какой-либо одной профессии: одна – в земледелии, другая – в сапожном деле, третья – в кузнечном, четвертая – в столярном, пятая – в деле обучения и т. д. При таком разделении труда каждый из нас не может сам все выполнять для себя и постоянно принужден обращаться к другим людям в ходе социализации [2, с. 176]. Поведение и жизнь людей взаимозависимы в той или иной мере. Каждое крупное событие, совершающееся в одной части общества, так или иначе отражается на жизни другой. П. А. Сорокин рассматривает процесс социализации во взаимосвязи с революционным воздействием на личность. Например, стихийные коренные преобразования не социализируют, а биологизируют людей, так как не увеличивают, а уменьшают свободу, материальное и духовное состояние всех страт общества.

Вопрос общения, взаимного влияния людей друг на друга занимает одно из центральных мест в социологической теории В. М. Бехтерева. Характеризуя роль общения и его влияния на социализацию, социолог рассматривает общение как «механизм осуществления совместной деятельности и формирования ее коллективного субъекта, условие сохранения и распространения индивидуального опыта, передачи его потомству, обеспечения исторической преемственности общественных ценностей» [3, с. 7]. Общение у Бехтерева выступает как средство объединения людей в группы, условие социализации личности. Характеризуя роль общения в развитии и формировании личности, В. М. Бехтерев писал: «различные личности находятся в различных условиях в смысле общения их с окружающими лицами, а равно и в неодинаковых условиях воспитания, что также не лишено громадного значения в отношении будущего развития каждой данной личности» [3, с. 7]. Он отмечал, что чем разнообразнее и богаче общение человека с окружающими его людьми, тем успешнее осуществляется социализация личности. Социолог подчеркивал, что люди, выросшие в общении с более разнообразным кругом лиц, являются более развитыми по сравнению с теми людьми, круг общения которых более ограничен.

Социальную роль общения В. М. Бехтерев рассматривал на примере таких видов общения, как подражание и внушение. В ходе первичной социализации на первое место выходит подражание. Если не будет подражания, значит не может быть и личности как общественной особи. Первый индивидуальный опыт, основанный на подражании, является основой для сохранения культурных форм и образцов.

Неопозитивисты утверждают, что человек постоянно оказывает воздействие на социальную среду. Однако такое влияние может иметь разрушительные формы: сопротивление или противодействие, совершенно неизвестное в области органической жизни. Постоянные соприкосновения или столкновения человека со средой дают начало длинному ряду явлений, не имеющих ничего общего с процессами, обыкновенно описываемыми под именем приспособления организма к внешним условиям. Субъект, наоборот, определяя свои отношения к внешней среде, оказывает на нее сильное и глубокое действие, имеющее целью приспособить ее к его многообразным и постоянно растущим потребностям.

Движение социализационной траектории зависит от сложных социальных и психологических фактов: идей, верований, чувствований, характера, умственных навыков и т. п. Так, традиция, воспитание, подражание создает фундамент личностных диспозиций и влияет на направление траектории.

Жизненный путь всегда обусловлен исторически. Социально-политические трансформации, темп внешних преобразований влияют на развитие личности. Даже если личность имеет устойчивые политические убеждения, в период стихийных изменений может произойти их деактуализация и, соответственно, обновление. В процессе жизненного пути человек усваивает определенные элементы существующей культуры: символы, смыслы, ценности, нормы.

Одним из первых исследователей, который рассматривал соотношение жизненного пути и траектории, был Б. Г.Ананьев. Он утверждал, что жизненный путь не является лишь траекторией жизни личности, он обязательно развивается с учетом творческого развития субъекта [4, с. 37].

Французский ученый П. Бурдье утверждает, что «траектория» более узкое понятие, по сравнению с биографией. Если биографию мы понимаем как некоторую «объективную» последовательность событий, про которую неизвестно – обладает ли она цельностью или, напротив, аморфна, то «траектория» выступает в виде конкретной формы, цельной, осмысленной и обусловленной, в которую рассказчик (главное действующее лицо) по своему произволу облекает объективный материал биографии в осмысленное единство и для исследователей, и для действующих индивидов [5, с. 75 – 77].

П. Бурдье утверждает, что изучение жизненной траектории основывается на автобиографическом рассказе, который всегда в той или иной мере обосновывается стремлением наделить описываемые события смыслом, выявить их причину, показать взаимосвязи. Отдельные события и этапы жизни – «точки» жизненной траектории – обладают преемственностью друг по отношению к другу и являются взаимно проясняющими частями единого целого – человеческой жизни.

В точных науках траектория представляется как график, точки которого отражают след движения объекта в некотором выбранном пространстве признаков-оснований. Подобно тому как траектория физического тела может быть ясным образом описана в пространственных и временных координатах, жизненный путь человека фиксируется в координатах институциональных, т. е. тех, которые создаются социально значимыми и институционально различимыми событиями: рождением, обучением, браком, работой и т. п. Выбор системы отсчета во многом определяется тематикой исследования.

Жизненные траектории могут быть типичными (динамической характеристикой объектов, сходным образом меняющихся во времени). В таких траекториях построение заранее определяется: намечаются типичные ключевые события, которые происходят в жизни многих людей (рождение, посещение учебных заведений, включение в определенные социальные группы, вступление в брак и др.). Речь в данном случае идет о потоке событий. Второй способ построения траектории: когда исследователь изучает не какую-то фактическую траекторию, а идеальную траекторию как общий принцип. Примером из области естественных наук является «баллистическая траектория» – воображаемая кривая или даже совокупность кривых, отражающих общий принцип, стоящий за движением бесконечного многообразия реальных или виртуальных объектов в гравитационном поле. В общественных науках этот принцип может быть сформулирован не в виде общего закона, а в виде некоторой смысловой конструкции (например: аскетизм, маргинальность, перфекционизм, эскапизм и т. д.). Этот тип называется «траектория как принцип». Также «траектория» может выступать как абстрактная модель, не имеющая конкретного смыслового воплощения и не сводимая к жизненному пути человека. Данный подход широко применяется в исследовательских практиках социологических и экономических исследований. В этих случаях анализируются закономерности статистически усредненного влияния одних событий и факторов жизни людей на другие, разнесенные по времени [6].

Понятие «социализационная траектория» относится к числу сравнительно новых в социологической науке. Его появление применительно к изучению социализации различных возрастных групп обусловлено и развитием науки, и запросами практики. Социализационную траекторию современные социологи предлагают рассматривать в нескольких срезах [7]:

– влияние внешней среды;

– субъектность;

– диспозиция личности в процессе социализации.

А. И. Ковалева социализационную траекторию определяет как временную динамику результативности социализации индивида, включающую адаптацию к социальным нормам и их интернализацию [8, с. 114]. Важным преимуществом именно такой интерпретации социализационной траектории является возможность ее графического представления. Для каждого жизненного этапа существует некий показатель результативности социализации, и совокупность этих двух показателей образует точку в двумерном пространстве.

Алгоритм построения социализационной траектории основывается не на статических состояниях, а на динамике процесса социализации с учетом пройденного индивидом этапа жизненного пути, причем основные характеристики измеряются во времени.

С. А. Чернышев классифицирует социализационную траекторию по различным основаниям: по формам общения (авторитарная, толерантная, демократичная, конформистская и др.); по отношению к действительности (идеалистическая, негативистская); по ориентации на различные сферы жизнедеятельности [9, с. 243].

Механизм движения социализационных траекторий остается малоизученной темой. Л. Л. Шпак механизм раскрывает как взаимосвязанную совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта и направляется к цели функционирование системы «адаптант-адаптирующая среда» [10, с. 75].

На социальное перемещение личности влияют ее способности, установки и цели развития, особенности социальной среды и совокупность ситуаций, которые непосредственно и косвенным образом влияют на социализацию.

Механизм социализационной траектории может отражать ***поступательное движение***, когда личность последовательно и планомерно осваивает социальные практики. Он реализуется в условиях стабильного социально-политического развития и отсутствия противоречивых требований со стороны социальной среды. Данный механизм требует от личности проявлений инициативности, толерантности, внимательности к притязаниям со стороны внешнего мира, «маневренности» в поведении и принятием наставничества со стороны институциализированных субъектов.

Динамическое движение актуализируется в период резких социальных изменений, характеризуется ломкой привычных, принятых представлений субъекта. Для личности последствия в данном случае противоречивы. Она может двигаться вперед, преодолевая ступени социальной лестницы, однако отсутствие мобилизационного потенциала и рассогласование с явлениями внешнего порядка могут провоцировать дезадаптивные практики.

С. А. Чернышев на основании исследования социализации подростков утверждает, что вектор социализационной траектории субъекта состоит из семи относительно самостоятельных этапов:

1) выделение системы субъектов социализации;

2) анализ социокультурных условий социализации, которые представляют собой возможные социальные ресурсы для успешной социализации;

3) определение факторов социализации, к которым относится взаимодействие личности с различными социальными группами;

4) возможные социокультурные ситуации, в которых оказывается личность;

5) новообразования, которые происходят в субъектном мире;

6) потребность личности в самоопределении;

7) жизненные притязания личности [11, с. 153].

Вектор движения социализационных траекторий отражает направление социального движения личности в ходе социального взаимодействия и под воздействием условий и факторов социальной среды. Вектор движения обладает следующими свойствами: отражает вариативность социального развития личности (согласования/рассогласования взаимодействия с социальной средой), показывает скорость движения с учетом анализа внешних факторов, учитывает степень институционального вмешательства в случае социального продвижения с учетом внешнего сопротивления.

При изучении социализационной траектории необходимо учитывать следующие особенности:

– социальная активность личности на различных жизненных циклах неодинаковая, внешние факторы могут уступать внутренним, формируя ответственность за собственные действия;

– человеческая деятельность изменяет социальное пространство, воплощаясь в объектах культуры;

– общественная, групповая, субъективная и личностная регуляция жизни, планирование жизненного пути происходят с пониманием естественных сроков жизни;

– человек может одновременно выступать субъектом социальных воздействий, реализуя социальную регуляцию, и объектом воздействий со стороны социальных институтов.

Социализационная траектория обусловлена событиями, которые наполняют жизненный путь человека [12]. Жизненная и социализационная траектории – два взаимосвязанных процесса, они непосредственно отражают ключевые вехи развития личности с учетом возрастного цикла. Социализационная траектория отражает результативность социального взаимодействия личности в процессе совместного существования, жизненная траектория представляет событийность пути человека во взаимосвязи с возрастными особенностями.

Социализационная траектория отражает индивидуальный опыт социального взаимодействия личности. Данная линия может быть различна в зависимости от возраста, событийности жизненного пути, жизненных притязаний и потребностей. Графическое представление социализации отражает соотношение освоенного уровня социальности с социализационными нормами как эталонами социализированности в конкретной социально-исторической ситуации.

Литература

1. Де Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. СПб.: Алетейя, 2008. 496 с.
2. Сорокин П. А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
3. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. 400 с.
4. Ананьев Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. М.: Директ-Медиа, 2008. 134 с.
5. Бурдье П. Биографическая иллюзия / пер. с фр. Е. Ю. Мещеркиной // ИНТЕР: ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2002. № 1. С. 75 – 84.
6. Куракин Д. Траектория, форма жизни и единство жизненного пути: к уточнению понятия траектории в поведенческих науках. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190/Траектория%252с%20форма%20жизни%20и%20единство%20жизненного%20пути%20%2528антр.%20семинар%2529.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
7. Богданова В. В. Траектории социализации как социологический феномен // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 70 – 74.
8. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: норма, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109 – 115.
9. Чернышев С. А. Сравнительный анализ ориентаций подростков и их родителей на социальное окружение // Аналитика культурологии. 2009. № 15. С. 243 – 247.
10. Шпак Л. Л. Социокультурная адаптация в совестском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. 232 с.
11. Чернышев С. А. Социализация подростков в траекторном измерении // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 152 – 154.
12. Галкина Д. В. Социализации подростков в контексте пространственно-временной динамики социализационного процесса // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2015. № 1(46). С. 248 – 252.

SOCIALIZATSIONAL AND VITAL TRAJECTORIES: INTERPRETATIONS AND MECHANISM OF THE MOVEMENT

Natalia V. Nyatina[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] kozeeva_n@mail.ru

Received 17.05.2017.
Accepted 26.06.2017.

Keywords: socialization, course of life, mechanism, vital trajectory, social trajectory.

Abstract: The article features the interrelation of personal socialization and vital trajectories. The purpose of this work is to analyze how socializational and vital trajectories are studied in sociology. The objectives are achieved by addressing the following tasks: consideration of theoretical approaches to understanding of socializational trajectory; analysis of the ratio of vital and socializational trajectories and description of features of the mechanism of a socializational trajectory. The vital trajectory of a person is defined by the social differentiation of society. Many aspects of personal development (social relations, social advance, inclusion in the certainsocial groups, including closed ones, etc.) depend on the social stratum he belongs to and the fact whether the person has an opportunity to influence behavior and consciousness of other people influence. While analyzing a vital trajectory, the researcher has to consider various bases of social differentiation. The article states specifics of socializational trajectory. A socializational trajectory is a graphic representation of development of the personality that reflects the influence of both adaptive and maladaptive practices and the measure of institutional maintenance. The starting points for the analysis of the process of socialization are the personality and the social space in which social interaction is implemented. When creating a socializational trajectory, studying happens from the outside: features of the personality, his or her ability, affirmations and the purpose of development are analyzed.

For citation: Nyatina N. V. Sotsializatsionnaia i zhiznennaia traektorii: interpretatsiia i mekhanizm dvizheniia [Socializatsional and Vital Trajectories: Interpretations and Mechanism of the Movement]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 34 – 38. (In Russ.)

References

1. De Roberti E. V. *Novaia postanovka osnovnykh voprosov sotsiologii* [New statement of the main questions of sociology]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2008, 496.
2. Sorokin P. A. *Obshchedostupnyi uchebnik po sotsiologii. Stat'i raznykh let* [The public textbook on sociology. Articles of different years]. Moscow: Nauka, 1994, 560.
3. Bekhterev V. M. *Izbrannye raboty po sotsial'noi psikhologii* [Chosen works on social psychology]. Moscow: Nauka, 1994, 400.
4. Anan'ev B. G. *Lichnost', sub"ekt deiatel'nosti, individual'nost'* [Personality, subject of activity, identity]. Moscow: Direkt-media, 2008, 134.
5. Bourdieu P. Biograficheskaia illiuziia [Biographic illusion]. Transl. Meshcherkina E. Iu. *INTER: INTERaktsiia. INTERv'iu. INTERpretatsiia = INTER: INTERaction. INTERview. INTERpretation*, no. 1 (2002): 75 – 84.
6. Kurakin D. *Traektoriia, forma zhizni i edinstvo zhiznennogo puti: k utochneniiu poniatiia traektorii v povedencheskikh naukakh* [Trajectory, life form and unity of a course of life: to specification of a concept of a trajectory of behavioural sciences]. Available at: https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190/Траектория%252с%20форма%20жизни-20и%20единство%20жизненного%20пути%20%2528антр.%20семинар%2529.pdf (accessed 05.05.2017).
7. Bogdanova V. V. Traektorii sotsializatsii kak sotsiologicheskii fenomen [Socialization trajectories as sociological phenomenon]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1 (2009): 70 – 74.
8. Kovaleva A. I. Kontseptsiia sotsializatsii molodezhi: norma, otkloneniia, sotsializatsionnaia traektoriia [Concept of socialization of youth: norm, deviations, sotsializatsionny trajectory]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological studies*, no. 1 (2003): 109 – 115.
9. Chernyshev S. A. Sravnitel'nyi analiz orientatsii podrostkov i ikh roditelei na sotsial'noe okruzhenie [Comparative analysis of orientations of teenagers and their parents to a social environment]. *Analitika kul'turologii = Analytics culturologists*, no. 15 (2009): 243 – 247.
10. Shpak L. L. *Sotsiokul'turnaia adaptatsiia v sovestskom obshchestve. Filosofsko-sotsiologicheskie problemy* [Sociocultural adaptation in sovestsky society. Philosophical and sociological problems]. Krasnoiarsk: Izd-vo Krasnoiarskogo universiteta, 1991, 232.
11. Chernyshev S. A. Sotsializatsiia podrostkov v traektornom izmerenii [Socialization of adolescents in the trajectory dimension]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3 (2011): 152 – 154.
12. Galkina D. V. Sotsializatsii podrostkov v kontekste prostranstvenno-vremennoi dinamiki sotsializatsionnogo protsessa [Socialization of adolescents in the context of theory of space & time dynamics of socialization process]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Messenger of the North Caucasian federal university*, no. 1(46) (2015): 248 – 252.

УДК 368.8

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ольга Н. Козлова[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *kozlova_o_n@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2017.
Принята к печати 22.03.2017.

Ключевые слова: страхование, страховой рынок, региональные страховые организации, региональные страховые риски.

Аннотация: Рассмотрено современное состояние страхового рынка Кемеровской области, тенденции, определившие развитие рынка. В кризисном 2015 году страховой рынок России и Кемеровской области развивался за счет роста обязательного страхования и страхования жизни, тогда как в классическом страховании наблюдался спад. Сравнительный анализ со страховым рынком России показал преимущественное развитие ДМС и ОСАГО на региональном страховом рынке. Проведен анализ структуры страхового портфеля региональных страховых организаций, определено место и роль региональных страховых организаций на страховом рынке Кемеровской области. Региональные страховые организации специализируются на добровольном медицинском страховании, что отражает специфику региональных страховых рисков, однако в целом развитие идет не равномерно без учета региональных особенностей. Сделаны выводы о недостаточном учете региональных аспектов, необходимости развития регионального страхования, так как региональные страховые организации способны учитывать специфику территории, принимают на покрытие актуальные риски. Примером является обязательное страхование гражданской ответственности владельцев опасных производственных объектов, где существенная роль принадлежит региональной страховой организации.

Для цитирования: Козлова О. Н. Современное состояние регионального страхования на примере Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 39 – 46.

Страховой рынок как особая экономическая среда, где формируется спрос на страховые услуги, рассматривается в научной литературе обычно в институциональном, функциональном, отраслевом и территориальном аспектах. Как правило, в статистической отчетности приводятся данные, позволяющие оценить развитие страхового рынка по отраслям, в разрезе страховщиков, а также данные по федеральным округам и территориальным образованиям.

Изучение страхового рынка в территориальном разрезе можно рассматривать по следующим направлениям:

– самый распространенный подход к изучению регионального страхования – это анализ основных показателей, их динамики, выявление тенденций развития страхового рынка конкретной территории. Как принято, дается оценка развитию основных видов страхования, присутствию на рынке страховщиков с выделением лидеров, выявлению проблем страхового рынка конкретной территории [1; 2];

– в последнее время появляются работы, посвященные сравнению региональных и российского страхового рынков, выявлению роли региональных рынков в общероссийских показателях, сравнению страховых рынков различных территорий, выявлению тенденций развития и факторов роста на конкретной территории [3; 4];

– идентификация и анализ региональных страховых рисков, присущих только данной территории. В работах автора [5; 6] проанализированы страховые риски, присущие Кемеровской области, и дана оценка состояния страхового рынка с позиции покрытия региональных страховых рисков;

– региональные аспекты страхового рынка можно рассматривать с точки зрения роли региональных страховщиков в развитии регионального рынка, определения их места в региональном страховании. Это направление в научной литературе разработано не достаточно, хотя является чрезвычайно актуальным в связи с сокращением числа региональных страховых организаций. Проведенный ниже анализ на примере страхового рынка Кемеровской области позволяет сделать выводы относительно перспектив развития регионального страхования.

Кузбасский страховой рынок считается сегодня одним из самых развитых по числу участников и продолжительности их работы на рынке. При этом все страховые компании, представленные в области, имеют достаточное количество лицензий почти по всем страховым продуктам. Страховая отрасль в Кемеровской области развивается не равномерно. Данные о динамике страховых премий представлены в таблице 1. Все расчеты проведены на основе данных ЦБ РФ [7].

Стабильная ситуация наблюдается в секторе обязательного страхования. Здесь идет устойчивый рост в течение последних лет. Поступления страховых взносов по обязательным видам страхования составляют 38 % от

общей страховой премии. В целом объем страховых премий за 2015 год вырос по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 5,3 % и составил 9 092 564 тыс. рублей. Общий рост премий обеспечило обязательное страхование, в основном ОСАГО и страхование жизни. Страхование жизни развивалось в последнее время как кредитное страхование, с последующим ростом инвестиционного страхования жизни.

Таблица 1. **Динамика страховых премий по Кемеровской области**
Table 1. **Dynamics of insurance premiums in the Kemerovo region**

Виды страхования	*2013 г.*		*2014 г.*		*2015 г.*	
	Премии, тыс. руб.	*Прирост, %*	*Премии, тыс. руб.*	*Прирост, %*	*Премии, тыс. руб.*	*Прирост, %*
Добровольное страхование, всего	**6162044**	**-2,2**	**6075523**	**-1,4**	**5566003**	**-8,4**
Страхование жизни	670545	60,3	959722	43,1	1267151	32.0
Личное страхование (кроме жизни)	2445373	-4,6	2353494	-3,8	2043696	-13,2
от НС и болезней	1013915	0,3	1036977	5,1	754856	-27
медицинское страхование	1431458	-7,8	1316517	-8,0	1288840	-2,1
Страхование имущества	2652128	70,7	2390237	-9,9	1932617	-19,1
Страхование ответственности	80786	-22,6	34866	-56,8	138684	297,7
Страхование предпринимательских рисков	3001	404	2751	-8,3	1494	-45,7
Обязательное страхование (без учета ОМС)	**2403078**	**6,1**	**2555545**	**5,1**	**3526561**	**38,0**
ОСАГО	2227548	10,9	2430335	9,1	3417434	40,6
Добровольное и обязательное страхование (кроме ОМС) – всего	**8565122**	**10,4**	**8631068**	**0,8**	**9092564**	**5,3**

Объем поступлений по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств на протяжении последних трех лет продолжает увеличиваться. Сумма собранных премий составила 3417 млн рублей. Данный показатель увеличился за 2015 год на 40,6 % по сравнению с предыдущим периодом. Но такой сильный рост обеспечен ростом страховых тарифов на ОСАГО.

По добровольным видам страхования наблюдается отрицательная тенденция – последовательное абсолютное сокращение собранной страховой премии. По итогам 2015 г. ее абсолютное сокращение составило 8,4 %. Доля добровольных видов страхования составила 61 %. Добровольное страхование сокращается за счет классических видов страхования – страхования имущества и страхования от несчастных случаев и болезней. Сокращение собранной страховой премии составило соответственно 27 % и 19 %.

Важным показателем, характеризующим степень исполнения страховщиком взятых на себя обязательств, является размер страховых выплат. Данные по страховым выплатам за период 2013 – 2015 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2. **Динамика страховых выплат по Кемеровской области**
Table 2. **Dynamics of insurance payments in the Kemerovo region**

Виды страхования	**2013 г.**		**2014 г.**		**2015 г.**	
	Выплаты, тыс. руб	**Уровень выплат,%**	**Выплаты, тыс. руб**	**Уровень выплат, %**	**Выплаты, тыс. руб**	**Уровень выплат, %**
Добровольное страхование, всего	**2930090**	**47,5**	**2903165**	**47,8**	**2783210**	**50,0**
Страхование жизни	104139	15,5	150760	15,7	233326	18,4
Личное страхование (кроме жизни)	1044211	42,7	1040116	44,2	1101664	53,9
от НС и болезней	150108	14,8	153404	6,5	160797	21,3
медицинское страхование	894103	62,5	886712	67,4	940867	73,0
Страхование имущества	1740929	65,6	1666208	69,7	1416144	73,0
Страхование ответственности	37049	45,9	41664	119	28080	20,2
Страхование предпринимательских рисков	0	0	0	0	5	0,3
Обязательное страхование (без учета ОМС)	**1496688**	**62,3**	**1471131**	**57,6**	**1861747**	**52,8**
ОСАГО	1478568	62,3	1457067	60	1836896	53,8
Добровольное и обязательное страхование (кроме ОМС) – всего	**4426778**	**51,7**	**4374296**	**50,7**	**4644957**	**51,1**

Анализ данных таблицы 2 позволяет сделать выводы:

– уровень выплат по страховому рынку достаточно стабилен, незначительный рост наблюдается по добровольным видам страхования и снижение по обязательным видам страхования;

– снижение уровня выплат по обязательному страхованию вызвано снижением уровня выплат по ОСАГО, особенно в 2015 г., когда рост премий обгонял рост выплат за счет повышения тарифов по ОСАГО;

– по добровольному страхованию наблюдается достаточно низкий рост выплат по страхованию жизни, страхованию от несчастных случаев и страхованию ответственности;

– наблюдается тенденция роста уровня выплат по страхованию имущества и ДМС, что объясняется спецификой программ ДМС, значительным удельным весом ДМС в структуре рынка и потребностью в страховой защите, предложениями программ ДМС региональными страховщиками.

Анализ структуры страховых премий и выплат в Кемеровской области позволяет сделать вывод о сформированности отдельных отраслей страхования (таблицы 3, 4). Данные таблиц 3 и 4 показывают, что сложилась определенная структура страхового рынка Кемеровской области с преимущественным развитием добровольного личного и обязательного страхования.

Таблица 3. **Структура страховой премии по страховому рынку Кемеровской области**
Table 3. **Structure of the insurance premium on the insurance market of the Kemerovo region**

Виды страхования	***2011 г., %***	***2012 г., %***	***2013 г., %***	***2014 г.,%***	***2015 г., %***
Добровольное страхование (всего)	73,23	72,52	75,77	74,39	65,22
Страхование жизни	5,13	5,07	7,83	11,1	13,94
Личное страхование (за исключением страхования жизни)	33,10	31,09	28,56	27,27	22,48
Страхование имущества	32,10	32,3	34	30,61	23,54
Страхование гражданской ответственности	1,16	1,27	3,28	4,12	4,5
Страхование предпринимательских и финансовых рисков	1,74	2,8	2,1	1,27	0,76
Обязательное страхование (без учета ОМС)	26,77	27,48	24,23	25,6	34,78
Всего	100	100	100	100	100

Таблица 4. **Структура страховых выплат по страховому рынку Кемеровской области**
Table 4. **The Structure of insurance payments on the insurance market of the Kemerovo region**

Виды страхования	***2011 г., %***	***2012 г., %***	***2013 г., %***	***2014 г., %***	***2015 г., %***
Добровольное страхование (всего)	67,39	69,53	67,1	67,42	60,61
Страхование жизни	3,33	2,07	2,35	3,45	5,02
Личное страхование (за исключением страхования жизни)	33,29	29,97	23,59	23,78	23,72
Страхование имущества	30,19	37,07	40,25	39,14	31,18
Страхование гражданской ответственности	0,31	0,37	0,84	0,95	0,6
Страхование предпринимательских и финансовых рисков	0,42	0,05	0,08	0,1	0,09
Обязательное страхование (без учета ОМС)	30,09	30,47	32,9	32,58	39,39
Всего	100	100	100	100	100

Сравнительная структура регионального и российского страховых рынков в отраслевом разрезе за 9 месяцев 2016 г. приведена в таблице 5. Отраслевая структура регионального рынка имеет отличия – показатели по личному страхованию, включая страхование жизни, превышают аналогичные показатели по России, что является положительной тенденцией и отражает потребности в страховой защите от региональных страховых рисков. Однако доля обязательного страхования (39 %) существенно превышает аналогичный показатель по РФ (23,2 %), что свидетельствует скорее о недостаточном развитии других видов обязательного страхования, актуальных для региона. Замедление темпов роста и отрицательная динамика по имущественному страхованию привели к сокращению доли страхового рынка Кемеровской области в российских показателях до 0,71 % в 2015 г.

В целом можно проследить следующие тенденции, которые определяли развитие регионального страхового рынка:

– на страховом рынке Кемеровской области преобладающим является личное страхование, доля страхования от несчастных случаев и болезней и ДМС практически совпадает с общероссийскими показателями. Доля страхования жизни незначительно превышает общероссийский показатель, что объясняется преимущественным развитием кредитного страхования жизни;

– имущественное страхование значительно уступает личному страхованию, показатели по имущественному страхованию практически в два раза ниже аналогичных показателей по РФ;

– доля обязательного страхования значительно превышает аналогичный показатель по РФ, причем в обяза-

тельном страховании преобладающее значение имеет ОСАГО (37 % по сравнению с 19,5 % по РФ);

– структура страховой премии по Кемеровской области отражает состояние страхования, которое не обеспечивает потребности в покрытии региональных страховых рисков. Положительной тенденцией является развитие личного страхования, которое актуально для промышленности региона. Однако наблюдается отрицательная тенденция по имущественному страхованию, несмотря на потребность в страховой защите от множественных рисков стихийных бедствий, имущественных рисков предприятий, рисков гражданской ответственности.

Таблица 5. **Страховые премии и их структура по России и Кемеровской области за 9 месяцев 2016 года**
Table 5. **Insurance premiums and their structure in Russia and the Kemerovo region in 9 months of 2016**

Виды страхования	Россия		Кемеровская область	
	Страховая премия, тыс. руб.	Структура страховой премии, %	Страховая премия, тыс. руб.	Структура страховой премии, %
Добровольное страхование, всего	**688503376**	**77,7**	**4733309**	**61,0**
– Страхование жизни	147506550	16,5	1383229	17,8
– Личное страхование (кроме жизни)	197054932	22,2	1713134	22,1
от НС и болезней	81275918	9,1	732388	9,4
медицинское страхование	115779014	13,1	980746	12,6
– Страхование имущества	282120797	31,9	1421773	18,3
– Страхование ответственности	39818593	4,5	156379	2,0
– Страхование предпринимательских рисков и финансовых рисков	22002504	2,5	2869732	0,76
Обязательное страхование (без учета ОМС)	**197195802**	**22,3**	**3023386**	**39,0**
– ОСАГО	173091754	19,5	2866385	37,0
Добровольное и обязательное страхование (кроме ОМС) – всего	**885 699 178**	**100**	**7756695**	**100**

На страховом рынке Кемеровской области работают как региональные страховщики, так и филиалы иногородних компаний. Число региональных страховщиков на страховом рынке Кемеровской области неуклонно снижается. Если в 2001 г. на рынке работали 38 региональных страховых организаций, в 2010 г. – 17, то в 2015 г. число региональных страховщиков сократилось до шести [8]. Подавляющее большинство составляют филиалы иногородних страховых организаций. Сегодня на страховом рынке Кемеровской области работают 64 филиала иногородних страховых компаний. К региональным компаниям относятся такие компании, как ООО «Страховая компания Сибирский Дом Страхования» (г. Кемерово); ЗАО Страховая компания «Сибирский Спас» (г. Новокузнецк); ООО Страховая компания «ВЕБ-ЛАЙФ» (г. Кемерово); ЗАО Страховая медицинская компания «Сибирский Спас-Мед» (г. Новокузнецк); ООО «Компания промышленно-торгового назначения» (г. Новокузнецк); ОАО Страховая компания «БАСК» (г. Белово).

Сокращение числа региональных страховых компаний связано в первую очередь с ужесточением требований к уставному капиталу страховщиков и приходом на рынок филиалов иногородних страховщиков, что приводит к усилению конкуренции. В последние годы в связи со сменой собственников на большинстве предприятий и приходом в область иногородних банков, на региональном страховом рынке появились сопровождающие их страховые компании. По итогам 2015 года в число 10 крупнейших страховых компаний по Кемеровской области вошли два региональных страховщика – ООО «Страховая компания «СДС» (2-е место) и ЗАО СК «Сибирский Спас» (4-е место).

В Москве и Московской области зарегистрировано 183 страховых организаций, что составляет 63 % от всех страховщиков non-life, 110 страховых организаций – в регионах, причем в 46 % регионов вообще отсутствуют региональные страховщики. Поэтому с точки зрения представительства региональных страховщиков, Кемеровская область имеет не самые худшие показатели. Доля региональных страховщиков в страховой премии на страховом рынке остается стабильной, несмотря на их сокращение, и составила 14,43 % в 2013 г. и 16,84 % в 2015 г.

Специализация региональных страховщиков по добровольному страхованию представлена в таблице 6 (рассчитано по [5]). Таким образом, преимущественное развитие личного страхования в регионе по сравнению с РФ обеспечивают региональные страховые организации, что является положительной тенденцией на протяжении ряда лет.

По обязательному страхованию лидирующее положение занимает ОСАГО, которое обеспечило в целом рост страхового рынка в 2015 г.

Анализ данных таблицы 7 показывает, что, несмотря на незначительное число региональных страховщиков, они занимают существенную долю на рынке ОСАГО (37,2 %). Уровень выплат региональных страховщиков составляет 38,2 %, что значительно ниже, чем у филиалов иногородних страховых компаний (67,4 %) и ниже, чем по данному сегменту рынка в РФ (56,6 %). Однако такие оптимистичные показатели можно объяснить повышением страховых тарифов, которые опередили изменения в лимитах по выплатам. Очевидно, что уровень выплат в ближайшее время будет существенно расти.

Таблица 6. **Структура страхового портфеля региональных страховщиков по добровольному страхованию в 2015 г.**
Table 6. **Structure of the insurance portfolio of the regional insurers in voluntary insurance in 2015**

Показатели	*Страхование жизни*	*ДМС*	*Страхование от НС*	*Страхо-вание имущества*	*Страхование гражданской ответствен-ности*	*Страхование финансовых и предпринима-тельских рисков*
Структура страховой премии, %	0	58,1	15,5	24,9	1,5	0,03
Структура страховых выплат, %	0	63,5	3,5	22,63	1,5	0

Таблица 7. **Страховые премии и выплаты по ОСАГО в Кемеровской области за 9 месяцев 2016 года**
Table 7. **Insurance premiums and payments for compulsory third party car insurance in the Kemerovo region in 9 months of 2016**

Страховые организации	*Страховые премии, тыс. руб.*	*Структура страховой премии, %*	*Страховые выплаты, тыс. руб.*	*Уровень выплат, %*
Региональные страховые организации, в том числе	1067431	37,2	408137	38,2
БАСК	190147	6,6	34839	18,3
СДС	482755	16,8	235039	48,7
Сибирский Спас	391529	13.8	138259	35,3
Филиалы иногородних страховых организаций	1798954	62,8	1213012	67,4
Всего	**2866385**	**100**	**1621149**	**56,6**

Ниже приведены расчеты по страхованию гражданской ответственности владельцев опасных производственных объектов (ОПО) за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте по Кемеровской области за 9 месяцев 2016 года.

Таблица 8. **Страховые премии и выплаты по страхованию гражданской ответственности владельцев ОПО в Кемеровской области за 9 месяцев 2016 года**
Table 8. **Insurance premiums and payments for insurance of civil liability of owners of hazardous production facilities in the Kemerovo region in 9 months of 2016**

Страховые организации	*Страховые премии, тыс. руб.*	*Структура страховой премии, %*	*Страховые выплаты, тыс. руб.*	*Уровень выплат, %*
Региональные страховые организации, в том числе	23276	36	8051	34,6
БАСК	12370	19,1	0	0
СДС	10906	16,9	8051	73,8
Филиалы иногородних страховых организаций	41400	64	1192	2,9
Всего	**64676**	**100**	**9243**	**14,3**

Выбор данного вида страхования для анализа объясняется наличием региональных страховых рисков и необходимостью их покрытия. Этот актуальный вид страхования осуществляется двумя региональными страховщиками и филиалами иногородних страховых компаний, на долю которых приходится 64 % страховой премии по данному сегменту рынка. Однако основные выплаты осуществляет региональная страховая организация ООО «Сибирский Дом Страхования», на долю которой приходится 87 % страховых выплат. Филиалы иногородних страховых организаций имеют незначительный уровень выплат – 2,9 %. Сравнение показателей уровня выплат у региональных страховщиков и филиалов иногородних страховых компаний свидетельствует о реальной работе региональных страховщиков в покрытии убытков по актуальному для Кемеровской области виду страхования.

Сложившаяся структура страхового рынка Кемеровской области не в полной мере отражает особенности региона и потребности в страховой защите от присущих ему рисков. Исключение составляет опережающее развитие страхования от несчастных случаев, медицинского страхования, что отражает специфику страховых рисков и спрос на эти высокорисковые виды страхования. Стра-

ховой рынок Кемеровской области прирастает в основном за счет обязательного страхования, доля которого увеличивается. Региональные страховщики в 2015 г. имели долю рынка по обязательному страхованию – 23 %, но когда резервы роста страховых тарифов по ОСАГО будут исчерпаны, возникнет необходимость развития актуальных для региона видов обязательного страхования.

Наметившаяся отрицательная тенденция по сокращению имущественного страхования, безусловно, не отражает потребностей в страховании и является одной из проблем современного состояния страхового рынка. Во многом развитие имущественного страхования, также как и страхования жизни в докризисный период, было связано с развитием рынка недвижимости, ипотечным кредитованием, приходом на рынок Кемеровской области филиалов банков, которые активно продвигали страховые услуги. Банковский кризис привел к сокращению страховых программ, сопровождающих кредитные договора, а классическое имущественное страхование осталось невостребованным. Без должного внимания остается туристское страхование. В основном страховщики специализируются на выездном туризме, предлагая страховую защиту для выезжающих за рубеж. Между тем в Кемеровской области активно развивается въездной туризм, в том числе и для иностранцев. Это направление страхования остается пока что перспективным. Можно сделать вывод, что специфические для территории риски покрываются региональными страховщиками, что является, конечно, положительной тенденцией, однако должна быть поддержка со стороны местной власти.

Перспективы развития страхового рынка Кемеровской области связаны с развитием Российского страхового рынка, так как страховой рынок Кемеровской области является составляющим звеном Российского страхового рынка, и в нем отражаются все проблемы и негативные тенденции последних лет. Решение указанных проблем лежит на федеральном и региональном уровнях, и в основном связано с государственным регулированием страховой деятельности. В Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года отмечены основные проблемы и направления развития, которые в основном затрагивают изменение законодательной базы, развитие рынка по отраслям, но практически не рассматривают региональные аспекты [9]. Региональное страхование фактически остается за рамками государственного регулирования. За последние годы сложилась негативная тенденция сокращения числа региональных страховых организаций. Сокращение числа региональных страховых организаций имеет своим следствием ухудшение ресурсной базы региона, сокращение рабочих мест, потерю сервисных страховых услуг с индивидуальным подходом, ослабление конкуренции. Региональные страховщики в большей степени, чем филиалы иногородних страховщиков, заинтересованы в развитии именно регионального страхования, в урегулировании убытков, в ориентации на клиента. Они способны занять те сегменты рынка, которые свободны, не востребованы крупными страховщиками. Но самым негативным следствием является то, что филиалы иногородних страховых компаний имеют унифицированные программы страхования, не привязанные к конкретной территории, в силу бизнес-процессов страховых компаний и вертикального управления. Филиалы предлагают страховые продукты без учета специфики территории, ориентированы на сбор страховой премии, поэтому они занимают ниши, которые дают мгновенный эффект. Страховые организации прежде всего заинтересованы в уменьшении расходов и сокращения уровня выплат, они занимают ниши, где сборы страховой премии являются обязательными, либо не затратны.

В Стратегии развития страховой деятельности ни слова не сказано о развитии регионального страхования. Дано лишь косвенное упоминание о необходимости учета региональных страховых рисков. Решение этой проблемы должно лежать на двух уровнях – на федеральном уровне включение в стратегию раздела по региональному страхованию и его поддержке. На региональном уровне – привлечение административных ресурсов к созданию программ по защите от страховых региональных рисков. Положительный опыт в регионе накоплен по страхованию от паводков. Эта программа осуществляется при поддержке администрации Кемеровской области и включает в себя целый комплекс организационных и финансовых мер. В ней определены территории с возможным затоплением, оценивается степень риска; проводится большая информационная и пропагандистская работа среди населения; оказывается поддержка из регионального бюджета по уплате страховых взносов для определенных категорий граждан: граждане с доходом ниже прожиточного минимума по области; многодетные семьи (где не менее троих детей), независимо от дохода; одинокие инвалиды и пожилые люди, обслуживаемые социальными работниками на дому; граждане, оказавшиеся трудной жизненной ситуации. Администрация имеет договоренность со страховщиками о пониженных страховых тарифах. Очевидно, что такая работа должна быть проведена по организации других общественно значимых видов страхования.

Для этого необходимо:

– выявление наиболее актуальных рисков, затрагивающих интересы большинства потенциальных страхователей, например экологические риски, имущественные риски предприятий, риски болезней и увечья на опасных производствах и т. д. Предпосылки такой работы есть. Закон Кемеровской области «О защите населения и территории Кемеровской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" [10] содержит комплекс административных мероприятий по защите от природных и техногенных рисков, которые могут быть дополнены институтом страхования;

– создание карты рисков и выявление степени опасности, потенциальных убытков для населения и предприятий;

– выявление возможностей региональных страховщиков в покрытии рисков, создание стимулов для страховых компаний по организации такого страхования, так как именно региональные страховые компании в наибольшей степени заинтересованы в развитии страхования, отвечающего потребностям региона;

– разработка концепции оптимального сочетания социального и коммерческого страхования;

– выработка мер стимулирования для населения, предприятий, мер разъяснительного и пропагандистского характера по организации страхования.

– поддержка региональных страховых организаций, формирование концепции регионального развития, что будет способствовать прежде всего усилению страхового рынка и повысит степень доверия к страховому бизнесу.

Литература

1. Гаврилова И. И. Проблемы развития страхового рынка Амурской области // Будущее российского страхования: оценки, проблемы, точки роста: сборник трудов XVII международной научно-практической конференции; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 157 – 163.
2. Немцова Т. П. Анализ развития страхового рынка Волгоградской области // Будущее российского страхования: оценки, проблемы, точки роста: сборник трудов XVII международной научно-практической конференции; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 205 – 211.
3. Грищенко Н. Б. Страхование в регионах как условие развития российского страхования // Будущее российского страхования: оценки, проблемы, точки роста: сборник трудов XVII международной научно-практической конференции; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 170 – 175.
4. Сударикова И. А. Развитие страхования в России: региональный аспект // Будущее российского страхования: оценки, проблемы, точки роста: сборник трудов XVII международной научно-практической конференции; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 236 – 243.
5. Козлова О. Н. Региональные аспекты страховой защиты на примере страхового рынка Кемеровской области // Концепт. 2014. Т. 20. С. 2356 – 2360.
6. Козлова О. Н. Развитие и региональные аспекты страхового рынка Кемеровской области // Управление общественными и корпоративными финансами: формирование ресурсного обеспечения инновационной экономики: материалы международной научно-практической конференции, г. Саратов, 28 марта 2014 г. / под общей ред. Е. А. Ермаковой. Саратов: Наука, 2014. С. 206 – 209.
7. Статистические показатели и информация об отдельных субъектах // Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. Режим доступа: http://cbr.ru/finmarkets/?PrtId=sv_insurance (дата обращения: 09.12.2016).
8. Сибирское страхование: сайт представительства Всероссийского союза страховщиков в Сибирском федеральном округе. Режим доступа: http://www.sib-insur.ru/ (дата обращения: 04.11.2016).
9. Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1293-р). Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70323750/#ixzz4YShoYHVP (дата обращения: 04.12.2016).
10. Закон Кемеровской области от 2 ноября 1998 г. № 50-ОЗ "О защите населения и территории Кемеровской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" (принят Советом народных депутатов Кемеровской области 21 октября 1998 г. № 391) (с изменениями и дополнениями) // Законодательный вестник Законодательного Собрания Кемеровской области. 1998. № 6. Режим доступа: http://base.garant.ru/7530955/#ixzz4YSr8ll00 (дата обращения: 09.12.2016).

CURRENT STATE OF REGIONAL INSURANCE BY THE EXAMPLE OF THE KEMEROVO REGION

Olga N. Kozlova [1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *kozlova_o_n@mail.ru*

Received 01.02.2017.
Accepted 22.03.2017.

Keywords: insurance, insurance market, the regional insurance companies, regional insurance risk.

Abstract: The article considers the current state of insurance market in the Kemerovo region, as well as trends affecting the market. In the crisis year of 2015, the insurance market of Russia and Kemerovo region was developing due to the growth of compulsory insurance and life insurance, whereas classical insurance saw a decline. Comparative analysis of insurance market in Russia showed a preferential development of optional medical insurance and compulsory third party car insurance in the regional insurance market. The article features an analysis of the structure of the insurance portfolio of the regional insurance companies, the place and the role of the regional insurance companies in the insurance market of the Kemerovo region. Regional insurance organizations specialize in voluntary health insurance, which reflects the specifics of the regional insurance risk, but its overall development is not steady, without regard to regional peculiarities. Conclusions are drawn about the lack of a regional perspective, the need for the development of regional insurance, since regional insurance organizations are able to take into account the specifics of the site and agree to cover relevant risks. An example is the compulsory insurance of civil liability of owners of hazardous production facilities, where a significant role belongs to the regional insurance organizations.

For citation: Kozlova O. N. Sovremennoe sostoianie regional'nogo strakhovaniia na primere Kemerovskoi oblasti [Current State of Regional Insurance by the Example of the Kemerovo Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 39 – 46. (In Russ.)

References

1. Gavrilova I. I. Problemy razvitiia strakhovogo rynka Amurskoi oblasti [Problems of development of the insurance market of the Amur region]. *Budushchee rossiiskogo strakhovaniia: otsenki, problemy, tochki rosta: sbornik trudov XVII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The future of the Russian security: assessments, problems, points of growth: Proc. XVII Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Rostov-on-Don: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016, 157 – 163.
2. Nemtsova T. P. Analiz razvitiia strakhovogo rynka Volgogradskoi oblasti [Analysis of insurance market development in Volgograd region]. *Budushchee rossiiskogo strakhovaniia: otsenki, problemy, tochki rosta: sbornik trudov XVII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The future of the Russian security: assessments, problems, points of growth: Proc. XVII Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Rostov-on-Don: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016, 205 – 211.
3. Grishchenko N. B. Strakhovanie v regionakh kak uslovie razvitiia rossiiskogo strakhovaniia [Insurance in the regions as a condition of development of the Russian insurance]. *Budushchee rossiiskogo strakhovaniia: otsenki, problemy, tochki rosta: sbornik trudov XVII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The future of the Russian security: assessments, problems, points of growth: Proc. XVII Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Rostov-on-Don: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016, 170 – 175.
4. Sudarikova I. A. Razvitie strakhovaniia v Rossii: regional'nyi aspect [The development of insurance in Russia: regional aspect]. *Budushchee rossiiskogo strakhovaniia: otsenki, problemy, tochki rosta: sbornik trudov XVII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The future of the Russian security: assessments, problems, points of growth: Proc. XVII Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Rostov-on-Don: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016, 236 – 243.
5. Kozlova O. N. Regional'nye aspekty strakhovoi zashchity na primere strakhovogo rynka Kemerovskoi oblasti [Regional aspects of the insurance protection in the insurance market of the Kemerovo region]. *Kontsept = Concept*, vol. 20 (2014): 2356 – 2360.
6. Kozlova O. N. Razvitie i regional'nye aspekty strakhovogo rynka Kemerovskoi oblasti [Development and regional aspects of the insurance market of the Kemerovo region]. *Upravlenie obshchestvennymi i korporativnymi finansami: formirovanie resursnogo obespecheniia innovatsionnoi ekonomiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Saratov, 28 marta 2014 g.* [Management of public and corporate finances: the formation of resource support of the innovation economy: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf., Saratov, March 28, 2014]. Ed. Ermakova E. A. Saratov: Nauka, 2014, 206 – 209.
7. *Statisticheskie pokazateli i informatsiia ob otdel'nykh sub"ektakh* [Statistics and information about individual entities]. Available at: http://cbr.ru/finmarkets/?PrtId=sv_insurance (accessed 09.12.2016).
8. *Sibirskoe strakhovanie* [Siberian insurance]. Available at: http://www.sib-insur.ru/ (accessed 04.11.2016).
9. *Strategiia razvitiia strakhovoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda (utv. rasporiazheniem Pravitel'stva RF ot 22 iiulia 2013 g. № 1293-r)* [Strategy of development of insurance activities in the Russian Federation until 2020 (approved by order of the Government of the Russian Federation from July 22, 2013 No. 1293-R)]. Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70323750/#ixzz4YShoYHVP (accessed 04.12.2016).
10. Zakon Kemerovskoi oblasti ot 2 noiabria 1998 g. № 50-OZ "O zashchite naseleniia i territorii Kemerovskoi oblasti ot chrezvychainykh situatsii prirodnogo i tekhnogennogo kharaktera" (priniat Sovetom narodnykh deputatov Kemerovskoi oblasti 21 oktiabria 1998 g. № 391) (s izmeneniiami i dopolneniiami) [The law of the Kemerovo region dated 2 November 1998 No. 50-OZ "On protection of population and territory of the Kemerovo region from emergency situations of natural and technogenic character" (adopted by the Council of people's deputies of the Kemerovo region on 21 October 1998 No. 391) (with amendments and additions)]. *Zakonodatel'nyi vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniia Kemerovskoi oblasti = Journal of the Legislative Assembly of the Kemerovo region*, no. 6 (1998). Available at: http://base.garant.ru/7530955/#ixzz4YSr8ll00 (accessed 09.12.2016).

УДК 336.73

ПРИСУТСТВИЕ БАНКОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

***Никита Б. Мягких*[1, @1], *Елена А. Калачева*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *nikson17235@yandex.ru*
[@2] *kalacheva-elena@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.03.2017.
Принята к печати 19.06.2017.

Ключевые слова: микрофинансовая организация, микрофинансирование, микрофинансовая компания, микрокредитная компания, банк, «банковская» МФО, «небанковская» МФО.

Аннотация: В статье рассматривается проблема активного проникновения банков на рынок микрофинансирования через аффилированные банками микрофинансовые организации (МФО). Предметом данной статьи является рынок МФО в России; цель работы – выявить последствия экспансии банков на рынке микрофинансирования и разработать рекомендации по дальнейшему функционированию рынка с учетом сложившихся тенденций. В ходе исследования показана специфика деятельности МФО, рассмотрены их функции, дана характеристика основных видов МФО – микрофинансовых и микрокредитных организаций. Проанализированы причины входа банков на рынок МФО. Отражены актуальные последствия внедрения «банковских» МФО на рынок микрофинансирования. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что банковское присутствие на рынке микрофинансирования противоречит его первоначальной концепции – предоставлению микрозаймов физическим лицам и представителям малого и среднего бизнеса на упрощенных условиях. Для сохранения оригинальности рынка МФО предложено разделить его на два сегмента («банковский» и «небанковский») с различными подходами в регулировании. Такая сегментация рынка микрофинансирования позволит создать конкурентные преимущества для разных видов МФО, что обеспечит выгодные условия кредитования для различных групп заемщиков.

Для цитирования: Мягких Н. Б., Калачева Е. А. Присутствие банков на российском рынке микрофинансирования: причины, тенденции, последствия // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 47 – 52.

В настоящее время российская экономика находится в кризисном состоянии, вызванном совокупностью как внутренних, так и внешних факторов. В условиях нынешнего кризиса, который имеет затяжной характер, его последствия уже в значительной степени ощущают на себе как предприниматели, так и физические лица (население). Первые в условиях экономического спада и удорожания банковских кредитов столкнулись со значительными затруднениями при финансировании своего дела; вторые же в связи с падением реальных доходов вынуждены все чаще обращаться к относительно небольшим заемным источникам финансирования для удовлетворения своих потребностей.

Все вышеобозначенные проблемы призваны решать микрофинансовые организации через процессы микрофинансирования. Однако с подобного рода проблемами также в состоянии справиться и банки, что в теории делает область микрофинансирования и банковскую отрасль прямыми конкурентами в сфере кредитования физических лиц и малых предпринимателей. На деле же все более многогранно: в данном случае корректнее ставить вопрос не об уровне конкуренции между представленными отраслями, а о степени *зависимости* отрасли микрофинансирования от деятельности банков и об ее достаточной самостоятельности. Данный вопрос весьма актуален в настоящее время, но для того чтобы в полной мере определить специфику вопроса и раскрыть его актуальность, нужно понимать, что представляет собой микрофинансовая организация на сегодняшний день и как регулируется деятельность микрофинансовых организаций на законодательном уровне.

Согласно Федеральному закону «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» № 151 от 02.07.2010 под микрофинансовой организацией (далее – МФО) понимается юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность, и сведения о котором внесены в государственный реестр микрофинансовых организаций [1]. Микрофинансовой организацией может считаться юридическое лицо, зарегистрированное в форме фонда, автономной некоммерческой организации, хозяйственного общества или товарищества.

В процессе своей деятельности микрофинансовая организация осуществляет такие функции, как предоставление микрозаймов субъектам малого и среднего предпринимательства; повышение уровня жизни населения за счет микрокредитования населения; содействие подавлению теневых процессов в экономике благодаря прозрачности деятельности МФО и т. д. [2, с. 42]

Несмотря на то, что первые организации, с большой долей условности относящиеся к микрофинансовым организациям, в истории российской экономики появились еще незадолго до распада СССР, само явление МФО не получило широкого распространения в России

вплоть до середины 2000-х гг. [3, с. 140]. Законодательно же область микрофинансирования была сформирована только в 2011 г., когда вступил в силу упомянутый ранее Федеральный закон № 151-ФЗ.

Регулятором деятельности микрофинансовых организаций, как и деятельности коммерческих банков, выступает Центральный банк РФ [4, с. 217]. Политика Банка России в области микрофинансирования осуществляется в целях повышения эффективности рынка микрофинансирования и прозрачности деятельности МФО. ЦБ РФ постоянно следит за тенденциями на активно развивающемся рынке микрофинансирования и в случае необходимости вносит своевременные изменения в конъюнктуру рынка посредством правок в действующее законодательство. Одной из таких правок стало принятие Федерального закона № 407-ФЗ от 29.12.2015, фактически разделяющего микрофинансовые организации на два вида: микрофинансовые компании (МФК) и микрокредитные компании (МКК) [5; 1]. В зависимости от вида МФО обладает рядом специфических признаков, отраженных в таблице 1 [6].

Таблица 1. **Основные признаки микрофинансовых компаний и микрокредитных компаний**
Table 1. **Primary features of microfinance companies and microcredit companies**

Описание признака	Микрофинансовая компания	Микрокредитная компания
Требование к размеру собственного капитала МФО	Не менее 70 млн рублей	Менее 70 млн рублей
Максимальный размер микрозайма, выдаваемого одному заемщику – физическому лицу	1 млн рублей	500 тысяч рублей
Максимальный размер микрозайма, выдаваемого заемщику – юридическому лицу, либо индивидуальному предпринимателю	3 млн рублей	
Выпуск облигаций	Разрешен	Запрещен
Источники предоставления займов	Собственные средства; Привлеченные средства физических (от 1 500 000 рублей) и юридических лиц	Собственные средства; Привлеченные средства физических лиц, индивидуальных предпринимателей – учредителей организации, юридических лиц
Возможность поручать кредитной организации проведение идентификации или упрощенной идентификации клиента – физического лица в рамках ПОД/ФТ	Присутствует	Отсутствует

Из таблицы видно, что ключевым признаком при отнесении МФО к конкретному виду является размер собственного капитала МФО; все остальные признаки – вытекающие из первого признака права и обязанности того или иного вида МФО. С точки зрения регулирования деятельности рынка подобное разделение кажется логичным: те участники рынка, которые имеют бóльшие возможности при осуществлении своей деятельности (иными словами – имеют больше средств), должны иметь право эти возможности реализовать, став более активным участником рынка и благоприятно влиять на его оборот. И действительно, если МФО обладает весьма внушительным (по меркам рынка) размером *собственных* средств, то это может символизировать повышенную надежность деятельности данной организации, что дает право МФО пускать в дополнительный оборот уже *привлеченные* средства (в том числе и от физических лиц), подобным образом наращивая совокупный кредитный портфель рынка. В свою очередь те организации, чей собственный капитал недостаточно высок, должны осуществлять более узкий спектр операций, таким образом предотвращая усиление рисковой составляющей на рынке микрофинансирования.

Если обратить пристальное внимание на признаки микрофинансовой компании, то можно легко провести параллели с деятельностью банков: различия заключаются лишь в максимальной размере займа/микрозайма и возможности банков привлекать средства во вклады. В остальном деятельность МФК практически идентична деятельности банков в области кредитования физических лиц и малых предпринимателей и привлечения их средств.

Как уже упоминалось в начале данной статьи, подобная идентичность деятельности банков и МФО теоретически должна предопределять их конкуренцию при предоставлении ряда услуг физическим лицам и малым предпринимателям. А теперь следует принять во внимание совокупность следующих обстоятельств:

1. В настоящее время политика ЦБ РФ направлена на более жесткое регулирование деятельности банков в области потребительского кредитования, которое проявляется в виде повышенных требований к формированию резервов по необеспеченным кредитам физических лиц и повышенных коэффициентов риска-веса по потребительским кредитам с высоким значением полной стоимости кредита. В результате работа с клиентами – физическими лицами для банков усложняется.

2. Область микрофинансирования пользуется все большей популярностью у населения России, где более

высокая стоимость микрозайма компенсируется его оперативностью, т. е. быстрым оформлением и получением.

3. Регулирование деятельности микрофинансовых организаций на законодательном уровне стало осуществляться относительно недавно, следовательно, размер ограничений для операций МФО существенно меньше, чем для операций банков.

Принятие во внимание данных обстоятельств позволяет сформировать следующее предположение: в условиях жестких ограничений при работе с клиентами – физическими лицами банки будут склоняться к созданию подконтрольных им микрофинансовых организаций, деятельность которых регулируется менее жестко, для более широкого охвата клиентов [7]. Причем банки будут нацелены на создание преимущественно микрофинансовых компаний в силу их большей функциональности. Для банков, чей минимальный размер собственных средств должен быть не менее 300 млн рублей, формирование капитала МФО не составит больших проблем. А благодаря связям и каналам фондирования материнского банка у дочки-МФО не предполагается затруднений с дополнительным финансированием.

Исходя из предыдущего абзаца, становится возможным поставить вопрос о самостоятельности области микрофинансирования как таковой. Действительно, возможна ли в перспективе ситуация, при которой наибольшей долей в структуре микрофинансовых организаций будут обладать так называемые «банковские» МФО, и последует ли за этим трансформация рынка микрокредитования в «дочерний рынок» кредитования? Рейтинговым агентством «Эксперт РА» было проведено анкетирование по итогам первого полугодия 2016 г., результаты которого оказались весьма информативными.

По состоянию на 1 июля 2016 г. совокупный кредитный портфель микрофинансовых организаций составил 79 млрд рублей, при этом аналогичный показатель на начало года составлял около 69,8 млрд рублей [7; 8]. И хотя всего за полгода был зафиксирован весьма впечатляющий рост показателя на 13 %, сам рост, по данным анкетирования, произошел исключительно благодаря входу на рынок «банковских» МФО. Если же рассматривать динамику совокупного кредитного портфеля «небанковских» МФО отдельно от «банковских», то можно заметить снижение портфеля на 3 % (почти на 2 млрд рублей), причем подобное падение произошло впервые с 2011 г. – года начала функционирования организованного рынка микрофинансирования [7]. Подобную динамику можно объяснить жесткой политикой ЦБ РФ, направленной на «чистку» рынка МФО: только за один 2016 год из государственного реестра микрофинансовых организаций в силу тех или иных обстоятельств было исключено 1715 организаций. Для сравнения: в 2015 г. из реестра исключили 1681 МФО; в 2014 – 1329 [9]. Коснулась данная «чистка» в основном неактивных и слабых участников рынка; сильные организации, напротив, укрепили свои позиции в результате перераспределения доли рынка.

Также весьма примечательным является тот факт, что еще в первом полугодии 2015 г. доля «банковских» МФО в структуре совокупного кредитного портфеля рынка составляла менее 1 %; всего за год подобным МФО удалось нарастить долю в совокупном кредитном портфеле почти до 14 %, и перспективы со временем занять еще бóльшую долю рынка весьма реальны [7].

Что же касается динамики новых выдач микрозаймов, то здесь можно проследить практически аналогичную ситуацию: за первое полугодие 2016 г. совокупный объем новых выданных микрозаймов вырос на 37 % по сравнению с первым полугодием 2015 г. и составил 90 млрд рублей, при этом объем «небанковских» МФО в объеме новых выдач микрозаймов составил 78 млрд рублей [7]. Сравнивая данный показатель с аналогичным за второе полугодие 2015 г. (75 млрд рублей), справедливо рассуждать о более значительном вкладе «банковских» МФО в увеличение совокупного объема выдачи новых микрозаймов.

Вполне ожидаемо, что дальнейшая динамика рынка МФО будет иметь схожие тенденции – продолжение «чистки» рынка, пусть и не настолько масштабной, как в последние три года; укрепление позиций сильных МФО, в основе которых будут аффилированные банками МФО и т. д. Парадокс ситуации заключается в том, что Банк России, полностью осознавая всю серьезность ситуации «внедрения» банков на рынок МФО [10], сам же способствует подобному поведению на рынке. Одним из катализаторов резкого повышения активности банков на рынке МФО и стал упоминаемый в данной статье Федеральный закон № 407-ФЗ, разделивший микрофинансовые организации на МФК и МКК.

Как уже упоминалось ранее, микрофинансовые компании имеют бóльший спектр возможностей по сравнению с микрокредитными компаниями, что и определяет для банков приоритетность создания МФК. По состоянию на март 2017 г. из 12 функционирующих микрофинансовых компаний две – ОТП «Финанс» и «АЭБ Партнер» – являются аффилированными банками, причем именно приход на рынок ОТП «Финанс» оказал существенное влияние на динамику рынка за первое полугодие 2016 г. [7; 8; 10].

Впрочем и среди микрокредитных компаний присутствуют «банковские» МФО, которые также являются крупными участниками рынка – например, ООО «Микрофинанс», учредителем которого является ПАО «ВТБ 24» [8]. На самом деле создание дочерних МКК также может быть выгодно для тех банков, которые хотят закрепиться на рынке МФО, но в силу различных обстоятельств не имеют возможности или желания создавать МФО с размером собственных средств не менее 70 млн рублей. Одним из таких обстоятельств может быть отсутствие необходимости у банка-учредителя иметь те возможности, которыми обладает МФК.

В то же время «небанковские» МФО получили весьма влиятельных конкурентов в лице «банковских» МФО, и связанные с этим трудности стали неотъемлемой чертой функционирования как «небанковских» МФК, так и «небанковских» МКК. Так, первые далеко не всегда будут иметь такие же налаженные каналы финансирования, как у «банковских» МФО; на рынке вторых же вполне возможен массовый уход участников с рынка. Объясняется это как основной проблемой самих МКК – их существенно ограниченным функционалом и лимитированными возможностями финансирования их деятельности, так и выигрышным положением «банковских» МКК – репутация материнского банка значитель-

но поспособствует притоку клиентов к МКК-дочке банка, в то время как проблема поиска и удержания клиентов для «небанковских» МКК более злободневна, особенно на фоне существования более надежных МФК.

При этом достаточно опрометчиво будет считать, что приход банков на рынок МФО в целом нежелателен и оказывает исключительно негативное влияние на функционирование рынка. Основные положительные и отрицательные последствия вмешательства банков на рынок микрофинансирования отражены в таблице 2.

Таблица 2. **Последствия деятельности «банковских» МФО на рынке микрофинансирования**
Table 2. **Consequences of «bank» MFI's activity on microfinance market**

Положительные последствия	Отрицательные последствия
Повышение надежности рынка за счет «банковских» МФО благодаря репутации материнских банков	Усложнение процесса входа на рынок для «небанковских» МФО, особенно актуально для МКК
Обеспечение притока дополнительных средств на рынок (от банков-учредителей), что способствует росту и развитию рынка	Возникновение дополнительных трудностей для «небанковских» МФО при функционировании на рынке с высоким уровнем риска
Рост активности заемщиков на рынке благодаря репутации банков-учредителей	Сосредоточение все большей доли рынка у «банковских» МФО создает перспективу трансформации рынка МФО в «дочерний рынок банков», на котором тенденции будут определять и контролировать сами банки

Впрочем, если последствия внедрения банков на рынок МФО весьма неоднозначны для самого рынка и микрофинансовых организаций, то для клиентов МФО последствия подобного вмешательства имеют преимущественно положительный характер. Как уже отмечалось в таблице 2, присутствие «банковских» МФО на рынке повышает его надежность, что явно соответствует интересам клиентов, в особенности тех, чье отношение к риску, характерному для области микрофинансирования, достаточно консервативное. Также, в теории, присутствие на рынке аффилированных банками МФО способно вызвать конкуренцию между ними и «небанковскими» МФО, в том числе и ценовую конкуренцию, в результате которой возможно снижение среднерыночных процентных ставок по микрозаймам с целью привлечения бóльшего круга заемщиков, что весьма выгодно для них. На самом деле трудно определить хотя бы один негативный эффект от деятельности «банковских» МФО для заемщиков; однако, вполне возможно предположить, что столь резкое проникновение банков на рынок МФО все же вызовет реакцию ЦБ РФ в форме ужесточения регулирования деятельности микрофинансовых организаций, что может негативно сказаться на оперативности выдачи микрозаймов, что для клиентов нежелательно.

Таким образом, очевидно, что поставленная в рамках данной статьи проблема действительно имеет место быть – банки в условиях ужесточения требований к потребительскому кредитованию и оттока клиентов решились на проникновение на пока еще менее регулируемый рынок МФО. И банки уже показали, что своими действиями они способны существенно влиять на состояние и структуру рынка микрофинансирования. Более того, согласно прогнозам экспертов, доля «банковских» МФО будет расти на фоне дальнейшей консолидации рынка МФО и его «чистки», проводимой Банком России. Поэтому, несмотря на весомый вклад банков в развитие рынка МФО, сам рынок может оказаться под их давлением и рискует потерять свою уникальность. Ведь изначально рынок микрофинансирования создавался как альтернатива банкам для физических лиц и малых предпринимателей – и, на наш взгляд, для того чтобы рынок МФО продолжал функционировать в соответствии с первоначальной концепцией, важно обеспечить его самостоятельность, что с учетом нынешних тенденций весьма трудно осуществить.

И все же, теоретически, это представляется возможным. В качестве одной из возможных мер дальнейшего регулирования банковского вмешательства на российский рынок микрофинансирования мы предлагаем разделение рынка МФО на «банковский» и «небанковский» сегменты на законодательном уровне. На «банковском» рынке МФО будут функционировать исключительно аффилированные банками микрофинансовые и микрокредитные компании, а на «небанковском» – самостоятельные МФК и МКК. Для рынка «банковских» МФО необходимо установить новые, более жесткие требования: например, требования к размеру собственных средств «банковской» МФК должны быть выше, чем для «небанковской» МФК, но ниже, чем для банков. Иными словами, минимальный размер собственного капитала «банковской» МФК предполагается в диапазоне между 70 млн рублей и 300 млн рублей, оптимальный же, на наш взгляд, диапазон – 120 – 150 млн рублей. Одновременно с ужесточением требований предлагается расширение возможностей как «банковских» МФК, так и «банковских» МКК, например, увеличение предельного размера микрозайма на одно физическое/юридическое лицо и т. д. Подобного рода мера должна обеспечить конкуренцию между «банковскими» и «небанковскими» МФО, давая последним больше возможностей для обеспечения самостоятельности и сохранения своей позиции на рынке микрокредитования. Таким образом, на российском кредитном рынке появится отдельно регулируемый «банко-микрофинансовый» сегмент, возможность входа на который в качестве ключевых учредителей будут иметь только банки как специфические участники микрофинансового рынка. В силу дифференцированного регулирования различных сегментов кредитного рынка (банковского, «банко-микрофинансового», микрофинансового) Банком России условия кредитования на них будут различаться, что должно обеспечить как конкуренцию на рынке, так и его сегмен-

тацию по типу заемщиков, которые, к слову, будут сами решать, на каком сегменте для них имеются более выгодные условия.

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что проникновение банков на рынок МФО – уже реальность, под которую нужно подстраиваться. Но если провести комплекс мер по вычленению «банковских» МФО в отдельный сегмент рынка, то самостоятельность и конкурентоспособность не аффилированных банками МФО может быть обеспечена на законодательном уровне, что позволит сохранить целостность первоначальной концепции микрофинансовых организаций как альтернативы банкам при осуществлении процессов кредитования.

Литература

1. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ // Российская газета. 07.07.2010. № 147. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/ (дата обращения: 02.03.2017).
2. Вавулин Д. А. Микрофинансовые организации как институт регионального финансового рынка // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. С. 41 – 51.
3. Киреева Е. В. Микрофинансовые организации в России: особенности становления и функционирования // VI Найденовские чтения. Инновационные процессы и культура предпринимательства на потребительском рынке товаров и услуг: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Научная библиотека, 2014. С. 140 – 142.
4. Серова Е. Г., Понкратов И. Н., Ранга О. В. Реалии рынка микрофинансовых организаций в России: тенденции и перспективы // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2015. № 2(54). С. 217 – 222.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 407-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191312/ (дата обращения: 02.03.2017).
6. Типы микрофинансовых организаций: микрофинансовая компания и микрокредитная компания. Режим доступа: https://idekart.ru/articles/305783 (дата обращения: 03.03.2017).
7. Рынок микрофинансирования по итогам I полугодия 2016 года: смена лидера. М., 14 ноября 2016 г. 31 с. Режим доступа: http://raexpert.ru/researches/mfo/1h2016/ (дата обращения: 07.03.2017).
8. Центральный банк Российской Федерации: сайт. Режим доступа: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 06.03.2017).
9. Орлов И., Маркелов Р. ЦБ закончил масштабную чистку рынка микрофинансовых организаций // РБК. 13.01.2017. Режим доступа: http://www.rbc.ru/finances/13/01/2017/587904329a794727d73b98d0 (дата обращения: 07.03.2017).
10. Каледина А. Рынок микрофинансовых организаций становится «банковским» // Известия. 14.10.2016. Режим доступа: http://izvestia.ru/news/638162 (дата обращения: 07.03.2017).

BANKS' PRESENCE ON RUSSIAN MICROFINANCE MARKET: REASONS, TRENDS, CONSEQUENCES

***Nikita B. Myagkikh*[1, @1], *Elena A. Kalacheva*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *nikson17235@yandex.ru*
[@2] *kalacheva-elena@mail.ru*

Received 30.03.2017.
Accepted 19.06.2017.

Keywords: microfinance institution, microfinance, microfinance company, microcredit company, bank, «bank» MFI, «non-bank» MFI.

Abstract: The article deals with the problem of banks' active entering on the microfinance market through bank-affiliated microfinance institutions (MFI). The subject of this article is Russian MFI's market; aims of this article are to reveal consequences of bank's expansion on microfinance market and to develop recommendations for further functioning considering current trends. During the research there has been shown a specificity of MFI's functioning; also there have been considered MFI's functions and there has been given a description of MFI's main forms, i.e. microfinance company and microcredit company. Reasons of banks' entering on MFI's market have been analyzed. Actual consequences of "bank" MFI's entering the microfinance market have been reflected. As a result of the research, a conclusion has been drawn about the fact that banks' presence on microfinance market is at variance with its origins – microcrediting of population and subjects of small and medium business on reductive conditions. For the protection of MFI's market's origins it has been advised to divide this market into two segments ("bank" and "non-bank" segments) with their own approaches in regulation. Such market's segmentation would allow one to ensure competitive advantages for different kinds of MFI which should provide profitable condition of crediting for multiple groups of borrowers.

For citation: Miagkikh N. B., Kalacheva E. A. Prisutstvie bankov na rossiiskom rynke mikrofinansirovaniia: prichiny, tendentsii, posledstviia [Banks' Presence on Russian Microfinance Market: Reasons, Trends, Consequences]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 47 – 52. (In Russ.)

References

1. O mikrofinansovoi deiatel'nosti i mikrofinansovykh organizatsiiakh [On microfinance activity and microfinance organizations]. Federal law No. 151-FZ, dated on 02 jul. 2010. *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper*, no. 147 (07.07.2010). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/ (accessed 02.03.2017).
2. Vavulin D. A. Mikrofinansovye organizatsii kak institut regional'nogo finansovogo rynka [Microfinance institutions as the institute of regional financial market]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, no. 25 (2012): 41 – 51.
3. Kireeva E. V. Mikrofinansovye organizatsii v Rossii: osobennosti stanovleniia i funktsionirovaniia [Microfinance institutions in Russia: features of becoming and functioning]. *VI Naidenovskie chteniia. Innovatsionnye protsessy i kul'tura predprinimatel'stva na potrebitel'skom rynke tovarov i uslug: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [VI Naiden's readings. Innovative processes and culture of business on consumer's market of goods and services: Proc. Intern; Sc.-Prac. Conf.]. Moscow: Nauchnaia biblioteka, 2014, 140 – 142.
4. Serova E. G. Ponkratov I. N., Ranga O. V. Realii rynka mikrofinansovykh organizatsii v Rossii: tendentsii i perspektivy [Realities of Russian's microfinance market: trends and perspectives]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of Belgorod university of cooperation, economics and law*, no. 2(54) (2015): 217 – 222.
5. *O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii i priznanii utra-tivshimi silu otdel'nykh polozhenii zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi Federatsii* [On changes insertion in separate legislative acts of Russian Federation and recognition of Russian Federation's legislative acts' separate statements as invalid]. Federal law No. 407-FZ, dated on 29 dec. 2015. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191312/ (accessed 02.03.2017).
6. *Tipy mikrofinansovykh organizatsii: mikrofinansovaia kompaniia i mikrokreditnaia kompaniia* [Types of microfinance institutions: microfinance company and microcredit company]. Available at: https://idekart.ru/articles/305783 (accessed 03.03.2017).
7. *Rynok mikrofinansirovaniia po itogam I polugodiia 2016 goda: smena lidera* [Microfinance market on the results of 1st half-year of 2016: change of leader]. Moscow, 14 November 2016, 31. Available at: http://raexpert.ru/researches/-mfo/1h2016/ (accessed 07.03.2017).
8. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii* [Central Bank of Russian Federation]. Available at: http://www.cbr.ru/ (accessed 06.03.2017).
9. Orlov I., Markelov R. TsB zakonchil masshtabnuiu chistku rynka mikrofinansovykh organizatsii [CB finished the massive cleanup on MFI's market]. *RBK = RBC*, 13.01.2017. Available at: http://www.rbc.ru/finances/13/01/2017/587904329a794727d73b98d0 (accessed 07.03.2017).

Kaledina A. Rynok mikrofinansovykh organizatsii stanovitsia «bankovskim» [Microfinance institutions' market becoming "bank-market"]. *Izvestiia = News*, 14.10.2016. Available at: http://izvestia.ru/news/638162 (accessed 07.03.2017

УДК 33:655.52

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА АВТОРОВ С ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Семен Д. Резник[1, @]

[1] *Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Россия, 440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28*
[@] *disser@bk.ru*

Поступила в редакцию 04.04.2017.
Принята к печати 20.06.2017.

Ключевые слова: автор, издательство, сотрудничество, взаимодействие, продвижение книг, переработка книг.

Аннотация: Статья посвящена опыту и проблемам взаимодействия авторов учебной и научной литературы с издательствами. В ней рассматриваются виды учебно-методических и научных публикаций, такие как научная статья, монография, учебник, учебное пособие, а также специфика подготовки коллективных работ, этапы взаимодействия авторов с издательствами.
Особое внимание уделено повышению роли авторов в продвижении своих книг, в подготовке дополненных и переработанных изданий.
Обозначены проблемы современного книгоиздания, в частности замедление продаж, ценообразование в книгоиздательском деле, новые возможности использования электронно-библиотечных систем, использование курируемых издательством научных журналов для продвижения книг издательства.
В основе статьи – тезисы выступления автора на круглом столе Всероссийской конференции «Книгоиздание и профессиональное образование: приоритеты взаимодействия и сотрудничества», проведенной научно-издательским центром ИНФРА-М совместно с Российским государственным гуманитарным университетом [1].

Для цитирования: Резник С. Д. Опыт и проблемы повышения эффективности сотрудничества авторов с издательствами экономической учебной и научной литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 53 – 57.

Вступление

Совсем недавно, когда первые издания автобиографической книги «Дороги к менеджменту», опубликованной автором данной статьи, были уже написаны и изданы, нам в руки попалась статья Антона Инюшева в журнале «Парк Белинского» о размышлениях Андрея Алексеева – методолога библиографического направления в российской социологии [2]. Взгляды Алексеева помогли лучше понять, для чего почти пять лет писалась эта книга, отрывала автора от текущих дел, выкраивая столь нужные для этого часы и минуты.

Автор укрепил себя в мысли о том, что фиксирование информации о своей семье, о памятных вехах личной и семейной жизни представляет ценность как для любого человека, так и для общества в целом. Без такой семейной памяти не будет потом и памяти человечества, не будет оснований для исторической науки.

Старейший социолог А. Алексеев полагает, что нужно распространять культуру создания автобиографических историй и семейных хроник на каждую семью. К сожалению, очень часто люди начинают интересоваться своей семейной историей слишком поздно, когда старших в семье уже нет в живых и спросить не у кого. Устные рассказы родителей стираются в памяти детей, в свое время не придавших им значения.

Поэтому непростительно, хотя бы ради своих детей и внуков, не записывать, не фиксировать пусть даже минимум биографической информации о своих родителях. Люди привыкли жить сегодняшним днем, редко оглядываются назад и нередко не осознают свой собственный жизненный путь как большую культурную, духовную и социальную ценность. Каждый человек должен убедить себя в том, что его жизненная история нужна, что она может быть востребована не сегодня, так завтра близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Автобиографические повествования – это сбережения памяти о конкретном человеке, людях, роде, это педагогическое воздействие на молодежь, куда более мощное, чем навязчивые наставления старших «как жить», это хороший материал для размышлений о собственной жизни. И наконец, автобиографические повествования часто дают особый психотерапевтический эффект – помогают человеку убедиться в том, что он не зря жил или не зря живет. И даже если не все у человека получилось, то сожаление об утраченных возможностях, будучи выговоренным, меньше бередит душу. Мы глубоко солидарны с такими взглядами Андрея Алексеева.

В своем домашнем архиве автор данной статьи выделил специальный раздел истории и хроники своей семьи. В этом разделе хранятся папки с фотографиями, заметки о родословной семьи, семейное дерево, воспоминания родных, родителей, занятные ситуации из жизни детей и др.

В домашней библиотеке автора имеется немало автобиографических книг, подаренных старшими по возрасту друзьями, коллегами по научной и вузовской деятельности, немало отечественных и зарубежных автобиографических бестселлеров известных менеджеров, бизнесменов, людей культуры и искусства. Эти книги

помогали думать и строить собственную автобиографическую книгу «Дороги к менеджменту» [3].

Наверное, любой автор книги, особенно содержательной и хорошо изданной, гордится своим детищем. Особенно если книга вышла в свет в солидном издательстве, попала на прилавки книжных магазинов и в библиотеки, ее читают и на нее ссылаются.

Собственная книга – мощнейший аргумент продвижения по карьерной лестнице. Но даже если карьера в ее обычном понимании у нас будет не на первом месте, все равно хорошая книга придает ее автору статус эксперта, делается его визитной карточкой.

На Всероссийской научно-практической конференции «Книгоиздание и профессиональное образование: приоритеты взаимодействия и сотрудничества» (октябрь, 2016) главный редактор Научно-издательского центра «ИНФРА-М» В. М. Прудников привел замечательную фразу, которую он прочитал на одном из университетских стендов при посещении Томска: «Научная работа не имеет ценности, если ее никто не прочитал, не использовал и не процитировал». Эта, на наш взгляд, справедливая мысль имеет прямое отношение к теме этой статьи, подготовленной по мотивам выступления автора на вышеуказанной конференции.

1. Виды научных и учебно-методических публикаций

За годы перехода России к рыночной экономике количество издательств и авторов (авторских коллективов), предлагающих свои учебники, учебные пособия и монографии, значительно увеличилось, а проблемы их взаимодействия, технологии предложения и продвижения издательской продукции стали более актуальными.

В широком смысле публикация – это предание гласности какой-либо информации.

На территории Российской Федерации действует межгосударственный стандарт ГОСТ 7.60 – 2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» [4]. Термины, установленные этим стандартом, рекомендуются для использования в публикациях всех видов, учебниках, учебных пособиях, научной и справочной литературе.

Основными видами научных и учебно-методических публикаций являются научная статья, научный журнал, монография, учебник и учебное пособие [4 – 12]. Отметим отличительные особенности данных видов публикаций.

Научная статья – это вид публикации, посвященный конкретной научной проблеме, имеющий цельный и законченный вид. Используется для отражения наиболее значимых научных результатов, требующих развернутой аргументации. В статье с содержательной стороны могут раскрываться конкретные вопросы теоретической и прикладной работы исследователя. Примерная структура статьи может быть такой: актуальность раскрываемой в статье проблемы или вопроса, подходы или концепции ученых, имеющих отношение к решению той или иной проблемы; описание экспериментальной и теоретической части работы, проделанной автором статьи, выводы и практические рекомендации по решению излагаемой проблемы.

Монография – вид публикации, содержащий систематическое изложение основных результатов научного труда. Часто используется как форма публикации при написании диссертации на соискание докторской степени. При этом монография соискателя степени кандидата наук может быть написана в соавторстве, а желающего получить докторскую степень – без соавторства. Монография – это книга, в которой автор моделирует разработки в систематизированном виде, излагает основные результаты своего исследования.

Учебные пособия, учебники – наиболее трудоемкие виды публикаций, в которых автор (или группа авторов) обязан в достаточной мере раскрывать темы и программу соответствующей учебной дисциплины.

Учебник – книга, содержащая систематическое изложение знаний в определенной области и используемая как в системе образования на различных ее уровнях, так и для самостоятельного обучения. Это издание, содержащее систематическое изложение учебной дисциплины, ее раздела, части, соответствующее учебной программе и официально утвержденное в качестве данного вида издания [12].

Учебное пособие – учебно-теоретическое издание, официально утвержденное в качестве данного вида издания, частично или полностью заменяющее или дополняющее учебник [12].

2. Истоки сотрудничества с издательствами

Попытаемся обобщить опыт сотрудничества с издательствами, выпускавшими книги автора данной статьи. В советское время это было, прежде всего, издательство литературы по строительству «Стройиздат».

Технологии сотрудничества авторов с издательствами были обычными для того времени: представляется книга, если ее принимают – следует работа автора с редактором, ответы на его вопросы, а потом авторы видят уже готовую изданную книгу.

В постсоветское время некоторые книги автора – учебники и учебные пособия – были изданы в московских издательствах «Экономика», «Логос», «Финансы и статистика», в издательстве Ростова-на-Дону «Феникс». Технологии взаимодействия с издательствами поначалу были примерно такими же, как и в советские времена. Но уже чувствовалось, что чего-то не хватает, что книги надо не только делать хорошими по содержанию, но и умело их продвигать, а это уже требует более сложных технологий взаимодействия и сотрудничества автора с издательством.

Автор статьи посылал заявки в разные издательства, приезжал, разговаривал с руководителями издательства, обосновывал актуальность и возможный читательский спрос. Конечно, если какой-то автор предполагал издать книгу за свой счет, то проблем тут не возникало: плати, получай весь тираж, делай с ним дальше что хочешь. Но если автор, как правило, ученый НИИ или преподаватель вуза, рассчитывает на то, что книгу издадут не за его счет, то риски издательства, как при любом другом бизнесе, становятся понятными.

3. О роли профессионализма работников издательства

В 2001 г., 15 лет назад, случай свел автора с издательством «ИНФРА-М», с его главным редактором Владимиром Михайловичем Прудниковым. С тех пор этому издательству он не изменял и свои предложения представлял прежде всего в его адрес. Потенциального автора книг привлекали, с одной стороны, современные рыночные взгляды издательства на ведение бизнеса в книгоиздательском деле, с другой стороны – профессионализм и порядочность персонала издательства – редакторов, корректоров, руководителей маркетинговых и финансовых служб, производственного и технического отдела, от которых зависит внешний вид, читаемость, восприятие книги читателем.

Идея каждой книги предварительно тщательно обсуждается с главным редактором В. М. Прудниковым, и, если достигается соглашение о взаимном интересе, заключается договор и назначается редактор. С редакторами автору повезло. Мы всегда находили общий язык, работать с ними интересно и полезно. Чаще всего редактором книг была Татьяна Георгиевна Берзина. Среди других редакторов отметим высочайший профессионализм Льва Борисовича Герцвольфа. Автору не встречались плохие редакторы, на которых стоило бы пожаловаться.

4. О необходимости активизации роли авторов на всех этапах книгоиздания

Постепенно стала чувствоваться потребность своего личного участия в оформлении и продвижении книг. Авторские усилия в этом направлении издательство всегда поддерживало. Совместно мы готовим рекламные буклеты, обзорные статьи в журнале «Пульс», участвуем в книжных выставках, размещаем информацию на сайтах, проводим презентации на заседаниях учебно-методических объединений вузов, на семинарах и конференциях и мн. др. Вместе с издательством автор отслеживает интенсивность продаж своих книг, думает о способах ускорения их продаж.

Совместно с издательством мы запустили в жизнь немало новаций. Это новые серии книг – «Менеджмент в науке», «Менеджмент в вузе»; пять книг избранных статей автора; яркое и содержательное оформление тыловых обложек книг; рекламные привлекательные подзаголовки на передних обложках; оформление обычно пустых страниц – форзацев; различные еженедельники для менеджеров, предпринимателей, студентов, аспирантов и преподавателей вузов; упаковочные коробки для комплексов книг и мн. др. [3].

Автор может лично гордиться творческой дружбой со многими работниками издательства. Такая дружба просто обязывает работать с издательством ответственно, на пределе творческих возможностей.

Работая с издательством, думаешь не столько о гонорарах (они при уменьшающихся тиражах учебной и научной литературы небольшие), а о качестве продукции, о своей репутации и ответственности. Очень важно здесь понимать, что книга должна нравиться не только тебе, но и прежде всего потенциальному читателю, в нашем случае – студенту, аспиранту, преподавателю, ученому, менеджеру, бизнесмену.

В процессе активного сотрудничества с издательством «ИНФРА-М» возникла совершенно новая и для автора данной статьи, и, думаю, для других активных авторов проблема: подготовка не только новых книг, но и поддержание в конкурентоспособном состоянии, как говорят, «на плаву» ранее изданных. В строительстве, например, мало построить новый дом, его нужно затем эксплуатировать, ремонтировать, поддерживать, чтобы он служил людям долго. Так и с изданными книгами, даже хорошими. Если их не обновлять, не перерабатывать, они сойдут с дистанции, устареют, их не станут покупать. Их место займут книги других авторов.

Дабы заботиться о долгожительстве книги, атор, как только издает новую, сразу же начинает искать в ней недочеты и возможности улучшения в содержании, оформлении, рекламном сопровождении, библиографической поддержке. По мере реализации изданного тиража заблаговременно представляет издательству улучшенный, переработанный и доработанный вариант книги.

Другая проблема – проблема коллективного учебника. Одно дело, когда пишешь работу лично или с находящимся рядом на твоей кафедре коллегой, и совсем другое дело, когда руководишь крупным проектом. Например, в книге «Управление вузом» участвовали около 30 высокопрофессиональных авторов – ректоры и проректоры видных вузов, деканы, заведующие кафедрами, профессора и доценты, юристы и финансисты. Потребовалось разработать и предложить стратегию совместной работы коллектива авторов, общие требования к главе, ее структуре и оформлению. Без этого целостной, читаемой работы у нас бы не получилось.

Некоторое время назад российские издательства учебной и научной литературы стали проявлять интерес не только к учебникам и учебным пособиям, но и к монографиям, сборникам научных статей. Читательский спрос на них всегда был ниже, чем на учебную литературу. Конечно, тиражи монографий исчисляются не тысячами, а сотнями или даже десятками экземпляров, но, к удивлению, хорошие монографии пользуются спросом. Некоторые наши монографии даже переиздавались, а в научной периодике на них делаются ссылки.

Пару лет назад на глаза автору попалась книга С. Жуковского и О. Сашечкиной «Книга как инструмент продвижения вашего бизнеса: как написать, издать и продать свою книгу» (Издательство РИОР, ИНФРА-М). Конечно, она была приобретена и внимательно прочитана [13]. Основное занятие авторов этой книги – тренинг-семинары. Они сделали свои книги мощным средством продвижения собственного бизнеса.

Автора данной статьи, также написавшего много учебных и научных книг, всегда интересовал, а в данном случае особенно, во-первых, опыт написания книг другими авторами, а во-вторых, системный характер их обобщений, логика, замечательный язык и умелая, в стиле Дейла Карнеги, аргументация. Заметим, что многие мысли и обобщения этих авторов оказались близки нам, а немало советов и обобщений можно смело взять на вооружение. Об этой книге мы рассказываем на семинарах преподавателей в университете, показываем им ее, а близким для автора людям предоставляется возможность глубже познакомиться с ее содержанием.

В книге три части. Первая, основная, о том, как заключить договор с издательством. Авторы объясняют, почему сотни рукописей остаются неопубликованными, рассказывают о заблуждениях начинающих авторов, размышляют о том, что привлекает людей в покупаемых книгах, дают системные советы о правилах взаимодействия с издательствами.

Вторая часть этой полезной, на наш взгляд, книги – «Как написать книгу за неделю». Конечно, такое название – пафосное. Деловая книга не роман, а авторы учебников, учебных пособий и монографий не члены Союза писателей России. Написание книг для них дело серьезное, трудоемкое, поштучное. Никакую серьезную книгу за неделю или месяц написать невозможно. Автобиографическую книгу «Дороги к менеджменту» (М.: ИНФРА-М, 2016) автор писал, например, три года. Два года вынашивал в голове, подбирал материал и год писал.

С. Жуковский и О. Сашечкина предлагают правильный, на наш взгляд, алгоритм работы: хороший план, написание и оформление глав, графическая часть, согласование рукописи с издательством, начало раскрутки и продвижения книги.

Очень полезна и третья часть книги – «Как сделать из книги бестселлер?». Это о различных видах книг (за собственные деньги, электронные книги, аудиокниги), а главное – о том, как продвигать свои книги. Такая книга в целом, думается, – находка для начинающих авторов, но с пользой для себя ее прочтут и опытные авторы. Ведь следуя рекомендациям авторов книги, мы ускорим написание, продвижение своей книги, сэкономим время, которого нам часто не хватает, повысим качество своей книжной продукции.

Автору показалась интересной и брошюра трех авторов – А. Парабеллума, Н. Мрочковского и С. Бернадского «10 дней для создания книги» [14]. Они очень детально прописывают процесс подготовки и написания деловой книги. Прочитана брошюра с пользой: были бы подобные книги раньше, легче было бы решать проблему подготовки и издания собственных книг.

О каких назревших проблемах книгоиздания стоит, на наш взгляд, говорить сегодня и искать решения? Их несколько. Например, замедление продаж и вытекающие отсюда проблемы для авторов – ценообразование в книгоиздательском деле, новые возможности использования электронно-библиотечных систем, использование курируемых издательством научных журналов для продвижения книг издательства. ЭБС – это выход не только на библиотеки, но и на потенциальных читателей, и на потенциальных будущих авторов. Эти и другие проблемы нашего времени требуют анализа и новых нестандартных решений.

Литература

1. Резник С. Д. Автор и издательство: мой опыт сотрудничества // Пульс. 2016. № 6.
2. Инюшев А. «Эстафета памяти» Андрея Алексеева // Парк Белинского. 2014. № 2(7). Режим доступа: http://parkbelinskogo.ru/906
3. Резник С. Д. Дороги к менеджменту: о себе и окружающих меня людях, о времени и событиях. М.: ИНФРА-М, 2016. 472 с.
4. ГОСТ 7.60-2003 СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1200034382
5. Резник С. Д. Аспирант вуза: технологии научного творчества и педагогической деятельности: практическое пособие. Пенза: ПГУАС, 2010. 514 с.
6. Основные понятия авторского права. Субъекты. Соавторство. Режим доступа: http://www.trizland.ru/archive/is/038.php (дата обращения: 03.04.2017).
7. ГОСТ 6.38-90 УСД. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/9052222
8. Данилов А. М. Статья в научном журнале: системный стиль мышления // Russian journal of management. 2015. Vol. 3. № 1(13): 95 – 99.
9. Резник С. Д. Публикация результатов диссертационного исследования: учеб.-метод. пособие для аспирантов. Пенза: ПГУАС, 2014. 28 с.
10. Соавторство. Режим доступа: http://sibart.narod.ru/st10.htm (дата обращения: 03.04.2017).
11. Солимар Л. Как писать научные статьи // Физики шутят. М.: Мир, 1966. С. 67 – 73. Режим доступа: http://physiclib.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st014.shtml (дата обращения: 03.04.2017).
12. Хлебушкин В. М., Нестерова С. Г. Как издать учебную книгу: учеб.-метод. пособие для авторов. Пенза: ПГУАС. 2004. 84 с.
13. Жуковский С., Сашечкина О. Книга как инструмент продвижения вашего бизнеса: как написать, издать и продать свою книгу. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2012. 243 с.
14. Парабеллум А., Мрочковский Н., Бернадский С. 10 дней для создания книги. Как быстро написать свой бестселлер. М.: ИНФРА-М, 2014.

EXPERIENCE AND PROBLEMS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF COOPERATION WITH THE AUTHORS OF ECONOMIC PUBLISHER EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC LITERATURE

Semen D. Reznik [1, @]

[1] *Penza State University of Architecture and Construction, 28, Herman Titov St., Penza, Russia, 440028*
[@] disser@bk.ru

Received 04.04.2017.
Accepted 20.06.2017.

Keywords: Author, publisher, cooperation, interaction, promotion of books, processing of books.

Abstract: The article is devoted to the experience and problems of interaction between the authors of educational and scientific literature and publishers. It examines the types of educational and methodological and scientific publications, such as scientific article, monograph, textbook, manual, as well as the specifics of collective work preparation and the stages of interaction between authors and publishers.
Particular attention is paid to the increasing role of authors in the promotion of their books, as well as in the preparation of supplemented and revised publications.
The problems of modern book publishing are identified, in particular the slowdown in sales, pricing in book publishing, new opportunities for using electronic library systems, the use of scientific journals controlled by the publishing house to promote books of the publishing house.
The article is based on the thesis of the author's speech at the round table of the all-Russian conference "Book Publishing and Professional Education: Priorities for Interaction and Cooperation", conducted by the INFRA-M research and publishing center in cooperation with the Russian State Humanitarian University [1].

For citation: Reznik S. D. Opyt i problemy povysheniia effektivnosti sotrudnichestva avtorov s izdatel'stvami ekonomicheskoi uchebnoi i nauchnoi literatury [Experience and Problems of Increasing the Effectiveness of Cooperation with the Authors of Economic Publisher Educational and Scientific Literature]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 53 – 57. (In Russ.)

References

1. Reznik S. D. Avtor i izdatel'stvo: moi opyt sotrudnichestva [Author and publisher: my experience of cooperation]. *Pul's = Pulse*, no. 6 (2016).
2. Iniushev A. «Estafeta pamiati» Andreia Alekseeva [Andrei Alexeev's "Relay of Memory"]. *Park Belinskogo = Belinsky Park*, no. 2(7) (2014). Available at: http://parkbelinskogo.ru/906
3. Reznik S. D. *Dorogi k menedzhmentu: o sebe i okruzhaiushchikh menia liudiakh, o vremeni i sobytiiakh* [Roads to management: about myself and the people around me, about time and events]. Moscow: INFRA-M, 2016, 472.
4. *GOST 7.60-2003 SIBID. Izdaniia. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniia* [GOST 7.60-2003. System of standards for information, library and publishing. Editions. The main types. Terms and Definitions]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/1200034382
5. Reznik S. D. *Aspirant vuza: tekhnologii nauchnogo tvorchestva i pedagogicheskoi deiatel'nosti: prakticheskoe posobie* [Postgraduate student of the university: technology of scientific creativity and pedagogical activity]. Penza: PGUAS, 2010, 514.
6. *Osnovnye poniatiia avtorskogo prava. Sub"ekty. Soavtorstvo* [Basic concepts of copyright. Subjects. Co-authorship]. Available at: http://www.trizland.ru/archive/is/038.php (accessed 03.04.2017).
7. *GOST 6.38-90 USD. Sistema organizatsionno-rasporiaditel'noi dokumentatsii. Trebovaniia k oformleniiu dokumentov* [GOST 6.38-90 USD. System of organizational and managerial documentation. Requirements for registration of documents]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/9052222
8. Danilov A. M. Stat'ia v nauchnom zhurnale: sistemnyi stil' myshleniia [Article in the scientific journal: a systematic style of thinking]. *Russian journal of management*, 3, no. 1(13) (2015): 95 – 99.
9. Reznik S. D. *Publikatsiia rezul'tatov dissertatsionnogo issledovaniia* [Publication of the results of dissertation research]. Penza: PGUAS, 2014, 28.
10. *Soavtorstvo* [Co-authorship]. Available at: http://sibart.narod.ru/st10.htm (accessed 03.04.2017).
11. Solimar L. Kak pisat' nauchnye stat'i [How to write scientific articles]. *Fiziki shutiat* [Physicists are joking]. Moscow: Mir, 1966, 67 – 73. Available at: http://physiclib.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st014.shtml (accessed 03.04.2017).
12. Hlebushkin V. M., Nesterova S. G. *Kak izdat' uchebnuiu knigu* [How to publish a curriculum]. Penza: PGUAS, 2004, 84.
13. Zhukovskii S., Sashechkina O. *Kniga kak instrument prodvizheniia vashego biznesa: kak napisat', izdat' i prodat' svoiu knigu* [A book as a tool to promote your business: how to write, publish and sell your book]. Moscow: RIOR; INFRA-M, 2012, 243.
14. Parabellum A., Mrochkovskii N., Bernadskii S. *10 dnei dlia sozdaniia knigi. Kak bystro napisat' svoi bestseller* [10 days to create a book. How to quickly write your best seller]. Moscow: INFRA-M, 2014.

УДК 33:657

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ВЕДЕНИЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА

***Рашида Т. Унщикова*[1, @1], *Егор А. Кириенко*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *unshch9@rambler.ru*
[@2] *egor.kirienko2011@yandex.ru*

Поступила в редакцию 27.12.2016.
Принята к печати 05.04.2017.

Ключевые слова: интегрированная отчетность, управленческий учет, международные стандарты финансовой отчетности, прозрачность деятельности организации, конфиденциальность.

Аннотация: На современных этапах интеграции бухгалтерской отчетности в России становится актуальным вопрос о законодательном закреплении и модернизации основ управленческого учета. В то время как опыт зарубежных государств свидетельствует о высоком уровне регулирования системы управленческого учета, в российских компаниях отсутствует четкое видение действия ее механизма. Целью данной статьи является анализ слабых сторон отечественной системы управленческого учета и выявление текущих причин их возникновения, предметом – сравнительная характеристика российской и зарубежной моделей ведения управленческого учета. Авторы рассматривают основные критерии отличия данных моделей и приходят к выводу, что механизм действия управленческого учета станет наиболее эффективным не только при пересмотре нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы учета и предоставления отчетности, но и при совершенствовании законодательства, касающегося конфиденциальности учетной информации. Тем не менее восстановление экономических отношений с США и европейскими государствами также играет актуальную роль в вопросе адаптации управленческого учета под международные стандарты.

Для цитирования: Унщикова Р. Т., Кириенко Е. А. Сравнительная характеристика российского и зарубежного опыта ведения и нормативно-правового регулирования управленческого учета // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 58 – 62.

Основной тенденцией, наблюдающейся в современной российской системе бухгалтерского учета, является интеграция ее основ с положениями, изложенными в международных стандартах финансовой отчетности (МСФО). Экономические реалии ведения бизнеса в России таковы, что для осуществления стабильной и финансово защищенной деятельности компаний их акционерам необходимо стремиться к повышению уровня прозрачности, которую можно достичь с помощью опыта, заимствованного у западных государств, при сохранении уже устоявшихся отечественных правил и норм ведения учета. Несмотря на то, что российские организации длительный период времени добровольно или принудительно применяют на практике стандарты МСФО, в зависимости от объектов пользования учетной информации было принято выделить из системы бухгалтерского учета две основные категории – финансовый и управленческий учет.

В практической действительности экономические эксперты проявляют большую заинтересованность к финансовой отчетности, чем к управленческой, что в первую очередь связано с высоким уровнем объективности, которую дает информация, полученная в результате финансового учета. Однако для внутренних пользователей компании важно акцентировать внимание на системе управленческого учета, поскольку именно в ней калькулируется себестоимость производимой продукции, и, как следствие, на следующих этапах устанавливается ее цена. Обладая информацией об уровне цен на реализуемую продукцию, акционеры компании могут давать оценку объему продаж и величине прибыли, которые будут достигнуты в перспективе.

Следует отметить, что значительное увеличение издержек, которые в настоящее время терпит ряд не только российских, но и мировых организаций, безусловно, является прямым следствием проявлений глобальных экономических проблем [1]. Нельзя отрицать тот факт, что на уровень затрат оказывает колоссальное влияние организация рационального планирования и контроля за деятельностью компании. Можно прийти к выводу, что при современных условиях развития национального хозяйства наиболее подходящим способом своевременного учета затрат и ожидания экономических перспектив деятельности отдельно взятой организации является система управленческого учета.

Так, под управленческим учетом понимается подсистема бухгалтерского учета, способствующая обеспечению внутренних пользователей отдельной компании информацией, необходимой для осуществления функций планирования, управления, контроля и анализа за актуальными показателями ее деятельности на рынке.

Как упоминалось выше, применение положений управленческого учета в российских компаниях находится на менее высоком уровне, чем использование методики финансового учета [2]. В качестве основных факторов, тормозящих его становление, выделяются: уход ряда компаний в теневой сектор экономики, низкий квалификационный уровень сотрудников экономического отдела (финансовой службы), а также отсутствие универсальной модели ведения управленческого

учета. В связи с этим возникает гипотеза, что заимствование зарубежного опыта ведения бухгалтерского учета не дало желаемых результатов в отношении практического действия механизма управленческого учета в России. Необходимо глубинное развитие его методологии и нормативно-правовое закрепление.

Таким образом, главной проблемой, рассматриваемой в рамках данной статьи, является исследование слабых сторон отечественной системы управленческого учета и выявление причин их возникновения. Для ее решения необходимо провести сравнительную характеристику нормативно-правового регулирования управленческого учета по ряду критериев на примере как российских, так и зарубежных компаний (таблица).

Таблица. Сравнение российской и зарубежной модели ведения управленческого учета
Table. Comparing Russian and foreign models of management accounting

№	*Критерии сравнения*	*Российская модель управленческого учета*	*Зарубежная модель управленческого учета*
1	Предпосылки возникновения	Совокупность экономических, юридических и технологических факторов; тенденция интеграции	Рыночный характер экономической системы зарубежных государств
2	Эволюция основных целей применения	Потребность в обобщении информации по отдельным организационным подразделениям	Управление издержками организации; менеджмент внутренней организационной структуры
3	Цель учета	Прозрачность деятельности организация и оценка ее имущества	Осуществление функций планирования, управления, контроля и анализа
4	Схема построения управленческого учета	1. Сбор данных бухгалтерского учета; 2. Передача данных в финансовую и налоговую отчетность; 3. Передача данных в управленческую отчетность	1. Сбор данных управленческого учета; 2. Передача данных в финансовую отчетность; 3. Передача данных в бухгалтерскую отчетность
5	Объект учета	Аккумулирование информации по отдельным структурным подразделениям	Аккумулирование информации по всей деятельности организации
6	Пользователи учетной информации	Организация и ее подразделения; в некоторых случаях – внешние пользователи	Организация и ее подразделения
7	Юридическая ответственность за итоги учета	Административные санкции внутри организации	Административные санкции внутри организации
8	Нормативно-правовая база	Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»; положения по бухгалтерскому учету (ПБУ 10/99, ПБУ 12/2010)	Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО 1, МСФО 8, МСФО 10, МСФО 14)

Из информации, представленной в таблице, видно, что опыт и характеристики ведения управленческого учета на западных предприятиях существенно отличаются от российских стандартов. Так, основополагающим моментом для коренных расхождений в системах управленческого учета следует отнести их историческое возникновение и характер экономической системы. Поскольку перенятая Россией западная модель управленческого учета базируется на опыте Франции и США – государств с развитой рыночной экономикой, а в России процессы перестройки командной системы в смешанную начали осуществляться только в начале 1990-х гг., становится очевидным, что зарубежные государства обладали большим временным запасом для адаптации учета под цели действующих на тот момент времени предприятий. Кроме того, в качестве важной предпосылки формирования управленческого учета в России следует рассматривать находящиеся на стадии преобразования процессы интегрирования отчетности [3].

Главной целью управленческого учета в зарубежных странах изначально служило управление затратами организации, впоследствии измененное в систему менеджмента внутренней организационной структуры [4]. Для ряда же российских организаций цель применения системы управленческого учета исследователи связывают с необходимостью обобщения учетной информации по их отдельным подразделениям. Следует отметить, что Россия позаимствовала у западных государств такие системы учета затрат, как «стандарт – кост» и «директ – костинг», позволяющие учитывать издержки предприятия в полном объеме или по их отдельным статьям.

В настоящее время цель зарубежной модели управленческого учета сводится к осуществлению функций планирования, управления, контроля и анализа за основными показателями деятельности предприятия [5]. Слаборазвитый характер российской модели учета не позволяет в полной мере осуществлять рациональную работу данных функций, а лишь способствует повышению прозрачности ведения бизнеса и формированию итоговой оценки имущества отдельно взятой организации. Синтезирующий подход, выработанный под влиянием особенностей отечественного бухгалтерского учета, обладает существенным недостатком, поскольку упускает из внимания важные элементы, воздействую-

щие на величину издержек реализуемой продукции, если на данном предприятии осуществляется производственный процесс. Но все-таки становится очевидным, что невысокий уровень осуществления функций планирования и анализа оказывает негативное влияние и на предприятия непроизводственной сферы.

Кардинальные отличия между отечественным и зарубежным опытом ведения управленческого учета прослеживаются и в схемах его построения. Если в России учетная информация аккумулируется по отдельным структурным подразделениям предприятия, то зарубежная модель предполагает сбор данных непосредственно по всей его деятельности. Такой алгоритм связан с тем, по каким каналам передается и преобразовывается требуемая информация. В России на первом этапе собирают данные, необходимые для целей бухгалтерского учета, а затем – для целей финансового и налогового учета [4]. Полученная информация отражается в финансовой и налоговой отчетности, которая на заключительном этапе будет использована для целей управленческого учета. Западная схема построения управленческого учета является полной противоположностью российской. Так, изначально собираются данные управленческого учета, впоследствии отображающиеся в финансовой отчетности, а на заключительном этапе данные финансового учета менеджмент предприятия использует для ведения бухгалтерского учета и формирования отчетности.

Юридически слабое регулирование управленческого учета в России привело к тому, что обладателями учетной информации, выступающей коммерческой тайной и предназначенной только для внутреннего пользования, зачастую могут быть и представители внешней среды. Ответственность за утечку конфиденциальной информации в большинстве случаев возлагается на сотрудников предприятия, ответственных за сбор и хранение данных (в случае разглашения или слива информации третьим лицам сотруднику может грозить уголовная ответственность, регулирующаяся статьей 183 УК РФ «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» [6]).

Ответственность за прозрачность, качество и актуальность предоставляемой информации, как в зарубежной, так и в российской модели ведения управленческого учета не является строго регламентированной и ограничивается административными санкциями внутри компании (штрафами, в некоторых случаях – увольнением менеджера, осуществляющего сбор данных для целей учета). Учитывая более развитый характер западной системы учета и жесткий контроль со стороны управленческого персонала, следует отметить, что в странах Европы и США такие санкции могут носить более жесткую подоплеку.

Нормативно-правовое обеспечение управленческого учета в России – отдельный вопрос, требующий обязательного рассмотрения в рамках данной статьи. Поскольку в целях данного вида учета менеджеры организации могут добывать необходимую информацию из различных источников, в российском законодательстве отсутствует единый нормативно-правовой акт, в котором могли быть четко прописаны требования и ограничения по его регулированию и составлению отчетности. Так, ведение управленческого учета в Российской Федерации осуществляется на основании следующих нормативно-правовых актов: Конституция Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, федеральные и конституционные законы и т. д. Кроме данных объектов нормативно-правовой базы, российская модель управленческого учета регламентируется положениями Федерального закона от 06.12.2011 № 202-ФЗ «О бухгалтерском учете», несмотря на отсутствие в нем и ряде прочих законодательных актов официального определения термина «управленческий учет» [7].

Составные элементы управленческого учета можно обнаружить в федеральных стандартах – положениях по бухгалтерскому учету (ПБУ). Действительно, в ПБУ 10/99 «Расходы организации» содержится информация по видам затрат, необходимых для производства, а также учитывающихся при калькулировании себестоимости продукции. ПБУ 12/2010 «Информация по сегментам» устанавливает требования для оценки показателей отчетного сегмента, предоставляемых внутренним пользователям компании.

Помимо законодательных актов, в нормативно-правовую базу управленческого учета в России входит положение «Об учетной политике организации», в котором излагаются основные пункты, необходимые для нужд управленческой информации (учет материально-производственных запасов, общепроизводственных и общехозяйственных расходов, продаж и себестоимости реализованной продукции и т. д.) [8].

Относительно нормативно-правовой базы ведения управленческого учета за рубежом следует отметить, что основная регламентирующая информация представлена в положениях международных стандартов финансовой отчетности. Например, финансовому менеджеру, готовящему отчет для управленческих нужд, необходимо в первую очередь обратиться к таким стандартам, как: МСФО 1 «Представление финансовой отчетности», МСФО 8 «Учетная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки», МСФО 10 «События после окончания отчетного периода», МСФО 14 «Сегментная отчетность» [9].

Поскольку внедрение МСФО в российскую практику получило неоднозначную оценку и в данный момент находится на недостаточно высоком уровне, следует заметить, что в ближайшей перспективе невозможно предсказать сроки, в течение которых произойдет реформация нормативно-правовой базы, касающейся управленческого учета. Тенденция неизвестности приводит к тому, что система управленческого учета остается неразвитой и соответственно не получает должного применения в экономической деятельности [10]. Кроме того, затраты, связанные с ведением данного вида учета, являются неприемлемыми для акционеров, что способствует все большему предпочтению в российских компаниях финансового учета. Экономический кризис, обусловленный нестабильностью национальной валюты и обострением политических отношений со странами Запада, также тормозит процессы модернизации российской системы управленческого учета.

Таким образом, интеграция бухгалтерского учета в России носит в большей степени теоретический, чем практический характер, поскольку и виды учета, и от-

четность являются недостаточно адаптированными под современные реалии ведения бизнеса. Есть вероятность, что как только Россия сможет восстановить спокойные отношения с США и рядом экономически сильных европейских государств, процесс интеграции приобретет иной, более эффективный характер. Но через какой промежуток времени будет осуществлено примирение сторон – открытый вопрос.

Литература

1. Краснослободцева Е. А. Эффективность системы управленческого учета // T-Comm: Телекоммуникации и Транспорт. 2014. Т. 8. № 7. С. 43 – 44.
2. Дегальцева Ж. В., Ремезков А. А., Тончу Е. А. Проблемы развития управленческого учета в современных условиях // Политехнический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 98. С. 1009 – 1041.
3. Сергеева И. А. История становления и развития управленческого учета // Инновационная наука. 2015. Т. 1. № 1-2. С. 150 – 154.
4. Вахорина М. В. Управленческая отчетность как объект внутреннего аудита // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 9(243). С. 48 – 54.
5. Игошина Ю. А. Система внутреннего контроля как элемент управленческого учета // Вестник НГИЭИ. 2014. № 1(32). С. 59 – 69.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.11.2016).
7. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.12.2011. № 50. Режим доступа: www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_122855 (дата обращения: 27.11.2016).
8. Кулакова Ю. В., Лобковская О. З., Руднева Н. М. Нормативно-правовое регулирование бухгалтерского финансового и управленческого учета в России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-1. С. 34 – 39.
9. Стандарты МСФО (IFRS). Режим доступа: www.msfofm.ru/ifrs (дата обращения: 26.11.2016).
10. Павленко О. Ю., Пышненко О. С., Пронина М. А. Управленческий учет в организациях в российской и зарубежной практике // Концепт. 2015. Т. 30. С. 496 – 500.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE IN CONDUCTING AND REGULATORY MANAGEMENT ACCOUNTING

***Rashida T. Unshchikova*[1, @1], *Egor A. Kirienko*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *unshch9@rambler.ru*
[@2] *egor.kirienko2011@yandex.ru*

Received 27.12.2016.
Accepted 05.04.2017.

Keywords: integrated reporting, management accounting, International Financial Reporting Standards, transparency organization, confidentiality.

Abstract: At the present stage of integration of the financial statements in Russia the question of legislative consolidation and modernization of the basics of management accounting becomes relevant. While the experience of foreign countries shows a high level of management accounting regulation, Russian companies lack a clever vision of its mechanism of action. The purpose of this article is to analyze the weaknesses of the national system of management accounting and identify their current causes, the subject of the research is comparative characteristics of Russian and foreign models of management accounting. The authors consider the basic criteria of the differences of these models and come to the conclusion that the mechanism of action of management accounting will be most effective, not only in the revision of normative and legal acts regulating the accounting and reporting, but also in improving the legislation concerning confidentiality of accounting information. Nevertheless, the restoration of economic relations with the US and European states also plays a relevant role in the issue of the adaptation of management accounting under International Standards.

For citation: Unshchikova R. T., Kirienko E. A. Sravnitel'naia kharakteristika rossiiskogo i zarubezhnogo opyta vedeniia i normativno-pravovogo regulirovaniia upravlencheskogo ucheta [Comparative Characteristics of the Russian and Foreign Experience in Conducting and Regulatory Management Accounting]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 58– 62. (In Russ.)

References

1. Krasnoslobodtseva E. A. Effektivnost' sistemy upravlencheskogo ucheta [The effectiveness of the system of management accounting]. *T-Comm: Telekommunikatsii i Transport = T-Comm: Telecommunications and Transport*, 8, no. 7 (2014): 43 – 44.

2. Degal'tseva Zh. V., Remezkov A. A., Tonchu E. A. Problemy razvitiia upravlencheskogo ucheta v sovremennykh usloviiakh [Problems of development of management accounting in modern conditions]. *Politekhnicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, no. 98 (2014): 1009 – 1041.

3. Sergeeva I. A. Istoriia stanovleniia i razvitiia upravlencheskogo ucheta [The history of formation and development of management accounting]. *Innovatsionnaia nauka = Innovative science*, 1, no. 1-2 (2015): 150 – 154.

4. Vakhorina M. V. Upravlencheskaia otchetnost' kak ob"ekt vnutrennego audita [Management accounting as an object of internal audit]. *Finansovaia analitika: problemy i resheniia = Financial Analytics: problems and solutions*, no. 9(243) (2015): 48 – 54.

5. Igoshina Iu. A. Sistema vnutrennego kontrolia kak element upravlencheskogo ucheta [The system of internal control as an element of management accounting]. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGII*, no. 1(32) (2014): 59 – 69.

6. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 07.03.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 30.03.2017) [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 07.03.2017) (with amendments and additions, shall enter into force 30.03.2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of legislation of the Russian Federation*, no. 25 (17.06.1996). Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (accessed 27.11.2016).

7. Federal'nyi zakon «O bukhgalterskom uchete» ot 06.12.2011 № 402-FZ (s izmeneniiami i dopolneniiami) [Federal law "On accounting" of 06.12.2011 No. 402-FZ (with changes and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of legislation of the Russian Federation*, no. 50 (12.12.2011). Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855 (accessed 27.11.2016).

8. Kulakova Iu. V., Lobkovskaia O. Z., Rudneva N. M. Normativno-pravovoe regulirovanie bukhgalterskogo finansovogo i upravlencheskogo ucheta v Rossii [Legal regulation of financial accounting and management accounting in Russia]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki = News of Tula State University. Economic and legal sciences*, no. 2-1 (2014): 34 – 39.

9. *Standarty MSFO (IFRS)* [IFRS Standards]. Available at: www.msfofm.ru/ifrs (accessed 26.11.2016).

10. Pavlenko O. Iu., Pyshnenko O. S., Pronina M. A. Upravlencheskii uchet v organizatsiiakh v rossiiskoi i zarubezhnoi praktike [Management accounting in organizations in Russian and foreign practice]. *Kontsept = Concept*, vol. 30 (2015): 496 – 500.

УДК 336.7

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

***Елена А. Федулова*[1, @1], *Светлана А. Кононова*[1, @2], *Александр М. Матросов*[1, @3]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *fedulovaea@mail.ru*
[@2] *kononovasa@rambler.ru*
[@3] *matrosov_am@mail.ru*

Поступила в редакцию 10.05.2017.
Принята к печати 26.06.2017.

Ключевые слова: центральный банк, инвестиционная деятельность, инвестиционный процесс, операции центральных банков, рефинансирование.

Аннотация: *Предмет*. Статья посвящена реализации инвестиционной деятельности центральных банков. *Цель и задачи.* Раскрыто содержание и проведено сравнение инвестиционной деятельности центральных банков различных стран мира. Определена роль центрального банка и его статуса в финансовой и экономической политике страны. *Методология*. Методологическую основу исследования составляет общенаучный метод познания, применены также сравнительный, системный и логико-структурный анализы. *Результаты.* Проведенный анализ позволил авторам структурировать инвестиционную деятельность центральных банков и дать характеристику отдельным ее составляющим. Детально рассмотрены мотивы проведения валютной интервенции, инструменты инвестирования на валютном рынке, в свою очередь, роль центрального банка как кредитора последней инстанции и кризисное состояние экономики как импульс к развитию рефинансирования кредитных организаций. Проанализированы различные методы рефинансирования и эффективности их применения в различных экономических условиях. *Выводы и значимость.* Проведенное исследование позволило выявить новые тенденции, особенности и некоторые противоречия инвестиционной деятельности центральных банков в национальной экономике.

Для цитирования: Федулова Е. А., Кононова С. А., Матросов А. М. Роль инвестиционной деятельности центральных банков в национальной экономике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 63 – 70.

Центральные банки относятся к числу важнейших макроэкономических агентов и финансовых институтов в любой стране. Роль центральных банков в финансовой сфере чрезвычайно велика, сам факт присутствия такого крупного экономического агента оказывает большое влияние на финансовые отношения, в том числе инвестиционные. Вместе с тем статус центрального банка имеет довольно сложный характер. Он не относится к числу коммерческих организаций, ориентированных только на получение экономических выгод. Но центральный банк, находясь в собственности государства, не является классическим органом государственной власти, пользуется определенной независимостью, степень которой варьируется от страны к стране.

Считается, что впервые центральный банк появился в Швеции начала XVII в., где был создан прообраз современного Риксбанка – Банк Стокгольма. Второй центральный банк государства впоследствии организуется в Англии. В середине XIX в. Банк Англии получает права на монопольную денежную эмиссию и регулирование денежного обращения [1, с. 6], что позволяет говорить о формировании полноценного центрального банка в его современном понимании. Функции эмиссии денег и регулирования денежного обращения (в более широком понимании – разработки и реализации денежно-кредитной политики) остаются основополагающими для центральных банков по сей день.

В современной литературе центральный банк определяется как «орган государственного денежно-кредитного регулирования экономики, наделенный правом монопольной эмиссии банкнот, управления денежным обращением, регулирования и надзора за кредитными организациями, валютного регулирования и контроля, осуществления функции «банка банков», хранения официальных золотовалютных резервов, являющийся агентом правительства при обслуживании государственного бюджета» [2, с. 8]. В данном определении подчеркивается государственный статус центральных банков (хотя они обрели этот статус далеко не сразу и в отдельных странах продолжают оставаться частными), а также их ключевые функции. Но данные функции могут в определенной степени варьироваться от страны к стране с течением времени. Скажем, Центральный банк Российской Федерации (Банк России) в последние годы получил статус «мегарегулятора», который занимается не только банковским сектором, но и страховым надзором, институциональными инвесторами, словом, регулированием всего национального финансового рынка.

Продуктивен институциональный подход к пониманию сущности центрального банка как специфического института, который занимает промежуточное положение между коммерческими банками, преследующими цель получения прибыли и государством, обществом, которые стремятся к реализации публичных интересов в рамках выполнения регулирующих функций. В данной связи отмечается посредническая роль центрального

банка между государством и остальной экономикой через систему коммерческих банков [3, с. 53 – 54]. Из этих научных положений вытекает необходимость дифференцированного, компромиссного подхода к оценке деятельности центрального банка и управлению ею.

В данном отношении теоретически и практически весьма важны тезисы О. В. Смирновой, которая отмечает отсутствие для центрального банка противоречий между ликвидностью, доходностью и риском [4, с. 11]. Дело в том, что обычный коммерческий банк при проведении активных операций вынужден искать компромиссные решения по линиям «ликвидность – доходность» и «риск – доходность». Как уже отмечалось выше, доходность и рискованность инвестиционного портфеля находятся в обратной зависимости. Кроме того, чем более ликвидны активы финансовой организации, тем, как правило, меньшую доходность они генерируют. Центральный банк, согласно О. В. Смирновой, может проводить активные операции, которые имеют неприемлемое для других финансовых организаций сочетание доходности и риска (и это сделала, например, Федеральная резервная система США при выкупе «плохих» долгов у коммерческих банков в 2008 – 2009 гг.). Как кредитор последней инстанции и эмиссионный центр, центральный банк не может утратить ликвидность, что позволяет проводить активные операции с неприемлемым для стандартного коммерческого банка риском [4, с. 11].

Данные особенности не носят абсолютного характера, ими не следует злоупотреблять, поскольку убыточность и отрицательный собственный капитал центрального банка затрудняют его деятельность, негативно влияют на государственные финансы. Однако именно они дают возможность проводить регулирование и поддержку финансовой сферы в общественных интересах.

В настоящее время в большинстве стран сложилась единая модель центрального банка, которую можно назвать классической. Ее основными чертами являются:

– функционирование на национальном уровне (единственный центральный банк для одной страны);

– монопольное выполнение эмиссионных функций выпуска национальной валюты от имени государства;

– совмещение функций эмиссионного банка и регулятора финансовой сферы в широком понимании, включая финансовые институты и финансовый рынок.

Отход от данной модели принципиально возможен в нескольких случаях [5, с. 66 – 67]. Во-первых, слаборазвитые и (или) малые страны могут не иметь собственного центрального банка вообще, либо не эмитировать национальную валюту. Скажем, в Эквадоре, Сальвадоре, Зимбабве, Восточном Тиморе центральные банки не выпускают национальной валюты, в этих странах используются доллары США. В Кирибати, Науру и Тувалу собственных центральных банков нет вообще, они используют австралийский доллар и входят в систему денежно-кредитного регулирования Резервного банка Австралии.

Во-вторых, такого рода страны могут создавать коллективные наднациональные банки. Примерами могут служить Восточно-карибский Центральный банк (для 6 стран – Антигуа и Барбуда, Гренада, Доминиканская Республика, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия), Центральный банк государств Западной Африки (для 8 стран – Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того) и др. Особняком в ряду по преимуществу государственных центральных банков стоит Федеральная резервная система (ФРС) США, которая принадлежит не государству, а 12 федеральным резервным банкам, которые, в свою очередь, находятся в собственности коммерческих банков-членов ФРС. Впрочем, в управлении ФРС главенствующую роль все равно играют власти США.

В-третьих, особое место занимает Европейский центральный банк, создание которого ознаменовало появление двухуровневой системы, где присутствуют единый центральный банк Европейского союза в целом и национальные центральные банки стран Европы. В перспективе развитие интеграционных группировок государств может повлечь за собой формирование новых двухуровневых систем центральных банков. Например, на 2028 г. намечен ввод в обращение единой для ряда африканских стран денежной единицы «афро» в рамках единой валютной зоны и создание наднационального центрального банка.

Проведение центральными банками активных операций позволяет говорить об осуществлении ими развитой инвестиционной деятельности в широких масштабах. Однако при наличии значительного числа зарубежных и отечественных научных публикаций по вопросам функционирования центральных банков, их инвестиционная деятельность как таковая редко становится объектом отдельного комплексного научного анализа. В подавляющем большинстве работ раскрываются проблемы денежно-кредитной политики, банковского регулирования и надзора, валютного регулирования; изучаются макроэкономическая роль центральных банков, их участие в бюджетном процессе, финансовые вложения центральных банков в различные категории активов. При этом инвестиционная деятельность центральных банков в качестве самостоятельного объекта исследования обычно не рассматривается (исключением можно считать диссертационные работы Р. У. Тихоновой [6, с. 194] и П. Ю. Малышева [7, с. 28]).

Следовательно, на первом этапе анализа инвестиционной деятельности центральных банков необходимо выделить те направления работы, операции и инструменты регулирования, которые несут в себе «инвестиционную составляющую». Теоретические и практические представления о мандате центрального банка и его ключевых функциях в настоящее время в достаточной степени устоялись, что позволяет говорить об инвестиционном характере следующих направлений денежно-кредитной политики и банковского регулирования.

1. В рамках валютной политики (регулирования курса национальной валюты) центральные банки проводят операции на валютном рынке или валютные интервенции, создавая тем самым валютный портфель [8, с. 12].

2. В рамках регулирования и поддержки банковского сектора центральный банк предоставляет ликвидность коммерческим банкам, т. е. рефинансирует их в качестве кредитора последней инстанции (в отдельных странах чрезвычайные кредиты центрального банка предоставляются нефинансовым корпорациям и частным лицам) [9, с. 168]. В ряде случаев центральный банк также может кредитовать правительство [10, с. 36].

3. В рамках денежно-кредитной политики значительную роль играют операции на открытом рынке с финансовыми активами – купля-продажа центральным банком ценных бумаг (государственных и в ряде случаев – частных), проведение с ними операций РЕПО [11, с. 25 – 26]. В данном случае центральный банк формирует классический инвестиционный портфель ценных бумаг.

4. Возможны иные виды активных операций центрального банка инвестиционного характера, в частности операции с золотыми резервами и монетарным золотом [10, с. 36].

Масштабы и соотношения этих активных операций существенно различаются в межстрановом сопоставлении [10, с. 37 – 38]. Так, около 80 % всех активов ФРС США традиционно приходится на статью «Государственные ценные бумаги торгового портфеля», что обусловлено спецификой эмиссионного механизма страны – доллар США выпускается в обращение по преимуществу не непосредственно, а через процедуру выкупа ФРС ценных бумаг Казначейства США. Вместе с тем в период экономического кризиса 2008 – 2009 гг. ФРС США расширила предоставление кредитов банковскому сектору, выдачу кредитов по результатам аукционов и других займов, необходимых для поддержки национальной экономики. Активное участие в валютных операциях для ФРС США нехарактерно.

Европейский центральный банк вкладывает значительные средства в монетарное золото (порядка 15 % активов), но основная часть его активных операций приходится на предоставление кредитов финансовым институтам зоны евро. Существенные вложения в иностранную валюту, как и в случае с ФРС США, не имеют места, что вполне логично, поскольку доллар США и евро выполняют функцию мировых денег. Тем не менее Европейский центральный банк располагает валютными резервами в виде требований в иностранной валюте к резидентам внутри и вовне еврозоны, удельный вес которых достигает 7 – 8 % от валюты баланса [10, с. 38 – 39].

Банк Японии ориентирован на предоставление частному сектору дешевого кредита, что предопределяет значительный удельный вес в активных операциях рефинансирования коммерческих банков (около 30 %). Но наиболее высокую долю в структуре активов японского центрального банка имеют государственные ценные бумаги (около 60 %). Здесь покупка Банком Японии государственных обязательств должна рассматриваться как способ эмиссии денег в контексте покрытия бюджетного дефицита. Валютный портфель Банка Японии, а также вложения в золото не играют существенной роли в общей структуре активов [10, с. 39 – 40].

Если сравнивать центральные банки стран со зрелой рыночной экономикой и Банк России, то у отечественного Центробанка обращает на себя внимание доминирование в структуре активов именно валютного портфеля (средства, размещенные у нерезидентов, ценные бумаги иностранных эмитентов) [10, с. 40 – 41]. Остальные активные операции, в частности кредитование банковского сектора и приобретение государственных ценных бумаг РФ, занимают весьма скромные позиции.

Более подробный анализ активных операций Банка России планируется представить во второй главе диссертационного исследования, однако можно констатировать явное преобладание валютного портфеля в структуре его инвестиционных вложений. Поэтому, например, в работе П. Ю. Малышева в качестве объекта инвестиционных операций центрального банка рассматриваются только валютные резервы и монетарное золото [7, с. 13 – 14]. Данная ситуация не является уникальной для нашей страны. Как отмечают отечественные экономисты, Россия является типичным представителем группы стран с формирующимся рынком (emerging markets), для которых характерны более высокий потенциал роста с сочетании с бóльшими рисками, поэтому «стоящие перед российскими денежными властями среднесрочные и долгосрочные задачи, как и доступные им инструменты, кардинально отличаются от задач и инструментов ЦБ развитых стран» [12, с. 58].

Валютные интервенции не случайно играют большую роль в активных операциях Банка России (как и других государств с формирующимися рынками), поскольку приток иностранной валюты в страну обусловливает чрезмерное укрепление отечественной и дестимулирует экономический рост, а внутренняя экономическая и институциональная ситуации не позволяют эффективно инвестировать экспортные доходы [7, с. 15]. Кроме того, странам такого типа присущи резкие колебания финансовых рынков в зависимости от мировой конъюнктуры, что требует от центральных банков значительного внимания к валютному курсу. Данная особенность активных операций центральных банков стран с формирующимися рынками, по-видимому, будет преодолена лишь в отдаленной перспективе. В современных условиях сложившуюся структуру активных операций необходимо учитывать при анализе инвестиционной деятельности центральных банков данного класса стран, в том числе Банка России.

Инвестиционный характер активных операций центральных банков позволяет структурировать их инвестиционную деятельность следующим образом, представленным в таблице, составленной по авторским исследованиям. Предложенная систематизация основных направлений и признаков инвестиционной деятельности центрального банка позволяет осуществлять более детальный анализ по отдельным направлениям, а также определять критерии ее эффективности в соответствии с заданной целью.

Данные таблицы показывают, что при осуществлении инвестиционной деятельности центральные банки преследуют цели получения полезных для экономики и общества эффектов – поддержания валютного курса, регулирования кредитного потенциала экономики, покрытия бюджетного дефицита и т. д. Цели получения прибыли и других экономических выгод от инвестиционных операций находятся на втором плане. Тем не менее они должны учитываться в долгосрочной перспективе для сохранения капитала центрального банка и возможностей макроэкономического регулирования в долгосрочной перспективе.

Таблица. **Общая структура инвестиционной деятельности центрального банка в современной смешанной экономике**
Table. **General structure of investment activity of the central bank in the modern mixed economy**

Вид активных операций центрального банка	Осуществляемые инвестиционные процессы	Вид инвестиций	Объект инвестиций	Ожидаемый эффект (цель) инвестиций
1. Валютные операции	Приобретение и продажа иностранной валюты за счет резервов центрального банка	Портфельные, инвестиции в валюту	Иностранная валюта (доллар США, евро и др.)	Поддержание курса национальной валюты в приемлемом диапазоне Сокращение импортируемой инфляции Получение прибыли
2. Кредитор последней инстанции	Выдача кредитов коммерческим банкам, другим организациям Предоставление ликвидности по сделкам РЕПО	Портфельные (как правило), в предоставлении кредитов, займов	Выданные кредиты, займы банкам, другим кредитным организациям (редко – нефинансовым организациям)	Расширение предложения денег и рост доступности кредита Поддержка банковской системы Получение процентного дохода
3. Операции на открытом рынке ценных бумаг	Приобретение и продажа ценных бумаг на рынке Сделки РЕПО	Портфельные, инвестиции в ценные бумаги	Долговые ценные бумаги (по преимуществу государственные облигации, казначейские векселя, реже – корпоративные ценные бумаги)	Регулирование предложения денег и кредитного потенциала экономики Косвенное кредитование государственного сектора, покрытие бюджетного дефицита Получение процентного дохода
4. Операции с драгоценными металлами	Приобретение и продажа драгоценных металлов в натуральной и документарной форме	Портфельные, инвестиции в прочие финансовые активы	Ценные металлы в натурально-вещественной и нематериальных формах (золото, серебро, платина, палладий)	Диверсификация национальных золотовалютных резервов Создание фундаментального ликвидного резерва Получение дохода за счет курсовых разниц

Остановимся на отдельных составляющих инвестиционной деятельности более подробно. Как уже отмечено выше, центральное место в инвестиционной деятельности центральных банков стран с формирующимися рынками занимают валютные операции, или, как они чаще называются в мировой практике, валютные интервенции (foreign exchange market intervention, currency intervention). Существуют определенные разногласия по поводу того, относить ли к валютным интервенциям все валютные операции денежных властей, либо только те из них, которые ставят своей непосредственной целью влияние на курс национальной валюты [8, с. 12]. В рамках данного исследования автором принята первая из указанных трактовок, поскольку она позволяет охватить все валютные операции, отвечающие сущности инвестиционной деятельности.

Представление о цели валютных интервенций в международной практике позволяют составить данные **рисунка**. В большинстве стран мира с плавающим валютным курсом центральные банки стремятся добиться такого эффекта, как минимизация краткосрочных колебаний курса национальной валюты (к данному целеполаганию можно отнести мотивы ограничения волатильности и давления на валютный курс). Такая цель, как управление динамикой валютного курса, присуща центральным банкам стран с фиксированным валютным курсом. Существенную роль в проведении валютных интервенций играет иной мотив, не связанный непосредственно с валютным курсом – накопление международных резервов. Страны с формирующимися рынками, как правило, стремятся одновременно регулировать валютный курс и накапливать резервы, которые, в свою очередь, необходимы для обеспечения финансово-экономической устойчивости в глобальной экономике.

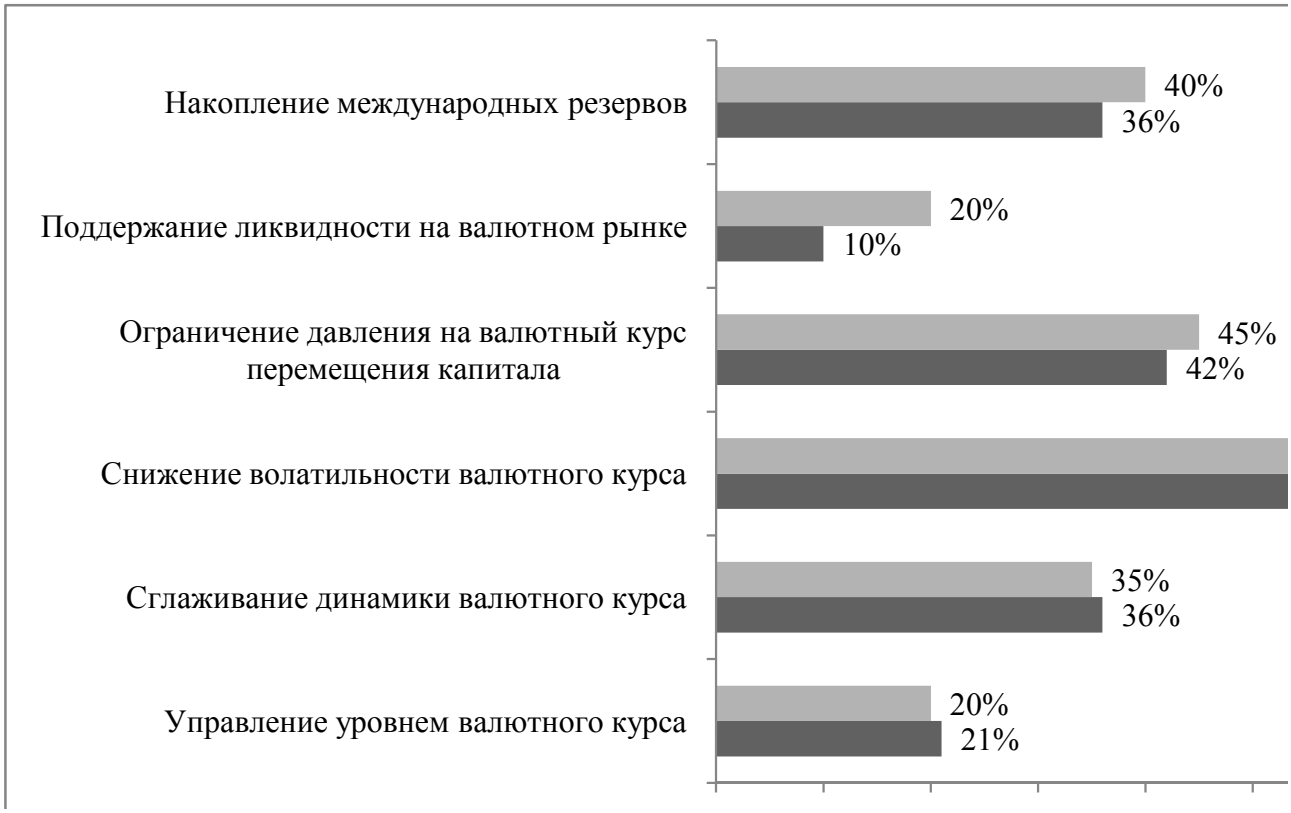

Рис. ***Мотивы проведения валютных интервенций по данным опроса Центральных банков Банком международных расчетов в 2013 г.*** **[8, с. 12]**
Fig. ***Motives for conducting currency interventions according to the Central Banks' survey by the Bank for International Settlements in 2013*** **[8, p. 12]**

Основными инструментами, которые центральные банки используют для инвестиций на валютном рынке, являются конверсионные операции на спот-рынке, напрямую и по заранее оговоренному курсу, когда стандартным сроком расчетов принимаются два дня (другое название – наличные или кассовые операции). В малых странах с недостаточным уровнем развития валютного рынка практикуются также валютные аукционы. Менее распространенный прием – это срочные форвардные контракты на валюту с расчетами более чем через два дня. Их преимущество заключается в отсутствии требования немедленных расчетов – если рыночная обстановка изменится, центральный банк может отказаться от интервенции, проведя встречную операцию, оказав регулирующее воздействие, но не затратив международные резервы [8, с. 17].

Современная мировая тенденция – массированное накопление странами с формирующимися рынками значительных международных резервов, причем финансовый кризис 2007 – 2009 гг. привел лишь к незначительному и временному их сокращению [7, с. 16]. С одной стороны, такой подход к валютным операциям в рамках инвестиционной деятельности центральных банков развивающихся стран в значительной мере обеспечивает стабильность валютных курсов и гарантии исполнения внешних обязательств. С другой стороны, результатом этого становится формирование крупных неиспользуемых валютных резервов выше любых разумных потребностей. Представляется, что в этой ситуации необходим более активный и агрессивный подход к управлению той частью валютного инвестиционного портфеля, который превышает необходимую величину международных резервов, определяемую по общепринятым в мировой практике критериям (правило Гвидотти, критерий Международного валютного фонда). Это позволит гармонизировать различные цели валютных операций – поддержание финансовой стабильности и получение дохода.

Значительное внимание в теории и на практике уделяется роли центрального банка как кредитора последней инстанции, осуществляющего инвестиционные вложения в займы и кредиты коммерческим банкам. Изначально кредитование последней инстанции предполагало временное предоставление банкам ликвидности в критической ситуации во избежание развития и распространения кризиса неплатежей с серьезными последствиями для экономики [13, с. 15 – 18]. Из классических представлений видно, что рефинансировании коммерческих банков основано на ограниченном консервативном подходе к такой практике. Однако в течение XX в. кредитование центральными банками коммерческих банков получило широкое распространение. Например, в практику деятельности ФРС США вошли несколько инструментов рефинансирования:

– первичный кредит овернайт большинству устойчивых кредитных организаций – основной инструмент предоставления ликвидности банковскому сектору;

– вторичный кредит кредитным организациям с неустойчивым финансовым состоянием по более высоким ставкам на краткосрочной основе;

– сезонный кредит небольшим банкам, зависящим от времени года (банки сельскохозяйственных, туристи-

ческих районов);

– чрезвычайный кредит без обеспечения любому экономическому агенту, если его финансовые проблемы могут привести к серьезным негативным последствиям для национальной экономики [9, с. 168 – 169].

Европейский центральный банк традиционно стремится к обеспечению равного доступа всех кредитных организаций к системе рефинансирования, хотя отдельные возможности доступны только для крупнейших участников рынка (ускоренные кредитные аукционы, операции РЕПО с определенным кругом банков) [9, с. 168 – 169].

Подобные инструменты кредитования последней инстанции можно считать наиболее распространенными в современных условиях. В конечном итоге все центральные банки практикуют кредитные аукционы, сделки РЕПО, в кризисных ситуациях – те или иные формы упрощенного быстрого рефинансирования банков. Отличаться могут такие параметры, как уровень процентных ставок, требования к залоговому обеспечению, скорость и сроки предоставления средств, круг банков, допущенных или не допущенных к системе рефинансирования.

Новые импульсы к развитию рефинансирования кредитных организаций в широком смысле придал финансовый кризис 2007 – 2009 гг. Большинство крупнейших центральных банков в этот период активно предоставляли дополнительную ликвидность банковской системе не только стандартными методами, но и путем выкупа «токсичных» активов, реализации программ количественного смягчения, а также за счет снижения процентных ставок вплоть до перехода к отрицательным процентным ставкам по ряду операций. Кроме того, снизились требования к залоговому обеспечению [14, с. 110 – 111]. Среди наиболее значимых изменений в кредитных операциях крупнейших мировых центральных банков можно выделить:

– Банк Англии, Банк Канады – резкое расширение списка допустимых залогов и кредитных организаций, допускаемых к участию в операциях рефинансирования;

– ФРС США – снижение учетной ставки с 6,25 % до 0,50 %, увеличение сроков кредитования овернайт до 90 дней, внедрение программы срочных кредитных аукционов, кредитная помощь небанковским организациям – дилерами по операциям с ценными бумагами, взаимным фондам денежного рынка;

– Европейский центральный банк – специальные сессии по выдаче кредитов банкам по соглашениям РЕПО на 3, 6, 12 месяцев, активизация выдачи краткосрочных ссуд [15, с. 23 – 26], снижение процентной ставки с 4 % до 1 % [16, с. 94].

Результативность и эффективность данных мероприятий оценивается по-разному. С одной стороны, массированная помощь банковскому сектору способствовала смягчению и преодолению последствий кризиса, предупредила массированные разрушительные тенденции в банковской системе. По всей видимости, они были объективно необходимы, в противном случае последствия кризиса оказались более тяжелыми и длительно действующими.

С другой стороны, масштабное рефинансирование коммерческих банков обусловило формирование серьезных диспропорций в национальных финансовых системах (гипертрофированные активы центральных банков, большие избыточные резервы, дефляционное воздействие низких процентных ставок). В Европейском союзе, а также в России значительная часть средств центральных банков, направленных по линии рефинансирования, что называется «ушла не по адресу» в спекулятивные операции и под иностранные юрисдикции. Существуют эмпирические исследования, показывающие, что факт поддержки или отсутствия поддержки со стороны центрального банка не оказал существенного влияния на активность коммерческого банка в кредитовании реального сектора экономики [17, с. 51 – 78].

Таким образом, проблема операций рефинансирования как части инвестиционной деятельности центральных банков требует глубокого научного анализа и осмысления. Это же касается и другого метода рефинансирования или предоставления ликвидности, заключающегося в операциях центрального банка с ценными бумагами на открытом рынке. С точки зрения результативности и эффективности инвестиционной деятельности центрального банка, исходя из необходимости сочетания общественных интересов и поддержания приемлемых финансовых результатов, представляется необходимым дальнейшее совершенствование практики рефинансирования коммерческих банков денежными властями.

Литература

1. Дробышевский С. М., Киюцевская А. М., Трунин П. В. Мандат и цели центральных банков: эволюция и уроки кризиса // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 5 – 24.
2. Рудько-Силиванов В. В., Кучина Н. В., Жевлакова М. А. Организация деятельности центрального банка. М.: КНОРУС, 2016. 200 с.
3. Беспалова О. В., Ильина Т. Г. Понятие и сущность центрального банка: современный взгляд на проблему // Проблемы учета и финансов. 2012. № 3. С. 51 – 55.
4. Смирнова О. В. Центральный банк Российской Федерации: прибыль, капитал и финансовое состояние. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. 132 с.
5. Смирнова О. В. Центральные банки в современном мире // Деньги и кредит. 2013. № 10. С. 66 – 67.
6. Тихонова Р. У. Управление инвестиционной деятельностью Банка России в современных условиях: дис. … канд. экон. наук. Казань, 2006. 194 с.
7. Малышев П. Ю. Эффективность инвестиционных операций центральных банков на финансовых рынках: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2011. 28 с.
8. Моисеев С. Р. Валютные интервенции. Мотивы центральных банков и их инструментарий // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 12 – 19.
9. Измалкова Е. А. Центральный банк в системе рефинансирования коммерческих банков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 13. С. 168 – 173.

10. Рамазанов С. А. Структурный анализ активных операций центральных банков // Финансы и кредит. 2010. № 47. С. 36 – 41.
11. Васильева А. С., Кузнецова М. Н. Инструменты денежно-кредитного регулирования Центрального банка Российской Федерации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 44. С. 22 – 26.
12. Горюнов Е. Л., Дробышевский С. М., Трунин П. В. Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 53 – 85.
13. Прончатов Е. А. Реализация центральными банками функции кредитора последней инстанции (концептуальный аспект) // Деньги и кредит. 2010. № 2. С. 15 – 18.
14. Фитузов В. В. Снижающаяся рыночная ликвидность в условиях обильной ликвидности, предоставляемой Мировыми центральными банками // Вестник научных конференций. 2016. № 3-6. С. 110 – 113.
15. Усоскин В. М. Антикризисная политика центральных банков в 2007 – 2014 годах: цели, особенности, результаты // Деньги и кредит. 2015. № 6. С. 20 – 27.
16. Бажан А. И., Гусев К. Н. Европейский центральный банк в условиях финансового кризиса // Современная Европа. 2016. № 3. С. 93 – 103.
17. Соколов В. Н. Влияние ликвидности, предоставленной Центральным банком, на банки с высоким уровнем иностранных заимствований во время кризиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 1. С. 51 – 78.

THE ROLE OF THE INVESTMENT ACTIVITY OF CENTRAL BANKS IN THE NATIONAL ECONOMY

Elena A. Fedulova[1, @1], Svetlana A. Kononova[1, @2], Alexander M. Matrosov[1, @3]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000
[@1] fedulovaea@mail.ru
[@2] kononovasa@rambler.ru
[@3] matrosov_am@mail.ru

Received 10.05.2017.
Accepted 26.06.2017.

Keywords: Central bank, investment activity, investment process, operations of central bank, refinancing.

Abstract: *Subject.* The article is devoted to the implementation of investment activities of central banks. *Goal and objectives.* The article reveals the content and gives a comparative analysis of the investment activity of central banks in the different countries of the world. It defines the role of the central bank and its status in the country's financial and economic policy. *Methodology.* The methodological basis of the research is the general scientific method of cognition, as well as comparative, systemic and logical-structural analysis. *Results.* The analysis allowed the authors to structure the investment activity of central banks and to explain its individual components. The article gives a detailed analysis of motives for conducting currency intervention, instruments of investing in the foreign exchange market, as well as the role of the central bank as a lender of last resort and the crisis state of the economy as an impetus to the development of refinancing of credit institutions. It reviews various methods of refinancing and the effectiveness of their application in various economic conditions. *Conclusions and significance.* The research has allowed the authors to identify new tendencies, features and some contradictions of investment activity of central banks in the national economy.

For citation: Fedulova E. A., Kononova S. A., Matrosov A. M. Rol' investitsionnoi deiatel'nosti tsentral'nykh bankov v natsional'noi ekonomike [The Role of The Investment Activity of Central Banks in the National Economy]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, no. 1 (2017): 63 – 70. (In Russ.)

References

1. Drobyshevskii S. M., Kiiutsevskaia A. M., Trunin P. V. Mandat i tseli tsentral'nykh bankov: evoliutsiia i uroki krizisa [Mandate and goals of central banks: evolution and lessons of crisis]. *Voprosy ekonomiki = Issues of economics*, no. 5 (2016): 5 – 24.
2. Rud'ko-Silivanov V. V., Kuchina N. V., Zhevlakova M. A. *Organizatsiia deiatel'nosti tsentral'nogo banka* [Organization of activities of the central bank]. Moscow: KNORUS, 2016, 200.
3. Bespalova O. V., Il'ina T. G. Poniatie i sushchnost' tsentral'nogo banka: sovremennyi vzgliad na problemu [The concept and essence of the central bank: a modern view of the problem]. *Problemy ucheta i finansov = Accounting and finance problems,* no. 3 (2012): 51 – 55.
4. Smirnova O. V. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii: pribyl', kapital i finansovoe sostoianie* [Central Bank of the Russian Federation: Profit, Capital and Financial Condition]. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2015, 132.

5. Smirnova O. V. Tsentral'nye banki v sovremennom mire [Central banks in the modern world]. *Den'gi i kredit = Money and credit*, no. 10 (2013): 66 – 67.

6. Tikhonova R. U. *Upravlenie investitsionnoi deiatel'nost'iu Banka Rossii v sovremennykh usloviiakh*. Diss. kand. ekon. nauk [Management of investment activities of the Bank of Russia in modern conditions. Cand. econ. Sci. Diss.]. Kazan', 2006, 194.

7. Malyshev P. Iu. *Effektivnost' investitsionnykh operatsii tsentral'nykh bankov na finansovykh rynkakh*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Effectiveness of investment operations of central banks in financial markets. Cand. econ. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 28.

8. Moiseev S. R. Valiutnye interventsii. Motivy tsentral'nykh bankov i ikh instrumentarii [Currency interventions. Motives of central banks and their tools]. *Den'gi i kredit = Money and credit*, no. 3 (2016): 12 – 19.

9. Izmalkova E. A. Tsentral'nyi bank v sisteme refinansirovaniia kommercheskikh bankov [Central Bank in the system of refinancing of commercial banks]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, no. 13 (2010): 168 – 172.

10. Ramazanov S. A. Strukturnyi analiz aktivnykh operatsii tsentral'nykh bankov [Structural analysis of active operations of central banks]. *Finansy i kredit = Money and credit*, no. 47 (2010): 36 – 41.

11. Vasil'eva A. S., Kuznetsova M. N. Instrumenty denezhno-kreditnogo regulirovaniia Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii [Instruments of monetary regulation of the Central Bank of the Russian Federation]. *Finansovaia analitika: problemy i resheniia = Financial analytics: problems and solutions*, no. 44 (2012): 22 – 26.

12. Goriunov E. L., Drobyshevskii S. M., Trunin P. V. Denezhno-kreditnaia politika Banka Rossii: strategiia i taktika [Monetary policy of the Bank of Russia: strategy and tactics]. *Voprosy ekonomiki = Issues of economics*, no. 4 (2015): 53 – 85.

13. Pronchatov E. A. Realizatsiia tsentral'nymi bankami funktsii kreditora poslednei instantsii (kontseptual'nyi aspekt) [The implementation by central banks of the function of the lender of last resort (the conceptual aspect)]. *Den'gi i kredit = Money and credit,* no. 2 (2010): 15 – 18.

14. Fituzov V. V. Snizhaiushchaiasia rynochnaia likvidnost' v usloviiakh obil'noi likvidnosti, predostavliaemoi Mirovymi tsentral'nymi bankami [The declining market liquidity in conditions of abundant liquidity provided by the World Central Banks]. *Vestnik nauchnykh konferentsii = Bulletin of scientific conferences,* no. 3-6 (2016): 110 – 113.

15. Usoskin V. M. Antikrizisnaia politika tsentral'nykh bankov v 2007 – 2014 godakh: tseli, osobennosti, rezul'taty [Anti-Crisis Policies of Central Banks in 2007 – 2014: Objectives, Peculiarities and Results]. *Den'gi i kredit = Money and credit*, no. 6 (2015): 20 – 27.

16. Bazhan A. I., Gusev K. N. Evropeiskii tsentral'nyi bank v usloviiakh finansovogo krizisa [European Central Bank in the context of financial crisis]. *Sovremennaia Evropa = Modern Europe*, no. 3 (2016): 93 – 103.

17. Sokolov V. N. Vliianie likvidnosti, predostavlennoi Tsentral'nym bankom, na banki s vysokim urovnem inostrannykh zaimstvovanii vo vremia krizisa [The impact of liquidity provided by the Central Bank on banks with a high level of foreign borrowing during the crisis]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, no. 1 (2012): 51 – 78.

УДК 332.83:658.14

ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ-ЗАСТРОЙЩИКОВ В ОБЛАСТИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Александр Н. Шулекин[1, @]

[1] *Сибирская академия финансов и банковского дела, Россия, 630051, г. Новосибирск, ул. Ползунова, 7*
[@] *Shulekin84@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.02.2016.
Принята к печати 09.02.2017.

Ключевые слова: устойчивое развитие, финансовая устойчивость, строительные организации, жилищное строительство.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению применяемых в настоящее время показателей оценки устойчивого развития организаций-застройщиков в области жилищного строительства. В статье охарактеризованы особенности жилищного строительства, влияющие на финансовую устойчивость организаций-застройщиков. Определено, что для достижения устойчивого развития строительной организации необходимо создание системы стратегического управления, основанной на положениях национальных стандартов Российской Федерации. Выявлены проблемы информационной открытости и учетно-аналитического обеспечения деятельности застройщиков и предложены направления их решения. Рассмотрен порядок расчета нормативов оценки финансовой устойчивости деятельности застройщиков. По результатам анализа применяемых показателей оценки устойчивого развития организаций-застройщиков сделан вывод о необходимости расширения перечня используемых нормативов.

Для цитирования: Шулекин А. Н. Показатели оценки устойчивого развития организаций-застройщиков в области жилищного строительства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 71 – 76.

На сегодняшний день строительство в целом является одной из основных отраслей экономики. Эффективность функционирования организаций строительной отрасли определяет эффективность работы предприятий многих смежных отраслей. Особенности учета и анализа в строительстве вызваны тем, что данная отрасль является сложной системой, на которую оказывают влияние различные экономические, производственные, организационные и другие факторы. Существующие методики экономического анализа не применимы в строительстве без учета отраслевой специфики. Н. А. Адамов и В. Е. Чернышев выделяют ряд особенностей строительного производства, оказывающих влияние на организацию учета и проведение анализа [1]. Среди основных особенностей следует выделить технологическую взаимосвязь всех операций процесса строительства, высокую степень материалоемкости, неоднотипность, неподвижность и конструктивную сложность сооружаемых объектов, высокую мобильность трудовых и технических ресурсов, участие других организаций в производстве строительной продукции, неустойчивость соотношения строительно-монтажных работ по их сложности и видам в течение отчетного периода, различные методы реализации объекта (сдачи работ), высокий уровень научно-технических требований к технологии производства и квалификации персонала, влияние климатических и сезонных условий на процесс осуществления работ, сложность ценообразования, разные методики выявления финансового результата.

Создание системы управления строительной организацией на основе концепции стратегического управления является необходимым условием для управления устойчивым развитием организации. Для осуществления стратегического управления организаций используются национальные стандарты Российской Федерации (НС РФ), применение которых регламентировано федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

НС РФ «Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества. ГОСТ Р ИСО 9004-2010» [2; 3] содержит рекомендации по достижению устойчивого успеха организации в современных условиях турбулентности и неопределенности внешней среды. Устойчивый успех организации достигается за счет ее способности отвечать потребностям всех заинтересованных сторон. На наш взгляд, данный стандарт является методологической базой для построения и развития учетно-аналитического обеспечения корпоративного менеджмента организаций любых форм собственности и видов деятельности.

Для достижения устойчивого успеха необходимо осуществление планирования хозяйственной деятельности, которое предполагает, кроме прочего, выявление сопутствующих рисков и оценку воздействия контрагентов на бизнес-процессы организации. Руководству организации следует своевременно принимать управленческие решения с целью улучшения показателей деятельности организации, а также развивать систему менеджмента качества организации для обеспечения эффективного использования ресурсов, принятия обоснованных управленческих решений на основе фактов. На современном этапе организации работают в постоянно изменяющихся условиях неопределенности и турбулентности, в связи с чем следует постоянно осуществлять мониторинг и анализ внутренней и внешней среды организации в целях выявления, оценки и регулирования рисков, связанных с заинтересованными сторонами и их меняющимися потребностями и ожиданиями.

Очевидно, что для достижения устойчивого успеха необходима обработка огромного количества различной информации как внутренней, так и внешней среды организации. Руководству и собственникам строительной организации, а также всем иным заинтересованным сторонам строительной деятельности, необходимо обладать достоверной информацией о финансовой устойчивости организации. Основную часть данной информации можно получить из бухгалтерской отчетности строительных организаций. Однако в основе всех используемых в настоящее время методик анализа финансового состояния лежит существующая структура бухгалтерского баланса, в связи с чем данные методики не учитывают отраслевую специфику строительной деятельности, о которой шла речь выше.

Охарактеризовать финансовое состояние организации можно на основе показателей финансовой устойчивости, платежеспособности, деловой активности и эффективности использования финансовых ресурсов. В условиях рыночной экономики особую важность представляют показатели финансовой устойчивости организации. В свою очередь, для достижения устойчивого финансового состояния необходимо обеспечение высокой степени ликвидности активов, достаточного уровня собственного капитала, приемлемого уровня рентабельности.

Следует отметить, что финансовый анализ необходимо осуществлять на различных этапах жизненного цикла организации. Кроме того, при анализе финансовой устойчивости следует учитывать продолжительность финансового и операционного циклов. В связи с большой продолжительностью операционного цикла в строительстве (значительно превышающего 12 месяцев) организациям-застройщикам необходимо вовлекать в свой оборот существенные объемы финансовых ресурсов на долгосрочной основе. А отсрочка платежа предоставляется поставщиками материалов и подрядчиками на непродолжительные сроки, что увеличивает потребность застройщиков в финансировании.

Итак, отличие бухгалтерской отчетности строительных организаций-застройщиков от отчетности организаций других отраслей с коротким производственным циклом обуславливает необходимость детализации отдельных ее статей (основных средств, запасов, дебиторской и кредиторской задолженности) для более объективной оценки финансового состояния. Например, в бухгалтерском балансе до момента передачи объекта строительства привлеченные средства дольщиков отражаются в составе долгосрочных обязательств по статье «Прочие обязательства» и в полной сумме участвуют в расчете величины чистых активов. Однако представляется, что для более корректного расчета величины чистых активов следует указанную сумму отражать отдельно – как сумму на возмещение затрат по строительству (статья баланса «Прочие долгосрочные обязательства»), планируемые доходы застройщика (статья «Доходы будущих периодов»), а обязательства перед дольщиками по расторгнутым договорам показывать в составе краткосрочных обязательств (статья «Прочие обязательства») [4].

Современное законодательство о долевом участии в строительстве не позволяет полностью защитить права инвесторов. В настоящее время в целях защиты прав участников долевого строительства на строительном рынке особую актуальность приобретают вопросы информационной открытости организаций-застройщиков. На сегодняшний день в связи с реализацией положений Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» [5] в стране формируется новая информационная культура, а также предъявляются новые требования ко всем субъектам рынка.

Информационная открытость застройщиков необходима для развития добросовестной конкуренции на рынке жилищного строительства. Однако на сегодняшний день, по данным экспертов и аналитиков Комитета по взаимодействию застройщиков и собственников жилья Российского союза строителей, только 10 % организаций-застройщиков информационно открыты для инвесторов. Информационно открытые компании кроме проектной декларации готовы публиковать на сайте данные об учредителях, финансовых и бухгалтерских отчетах, уставных и корпоративных документах. Таким образом, у 90 % застройщиков практически невозможно получить разрешительную документацию или информацию о деятельности застройщика [6]. У некоторых застройщиков отсутствует сайт и информацию о них можно получить только через запросы в государственные органы. Недостаток информационной открытости стирает границы между добросовестными застройщиками и сомнительными компаниями.

В соответствии с действующим законодательством организации-застройщики должны ежеквартально составлять и представлять отчетность по деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства. При подготовке и представлении отчетности организации-застройщики должны руководствоваться следующими законодательными и нормативными документами: Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [7], Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2005 г. № 645 «О ежеквартальной отчетности застройщиков об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства» [8], Приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 12 января 2006 г. № 06-2/пз-н «Об утверждении методических указаний по заполнению форм ежеквартальной отчетности застройщиков об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства» [9], Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2006 г. № 233 «О нормативах оценки финансовой устойчивости деятельности застройщика» [10], Приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 30 ноября 2006 г. № 06-137/пз-н «Об утверждении инструкции о порядке расчета нормативов оценки финансовой устойчивости деятельности застройщика» [11].

Согласно Постановлению Правительства РФ от 27 октября 2005 г. № 645 [8] в состав отчетности организаций-застройщиков включаются отчетные формы, представленные на рисунке.

Рис. ***Отчетные формы организаций-застройщиков***
Fig. ***Report forms of real estate developers***

Кроме указанных форм в ряде случаев необходимо предоставление дополнительных форм отчетности: справки с указанием оснований расторжения договоров долевого участия в строительстве (при наличии расторгнутых договоров в отчетном периоде), справки с указанием причин ненадлежащего исполнения обязательств по договорам долевого участия в строительстве (при наличии неисполненных или просроченных обязательств по договорам), справки с указанием направления расходования денежных средств и ссылкой на проектную документацию (при наличии прочих расходов). Также организации-застройщику необходимо предоставить в течение года, следующего за отчетным, аудиторское заключение, подтверждающее достоверность ее бухгалтерской отчетности.

Как отмечалось выше, финансовая устойчивость является основной характеристикой финансового положения организации. Организации-застройщики оценивают свою финансовую устойчивость по трем нормативам, порядок расчета которых установлен Положением № 233 от 21 апреля 2006 г. [10] и Инструкцией № 06-137/пз-н от 30 ноября 2006 г. [11]. В указанных документах предусмотрены нормативы оценки финансовой устойчивости деятельности застройщика, представленные в таблице.

Таблица. **Нормативы оценки финансовой устойчивости деятельности застройщика**
Table. **Standards for assessing the financial sustainability of the developer**

Норматив	***Нормативное значение***	***Сроки расчета норматива***
Норматив обеспеченности обязательств	Не менее 1	Ежеквартально по состоянию на последний день отчетного квартала
Норматив целевого использования средств	Не более 1	Ежеквартально по состоянию на последний день отчетного квартала
Норматив безубыточности	Не менее 1	Ежегодно по состоянию на последний день календарного года

В разделе 2 Инструкции [11] содержится порядок расчета указанных нормативов.

Норматив обеспеченности обязательств (H_1) определяется по формуле:

$$H_1 = A \div O, (1)$$

где A – величина активов застройщика;

O – величина обязательств застройщика перед участниками долевого строительства, которая определяются исходя из цены договора участия в долевом строительстве.

Норматив целевого использования средств (H_2) рассчитывается по формуле:

$$H_2 = A_н \div Д, (2)$$

где $A_н$ – величина активов застройщика, не связанных со строительством, а именно внеоборотных активов, дебиторской задолженности, краткосрочных финансовых вложений за вычетом величины незавершенного строительства и денежных средств участников долевого строительства, предоставленных с отсрочкой платежа;

$Д$ – величина долгосрочных и краткосрочных обязательств застройщика за исключением обязательств по договорам участия в долевом строительстве.

Итак, из числителя при расчете данного норматива исключаются активы, связанные с долевым строительством, такие как:

– стоимость незавершенного долевого строительства (часть суммы строки раздела I «в том числе незавершенное строительство»);

– сумма НДС по стоимости долевого строительства, отраженного на счете 08 субсчет «Незавершенное

строительство» (часть суммы строки раздела II «НДС по приобретенным ценностям»);

– величина задолженности дольщиков (инвесторов) в связи с предоставленной им отсрочкой платежа (часть суммы строки раздела II «Дебиторская задолженность»).

Следует отметить, что отражение средств дольщиков в бухгалтерском учете застройщиков обычно производится следующим образом: при регистрации договора долевого участия делается запись по дебету субсчета «Расчеты с участниками долевого строительства» к счету 76 в корреспонденции с кредитом счета 86 «Целевое финансирование» на сумму по договору, а при внесении дольщиком денежных средств – запись по дебету счета 51 (50) в корреспонденции с кредитом субсчета «Расчеты с участниками долевого строительства» к счету 76. Таким образом, дебетовое сальдо по данному субсчету счета 76 исключается из числителя при расчете норматива целевого использования средств.

В знаменатель при расчете норматива целевого использования средств включается общая сумма разделов бухгалтерского баланса «Долгосрочные обязательства» и «Краткосрочные обязательства» за минусом кредитового сальдо по субсчету «Средства участников долевого строительства» к счету 86.

Норматив безубыточности определяется как количество лет из трех последних лет работы организации-застройщика, в которых согласно годовым отчетам о финансовых результатах была получена прибыль как конечный финансовый результат деятельности.

Можно сделать вывод о том, что главным условием обеспечения финансовой устойчивости застройщика и соблюдения нормативных значений рассмотренных показателей является тщательное выдерживание сроков строительства. При формировании финансовой стратегии необходимо учитывать, что сроки окупаемости инвестиций не должны превышать сроки использования вложенного капитала [12].

Проведенный анализ состава представляемой организациями-застройщиками отчетности и порядка расчета нормативов оценки их финансовой устойчивости позволяет сделать следующие выводы. На сегодняшний день состав представляемой организациями-застройщиками отчетности является недостаточным для оценки дольщиками рисков от вложения средств в строительство, а рассмотренные показатели, на наш взгляд, не могут полностью охарактеризовать реальное финансовое положение организации-застройщика. Право контролировать хозяйственную деятельность застройщика более глубоко сегодня не предоставлено никаким государственным органам до тех пор, пока в действиях руководителей застройщика не будет установлен состав уголовного преступления. Решение данных проблем следует проводить по следующим направлениям.

Несмотря на то, что в Федеральном законе № 214-ФЗ содержатся требования к раскрытию информации организациями-застройщиками, на наш взгляд, необходимы поправки в указанный закон, которые расширили и конкретизировали бы эти нормы. На сегодняшний день основным инструментом раскрытия информации о застройщике является публикуемая им проектная декларация. Однако отсутствие единых требований к декларациям и недостаточно жесткие правила публикации этих данных приводят к формальному соблюдению закона застройщиками. На наш взгляд, самым главным изменением должно стать установление единой формы проектной декларации, утверждаемой Минстроем РФ. Также следует изменить способ направления застройщиками деклараций в контролирующие органы – вместо почтового отправления необходимо перейти на электронную форму декларации. Использование современных технологий будет способствовать созданию единого электронного реестра деклараций, который можно вести на официальном сайте Минстроя РФ. В свою очередь региональным органам контроля следует предоставить право вести электронные региональные реестры деклараций.

Кроме того, декларацию необходимо пополнить сведениями, которые дадут возможность дольщикам оценить надежность застройщика и узнать реальные сроки строительства объектов. К числу такой информации можно отнести сведения о градостроительном плане земельного участка, сведения о планируемом технологическом присоединении к сетям и техническом обеспечении сетями электричества, планируемых сроках подключения, размерах платы за подключение. Также декларацию необходимо дополнить информацией о том, как застройщик выполнял прошлые проекты. Следует установить обязательные требования к интернет-ресурсам застройщика.

Что касается нормативов оценки финансовой устойчивости застройщиков, то по нашему мнению, необходимо расширение перечня используемых нормативов. Так, возможно использование ряда показателей, используемых в банковской сфере и содержащихся в Указаниях № 2005-У от 30 апреля 2008 г. [13] и № 3277-У от 11 июня 2014 г. [14].

Таким образом, создание единых стандартов информационной открытости застройщика, а также введение ответственности для всех участников рынка (застройщиков, агентств недвижимости, дольщиков), позволят решить сразу несколько задач. Объединив информационную открытость с ответственностью всех сторон, мониторингом деятельности и финансовыми обязательствами, возникнут все условия для добросовестной конкуренции, что сделает рынок жилищного строительства понятным и прозрачным, вернет доверие граждан, придаст дополнительный толчок к развитию отрасли, не прибегая к государственному стимулированию.

Литература

1. Адамов Н. А., Чернышев В. Е. Организация управленческого учета в строительстве. СПб.: Питер, 2006. 192 с.

2. Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества. ГОСТ Р ИСО 9004-2010. М.: Стандартинформ, 2011. 41 с. Режим доступа: http://www.novsu.ru/file/1085229

3. Об утверждении национального стандарта: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.11.2010 № 501-ст. Режим доступа: http://base.garant.ru/70107909/

4. Соцкова С. И. Особенности финансового анализа организаций с длительным прерывным производственным циклом // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 1. С. 127 – 135.

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 21.10.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.05.2014. № 18. Ч. II. Ст. 2159.

6. Актуальные проблемы строительства обсудили за круглым столом // Официальный сайт Общероссийского межотраслевого объединения работодателей «Российский союз строителей». 03.06.2015. Режим доступа: http://omorrss.ru/press_center/committees_news/komitet-rossijskogo-soyuza-stroitelej-povzaimodejstviyu-zastrojshhikov-i-sobstvennikov-zhil-ya/aktualnye-problemy-stroitelstva-obsudili-za-kruglym-stolom (дата обращения: 15.11.2016).

7. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. 03.07.2016) // Российская газета. 31.12.2004. № 292.

8. О ежеквартальной отчетности застройщиков об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства: Постановление Правительства РФ от 27.10.2005 № 645 (ред. от 16.01.2007, с изм. от 03.04.2008) // Российская газета. 09.11.2005. № 250.

9. Об утверждении методических указаний по заполнению форм ежеквартальной отчетности застройщиков об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства: Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 12.01.2006 № 06-2/пз-н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 20.03.2006. № 12.

10. О нормативах оценки финансовой устойчивости деятельности застройщика: Постановление Правительства РФ от 21.04.2006 № 233 (ред. от 16.01.2007) // Российская газета. 03.05.2006. № 92.

11. Об утверждении инструкции о порядке расчета нормативов оценки финансовой устойчивости деятельности застройщика: Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 30.11.2006 № 06-137/пз-н (ред. от 03.12.2009) // Российская газета. 31.01.2007. № 19.

12. Анпилов С. М. Финансовые индикаторы устойчивого развития строительных организаций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2011. № 11. С. 5 – 9.

13. Об оценке экономического положения банков: Указание Банка России от 30.04.2008 № 2005-У (ред. от 11.11.2016) // Вестник Банка России. 04.06.2008. № 28.

14. О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов: Указание Банка России от 11.06.2014 № 3277-У (ред. от 11.03.2015) // Вестник Банка России. 06.08.2014. № 71.

INDICATORS FOR ASSESSING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REAL ESTATE DEVELOPERS IN THE FIELD OF HOUSING CONSTRUCTION

Alexander N. Shulekin[1, @]

[1] *Siberian Academy of Finance and Banking,* 7, Polzunov St., Novosibirsk, Russia, 630051
[@] Shulekin84@mail.ru

Received 29.02.2016.
Accepted 09.02.2017.

Keywords: sustainable development, financial stability, construction companies, housing construction.

Abstract: The article features the currently used assessment indicators of the sustainable development of developers in the field of housing construction. It describes the features of housing construction that affect the financial stability of real estate developers. It was determined that to achieve sustainable development of the construction organization, one has to create a strategic management system based on the provisions of national standards of the Russian Federation. The paper identifies problems of information transparency and accounting- analytical maintenance of activity of developers and proposes directions for their solution. It reviews calculation ratios for assessing financial stability of developers' activity. Conclusions about the necessity of expanding the list of standards were made according to the analysis of the currently used indicators of assessing sustainable development of developers.

For citation: Shulekin A. N. Pokazateli otsenki ustoichivogo razvitiia organizatsii-zastroishchikov v oblasti zhilishchnogo stroitel'stva [Indicators for Assessing Sustainable Development of Real Estate Developers in the Field of Housing Construction]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 71 – 76. (In Russ.)

References

1. Adamov N. A., Chernyshev V. E. *Organizatsiia upravlencheskogo ucheta v stroitel'stve* [Organization of managerial accounting in construction]. Saint-Petersburg: Piter, 2006, 192.

2. *Menedzhment dlia dostizheniia ustoichivogo uspekha organizatsii. Podkhod na osnove menedzhmenta kachestva. GOST R ISO 9004-2010* [Managing for the sustained success of an rganization – A quality management approach (IDT). ISO 9004-2010]. Moscow: Standartinform, 2011, 41. Available at: http://www.novsu.ru/file/1085229

3. *Ob utverzhdenii natsional'nogo standarta* [About the approval of the national standard]. Order of Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of 23.11.2010 No. 501-st. Available at: http://base.garant.ru/70107909/

4. Sotskova S. I. Osobennosti finansovogo analiza organizatsii s dlitel'nym preryvnym proizvodstvennym tsiklom [Features of a financial analysis of the organizations with long discontinuous production cycle]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara state economic university*, no. 1 (2013): 127 – 135.

5. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Informatsionnoe obshchestvo (2011 – 2020 gody)» [About the approval of the state program of the Russian Federation "Information society (2011 – 2020)»]. The resolution of the Government of the Russian Federation from 04.15.2014 No. 313 (an edition from 10.21.2016). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = The Russian Federation Code*, part II, no. 18 (05.05.2014): art. 2159.

6. *Aktual'nye problemy stroitel'stva obsudili za kruglym stolom* [Actual problems of construction were discussed at round table]. 03.06.2015. Available at: http://omorrss.ru/press_center/committees_news/komitet-rossijskogo-soyuza-stroitelej-povzaimodejstviyu-zastrojshhikov-i-sobstvennikov-zhil-ya/aktualnye-problemy-stroitelstva-obsudili-za-kruglym-stolom (accessed 15.11.2016).

7. Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inykh ob"ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [About participation in shared-equity construction of apartment houses and other real estate objects and about modification of some legal acts of the Russian Federation]. Federal law of 30.12.2004 No. 214-FZ (edition of 03.07.2016). *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 292 (31.12.2004).

8. O ezhekvartal'noi otchetnosti zastroishchikov ob osushchestvlenii deiatel'nosti, sviazannoi s privlecheniem denezhnykh sredstv uchastnikov dolevogo stroitel'stva [About the quarterly reporting of builders on implementation of the activity connected with attraction of money of participants of shared-equity construction]. Resolution of the Government of the Russian Federation from 27.10.2005 No. 645 (cor. dated 16.01.2007, with changes. dated 03.04.2008). *Rossiiskaia gazeta = Russian Newspaper,* no. 250 (09.11.2005).

9. Ob utverzhdenii metodicheskikh ukazanii po zapolneniiu form ezhekvartal'noi otchetnosti zastroishchikov ob osushchestvlenii deiatel'nosti, sviazannoi s privlecheniem denezhnykh sredstv uchastnikov dolevogo stroitel'stva [About approval of methodical instructions for filling of forms of the quarterly reporting of builders on implementation of the activities connected with attraction of a money of participants of shared-equity construction]. Order of the Federal Service for Financial Markets of 12.01.2006 No. 06-2/pz-n. *Biulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti = Bulletin of regulations of federal executive bodies,* no. 12 (20.03.2006).

10. O normativakh otsenki finansovoi ustoichivosti deiatel'nosti zastroishchika [Standards for the assessment of financial stability of activities of the Builder]. Regulation of the Government of the Russian Federation of 21.04.2006 No. 233 (as amended on 16.01.2007). *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 92 (03.05.2006).

11. Ob utverzhdenii instruktsii o poriadke rascheta normativov otsenki finansovoi ustoichivosti deiatel'nosti zastroishchika [About approval of the instruction about a procedure of payments of standard rates of assessment of financial stability of activities of the builder]. Order of the Federal Service for Financial Markets of 30.11.2006 No. 06-137/pz-n (edition of 03.12.2009). *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 19 (31.01.2007).

12. Anpilov S. M. Finansovye indikatory ustoichivogo razvitiia stroitel'nykh organizatsii [Financial indicators of stable development of building organizations]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Messenger of Samara state economic University*, no. 11 (2011): 5 – 9.

13. Ob otsenke ekonomicheskogo polozheniia bankov [About assessment of an economic situation of banks: Specifying of the Bank of Russia of 30.04.2008 No. 2005-U (edition of 11.11.2016)]. *Vestnik Banka Rossii = Bulletin of the Bank of Russia,* no. 28 (04.06.2008).

14. O metodikakh otsenki finansovoi ustoichivosti banka v tseliakh priznaniia ee dostatochnoi dlia uchastiia v sisteme strakhovaniia vkladov [About techniques of assessment of financial stability of bank for the purpose of recognition its sufficient for participation in a deposit insurance system:]. Specifying of the Bank of Russia of 11.06.2014 No. 3277-U (an edition of 11.03.2015). *Vestnik Banka Rossii = Bulletin of the Bank of Russia*, no. 71 (06.08.2014).

УДК 316.42

СОЦИОЛОГИЯ ПИТАНИЯ: «ВЕЧНАЯ» ПРОБЛЕМА МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ТРАНЗИТИВНОСТЬЮ.

Рецензия на книгу: Кравченко С. А., Зарубина Н. Н., Носкова А. В., Карпова Д. Н., Голоухова Д. В. Социология питания: традиции и трансформации. М.: МГИМО-Университет, 2017. 302 с.

Евгений В. Головацкий[1, @1, @2]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *politsocio@kemsu.ru*
[@2] *xomaik@rambler.ru*

Поступила в редакцию 12.04.2017.
Принята к печати 26.06.2017.

Ключевые слова: социология питания, риски, уязвимости, социологические исследования, социология потребления, социальные трансформации.

Аннотация: Рецензируется коллективная монография «Социология питания: традиции и трансформации» под общей редакцией Н. Н. Зарубиной и С. А. Кравченко. В работе поднимаются актуальные и социально значимые проблемы и перспективы развития интереснейшего социологического направления – социологии питания. В системе общества потребления в последнее время сфера питания претерпевает существенные трансформации, связанные с рисками, уязвимостями, новыми общественными ожиданиями. Авторы коллективной монографии комплексно охватывают специфическую сферу социальных отношений, рассматривая связку традиционных и альтернативных социальных практик питания с учетом российской специфики. В работе отмечается ресурсный характер «пищевой зависимости» современного общества в социально-экономическом, политическом (глобализационном), а также информационно-коммуникативном аспектах развития современного общества. Питание, являясь неотъемлемым элементом системы социальных отношений, подвержено современным вызовам и уязвимостям нашего мира. Наконец, авторы предлагают некоторое перспективное «меню» развития практик питания в современной России.

Для цитирования: Головацкий Е. В. Социология питания: «вечная» проблема между традицией и транзитивностью. Рецензия на книгу: Кравченко С. А., Зарубина Н. Н., Носкова А. В., Карпова Д. Н., Голоухова Д. В. Социология питания: традиции и трансформации. М.: МГИМО-Университет, 2017. 302 с. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 77 – 80.

Проблемное поле рассматриваемой темы, на первый взгляд, предстает самодостаточным и субсидиарным по отношению к различным социальным феноменам, окружающим человека в повседневности. Пища, а также организационно-коммуникативные практики, относящиеся к потреблению еды, материально-вещные или идеализированные элементы, демонстрирующие процессуальную и/или коммуникативную стороны процессов социального потребления, являются неотъемлемыми частями складывающихся социальных отношений. Питание – один из стержней организации жизни современного общества. Помимо основной конструктивной линии общественного преобразования, системы питания в обществе способны, например, проявляться в социальной напряженности среди населения [1], повышать уровень ожиданий, формировать новые риски, сопутствующие воспроизводству и распределению соответствующих материальных благ и прочих видов ресурсов.

Современные подходы к социальным практикам питания, анализирующие потребление через призму технократической парадигмы, общества типа «модернити» и общества риска, а также постмодернистких концепций виртуального, сверхмобильного, путешествующего общества (модели «скейпов» по Дж. Урри), свидетельствуют, что трансформации практик пищевого потребления, «пищевая политика» зачастую производят риски и уязвимости для потребителей. Отмеченные вызовы продуцируют новые, зачастую неожиданные практики потребления, сохранения и аккумулирования технологий питания различных социальных групп в современном обществе [2, с. 63 – 65]. Пища, социальные акты, связанные с ее приемом, проблемы обеспечения общества пищевыми ресурсами, появление уникальных социальных практик потребления пищи и, соответственно, усложняющиеся рукотворные риски, связанные с потреблением еды, в обозримом будущем остаются жизненноважной составляющей процессов социально-политического взаимодействия.

Глобальные социально-экономические и политические процессы влияют на характер производства и потребления еды, побуждают к созданию новых социокультурные технологий надзора за «нормальностью» еды, создают вызовы трансформирующемуся на наших глазах миру. К примеру, политический аспект питания реализуется и трансформируется в современной России в соответствие с рядом особенностей: «режима санкций», политики импортозамещения, региональной/территориальной акцентуации политического спро-

са на проблемы качества жизни, а также тревожного ожидания всевозможных «текучих страхов» в виде постоянного объема беспокойств, самовоспроизводимого политическими и экономическими структурами, что порождает атмосферу фобии фобий [3, с. 212].

Исследователи отмечают, что установка на индивидуализм в питании является своеобразным проявлением социального давления в потреблении пищи, а исследования рациона питания имеют практическую значимость диагностики социального благополучия в обществе [4, с. 62].

В коллективной монографии «Социология питания: традиции и трансформации» осуществляется интерпретация современных практик питания, дается их обстоятельный анализ с учетом традиционных и вновь привнесенных элементов потребления пищи. В работе используется значительное количество «живых» материалов, отсылающих читателей к статистике, информационным бюллетеням, раскрывающих характер питания в разных культурах. Задействуются как известные, ставшие каноническими в библиографии общества потребления, источники, так и новейшая литература. При этом раскрываются конкретные возможности теоретико-методологического инструментария социологии для исследования динамики практик питания, характеризующих трансформации в еде и соответствующие качественные изменения в социальных отношениях нашего общества. Проблемы питания до сих пор остаются, в сущности, слабо изученными, требующими социологического сопровождения.

Практики потребления пищи, формирования здорового отношения к питанию посредством регулирования приема конкретных продуктов питания могут исследоваться социологами в соответствии с различными условиями жизни современного человека: религиозными и национально-этническими предпочтениями, характером трудовой деятельности, интенсивностью социальных коммуникаций, индивидуальным стилем жизни и т. д.

Проблема питания в рецензируемой коллективной монографии предлагается к рассмотрению в подходах нелинейной динамики: в качестве биоприродной субстанции; неотъемлемого социального компонента; институциализированной культурной ценности, нормы и традиции; наконец, в практиках биополитических дискурсов [5, с. 220 – 234]. При этом исследование основано на постулате о «стреле времени» еды: «мы едим то, в каком обществе мы живем. Представления о здоровой и вкусной пищи меняются, ныне достаточно быстро «устаревают» в контексте динамики дискурсов о еде» [6, с. 25].

В работе демонстрируется направление трансформации институциональных оснований практик питания, критически анализируется прагматические версии биополитики, в частности развитие «кормленческой» власти в нашем обществе. Описываемые трансформации системы питания происходят постоянно в режиме «non-stop». Причем отмечается, что динамичные социально-экономические преобразования постсоветского этапа развития России не способствовали своевременному формированию новых социальных практик потребления, «рыночного пищевого поведения».

Приводимые в монографии обширные статистические материалы позволяют сформировать многомерную картину взаимоувязанности проблем питания в современной системе социальных отношений с политическими предпочтениями граждан, социально-демографическими характеристиками семей, видами и формами трудовой занятости, системой быта, социокультурными потребностями и пр. Авторы предлагают проект рациональной нормализации практик питания в современной России. «Нормативное тело» – телесная норма, определяемая культурой и социальными отношениями конкретного общества, очевидным образом связанная с культурно же одобряемым нормативным стандартом питания [6, с. 114 – 151].

Сложность применения подобного подхода определяется рисками отхода от традиционных норм и опасностей формирования «нормальной аномии». Методологическую сложность представляют сами практики «нормальной аномии» [7], трудности применения, объективирования исследовательского инструментария и отдельных измерителей. Медикализация нормативной телесности также налагает свои черты на облик современной системы питания и на представления о человеческом теле и здоровье. В результате авторы приходят к выводу о невозможности однозначных институциональных трактовок в системах отношений типа: «человек» – «еда», «человек» – «еда» – «человек». Формируется необходимость переоткрытия места и роли еды в нашей жизни как в силу объективных изменений в потребляемых продуктах питания, так и субъективных культурно сконструированных смыслов о «нормальной» еде с акцентом на «гуманистический поворот» в научном знании [8].

Интересным предложением в копилку авторам можно обозначить обращение к «третьему месту», понимаемому как система кафе, закусочных, книжных магазинов, баров, салонов красоты и других мест «тусовок» [9], – данное социальное пространство мало изучено в России. Например, проективно предположение о ситуативном соответствии российских граждан своим «третьим местам». Еще одной интересной стороной расширения области исследования социологии питания может послужить анализ восполняемости социальных ресурсов с учетом трансформации системы питания на фоне реализации в России федеральных и региональных проектов.

В настоящее время общество находится на новом витке трансформации системы питания, когда реконструкция традиционных практик потребления питания, использования кросскультурных заимствований и пищевых трансфертных технологий сталкивается с вызовами современности и перспективами виртуализации питания, интенсификации использования продуктов, содержащих генетически модифицированные организмы (ГМО), распространением биопринтеров и т. п.

Исследователи отмечают, что в ответ на глобальные тренды макдональдизированного общества образуются многочисленные альтернативные протестные движения [10].

Уместно предположить необходимость научного формирования активной модели пищевого поведения современного человека, когда потребление пищи не просто сумма биохимических реакций, но осмысливаемое человеком качественное, индивидуально ответственное (по аналогии с социально-политической, кредитно-финансовой или социокультурной деятельностью)

потребление еды. В этой связи актуально и востребованно звучит призыв авторов коллективной монографии к конструированию смыслов здорового и вкусного питания посредством языка еды. «Социальная важность пищи» позволяет использовать возможности социологического подхода для формирования комплексной, но в то же время динамической картины трансформации смыслов потребления еды в российском обществе. Осваивая новые социальные практики, российское общество подвержено трансформации системы питания с учетом общемировых, российских и местных (локализованных) перспектив и возможностей.

Литература

1. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Вступительная статья, составление, комментарии, подготовка к печати В. В. Сапова и В. С. Сычевой. М.: Academia & LVS, 2003. 684 с.
2. Капусткина Е. В. Социология питания: динамика потребительских практик россиян // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8-2. С. 63 – 65.
3. Кравченко С. А. Liquid fear // Кравченко С. А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012. 690 с.
4. Носкова А. В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2015. № 3(14). С. 49 – 64.
5. Кравченко С. А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 431 с.
6. Кравченко С. А., Зарубина Н. Н., Носкова А.В., Карпова Д. Н., Голоухова Д. В. Социология питания: традиции и трансформации: коллективная монография / под общ. ред. Н. Н. Зарубиной, С. А. Кравченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. социологии. М.: МГИМО-Университет, 2017. 302 с.
7. Кравченко С. А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 302 с.
8. Кравченко С. А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12 – 23.
9. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
10. Карпова Д. Н. Еда как контркультура или движение антикапитализма // Вестник Института социологии. 2015. № 3(14). С. 65 – 73.

SOCIOLOGY OF FOOD: «ETERNAL» PROBLEM BETWEEN TRADITION AND TRANSITIVITY.

Book Review: Kravchenko S. A., Zarubina N. N., Noskova A. V., Karpova D. N., Goloukhova D. V. Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations. Moscow: MGIMO-University, 2017. 302 p.

Eugene V. Golovatsky[1, @1, @2]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *politsocio@kemsu.ru*
[@2] *xomaik@rambler.ru*

Received 12.04.2017.
Accepted 26.06.2017.

Keywords: sociology of nutrition, risks, vulnerabilities, sociological research, sociology of consumption, social transformations.

Abstract: The collective monograph «Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations» is reviewed under the general editorship of N. N. Zarubina and S. A. Kravchenko. The work raises relevant and socially significant problems and prospects for the development of an interesting sociological trend – the sociology of nutrition. In the system of the consumer society, food industry has recently undergone significant transformations associated with risks, vulnerabilities, and new public expectations. The authors of the collective monograph cover a specific sphere of social relations as a cohesive whole, considering a bunch of traditional and alternative social nutrition practices, taking into account the Russian specifics. The monograph notes the resource nature of the «food addiction» of modern society in the socio-economic, political (global), as well as informational and communicative aspects of the development of modern society. Nutrition, being an integral part of the system of social relations, is subject to modern challenges and vulnerabilities of our world. Finally, the authors offer some perspective «menu» for the development of nutrition practices in modern Russia.

For citation: Golovatsky E. V. Sotsiologiia pitaniia: «vechnaia» problema mezhdu traditsiei i tranzitivnost'iu. Retsenziia na knigu: Kravchenko S. A., Zarubina N. N., Noskova A. V., Karpova D. N., Goloukhova D. V. Sotsiologiia pitaniia: traditsii i transformatsii. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 302 s. [Sociology of Food: «Eternal» Problem between Tradition and Transitivity. Book Review: Kravchenko S. A., Zarubina N. N., Noskova A. V., Karpova D. N., Goloukhova D. V. Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations. Moscow: MGIMO-University, 2017. 302 p.]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2017): 77 – 80. (In Russ.)

References

1. Sorokin P. A. *Golod kak faktor. Vliianie goloda na povedenie liudei, sotsial'nuiu organizatsiiu i obshchestvennuiu zhizn'* [Hunger as a factor. The impact of hunger on people's behavior, social organization and social life]. Moscow: Academia & LVS, 2003, 684.
2. Kapustkina E. V. Sotsiologiia pitaniia: dinamika potrebitel'skikh praktik rossiian [Sociology of nutrition: the dynamics of consumer practices of Russians]. *Sotsiologiia v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity*, no. 8-2 (2016): 63 – 65.
3. Kravchenko S.A. Liquid fear. *Sotsiologicheskii tolkovyi anglo-russkii slovar'* [Sociological explanatory English-Russian dictionary]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2012, 690.
4. Noskova A. V. Pitanie kak ob"ekt sotsiologii i marker sotsial'nogo neravenstva [Nutrition as an object of sociology and a marker of social inequality]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 3(14) (2015): 49 – 64.
5. Kravchenko S. A. *Sotsiologicheskaia diagnostika riskov, uiazvimostei, doveriia* [Sociological diagnosis of risks, vulnerabilities, trust]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016, 431.
6. Kravchenko S. A., Zarubina N. N., Noskova A. V., Karpova D. N., Goloukhova D. V. *Sotsiologiia pitaniia: traditsii i transformatsii* [Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations]. Ed. Zarubina N. N., Kravchenko S. A. Moscow: MGIMO-Universitet, 2017, 302.
7. Kravchenko S. A. *Sotsiologiia riska i bezopasnosti* [Sociology of risk and safety].Moscow: Iurait, 2016, 302.
8. Kravchenko S. A. Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [The demand for a humanistic turn in sociology]. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika = Sociological Science and Social Practice*, no. 1 (2013): 12 – 23.
9. Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of "partying" as the foundation of the community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 456.
10. Karpova D. N. Eda kak kontrkul'tura ili dvizhenie antikapitalizma [Food as a counterculture or movement of anti-capitalism]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 3(14) (2015): 65 – 73.

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 03.07.2017. Формат А 4.
Дата выхода в свет 27.07.2017.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 13,25. Уч.- изд. л. – 12,69.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.